

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬнай

АКАДЭМІі НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2021. Т. 66, № 2

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ

АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2021. Т. 66, № 2

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

- В. И. Бельский** – Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- В. В. Гниломедов** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- А. И. Локотко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- М. С. Макрицкая** – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)
- Е. М. Бабосов** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Г. А. Василевич** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
- В. В. Данилович** – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- И. Л. Копылов** – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
- А. Д. Король** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

- Г. П. Коршунов** – Европейский гуманитарный университет, Вильнюс, Литва
А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. В. Пальчик – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

- А. Н. Булыко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Академиздатцентр Российской академии наук «Издательство «Наука», Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
Герд Генцель – Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации при Национальном банковском совете, Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
В. И. Жук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. В. Кодин – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», Смоленск, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
П. П. Толочко – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

*ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by*

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2021. Т. 66, № 2.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*

Компьютерная вёрстка *С. Н. Костюк*

Подписано в печать 05.04.2021. Выход в свет 29.04.2021. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 98 экз. Заказ 63.

Цена номера: индивидуальная подписка – 12,38 руб., ведомственная подписка – 29,38 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».

Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2021

PROCEEDINGS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2021, vol. 66, no. 2

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

*The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

E d i t o r - i n - C h i e f:

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E d i t o r i a l B o a r d:

- Valery I. Belsky** – Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Vladimir V. Gnilomedov – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Alexander I. Lokotko – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)
- Evgeny M. Babosov** – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Yakub Kolas Institute of Linguistics Branch of the State Scientific Institution «The Center for Belarusian
Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk, Belarus
Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Gennady P. Korshunov – European Humanities University, Vilnius, Lithuania
Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Alexander A. Lukashanets – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia
Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Gennady V. Palchik – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Ivan V. Saverchenko – Yanka Kupala Institute of Literary Studies Branch of the State Scientific Institution «The Center
for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk,
Belarus

Editorial Council:

- Alexander N. Bulyko** – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir I. Vasilyev** – Nauka Academic Publishing Center under the Russian Academy of Sciences «Publishing House «Nauka», Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center «Nauka» of the Russian Academy of Sciences, Center for Research in Book Culture, Book Publishing Council of the International Association of Academies of Sciences, Moscow, Russia
- Gerd Hentsthal** – Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany
- Sergey Yu. Glazeyev** – Advisor to the President of the Russian Federation, Representative of the President of the Russian Federation at the National Banking Council, Moscow, Russia
- Eva K. Golakhovska** – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
- Aleksey Ye. Daineko** – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
- Alexander I. Zhuk** – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
- Valery I. Zhuk** – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir A. Il'in** – Federal State Budget Institution of Science «Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Union of Sociologists of Russia, Vologda, Russia
- Sergey P. Karpov** – Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Moscow State University named after M. V. Lomonosov», Moscow, Russia
- Evgeny V. Kodin** – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University», Smolensk, Russia
- Evgeni Mironovich** – University of Bialystok, Bialystok, Poland
- Azimkhan A. Satybaldin** – Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
- Andrei V. Smirnov** – Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Petr P. Tolochko** – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
- Zhan Yuyan** – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
- Yang Xiong** – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

*1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by*

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2021, vol. 66, no. 2.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *S. N. Kostsyuk*

Signed to print on 05.04.2021. Published on 29.04.2021. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 98 copies. Order 63.
Number price: individual subscription – BYN 12.38, departmental subscription – BYN 29.38.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE “Publishing House “Belaruskaya Navuka”,
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2021

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Смоляков Д. А. Интернационализация высшего образования в свете проблем национального развития.....	135
Ермакоў Я. С. Структурна-дынамічныя асаблівасці самаарганізацыі сацыяльных сістэм: філасофска-метадалагічныя аспекты	142
Семёнова А. В. Потребление: концептуализация понятия в зарубежной классической социологии.....	153

ГІСТОРЫЯ

Дубицкая Н. Н. Население Припятского Полесья в I тысячелетии н. э.....	163
Мелеховец В. Ф. Производственная и социокультурная деятельность Белорусского общества глухих (2011 – 2015 гг.).....	169
Соловьёв К. А. Проблематика этноконфессиональных отношений в Западной Беларуси в период II Речи Посполитой (1921 – 1939 гг.) (на примере Успенского Жировичского монастыря)	179

МОВАЗНАЎСТВА

Юйцинь Пань, Лукашанец А. А. Динамика языковой ситуации в Беларуси и белорусский язык в мире в контексте инициативы «Один пояс и один путь»	188
--	-----

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Гонжуров Г. А. Графика единиц государственного документооборота Республики Беларусь (1991–2019 гг.).....	200
---	-----

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Хмяльніцкі М. М. Беларусь як малая гістарычная радзіма ў творчасці польскіх паэтаў 1918–1939 гг. (на прыкладзе паэзіі К. Вяжынскага і С. Балінскага)	207
---	-----

ПРАВА

Василевич Г. А. Наука конституционного права как основа развития государственно-правовой системы.....	215
--	-----

ЭКАНОМІКА

Тетёркина А. М., Ганюков А. Н. Концептуальные основы функционирования потребительского рынка	225
Еловая Е. М. Брендинг как эффективный инструмент развития туристических территорий Республики Беларусь	235

РЭЦЭНЗІІ

Ляшкевіч А. І. «Миссия выполняема» вяртаецца.....	247
--	-----

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Міхаіл Фёдаравіч Піліпенка (Да 85-годдзя з дня нараджэння).....	249
Аляксандр Аляксандравіч Каваленя (Да 75-годдзя з дня нараджэння).....	252

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Smaliakou D. A. Internationalisation of Higher Education in light of national development problems.....	135
Jermakou Ja. S. Structural and dynamic features of self-organization of social systems: philosophical and methodological aspects.....	142
Siamionava A. V. Consumption: conceptualization of notion in foreign classical sociology	153

HISTORY

Dubitskaya N. N. Population of Pripjat Polesie in the 1st millennium AD.....	163
Melekhovets V. F. Production and sociocultural activities of the Belarusian society of the Deaf (2011–2015)	169
Solovyov K. A. Problems of ethno-confessional relations in Western Belarus during the second Polish-Lithuanian Commonwealth (1921–1939) (on the example of the assumption Zhirovtzky monastery).....	179

LINGUISTICS

Yuqin Pan, Lukashanets A. A. Dynamics of the language situation in Belarus and the Belarusian language in the world in the context of the “one belt and one way” initiative	188
--	-----

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Hanžuraŭ H. A. Graphics of units of the state document of turnover of the Republic of Belarus (1991–2019).....	200
---	-----

LITERARY SCIENCE

Khmialinitski M. M. Belarus as a small historical homeland in the works of Polish poets of 1918–1939 (based on the poetry of K. Vyazhinsky and S. Balinsky).....	207
---	-----

LAW

Vasilevich G. A. Science of constitutional law as a basis for the development of the state legal system.....	215
---	-----

ECONOMICS

Tsiatsiorkina A. M., Haniukou A. N. Conceptual foundations for the functioning of the consumer market.....	225
Yelovaya E. M. Branding as an effective tool for the development of tourist territories of the Republic of Belarus.....	235

REVIEWS

Lyashkevich A. I. “Mission is possible” is back.....	247
---	-----

SCIENTISTS OF BELARUS

Mikhail Fedorovich Pilipenko (To the 85th Anniversary Birth).....	249
Alexander Alexandrovich Kovalenya (To the 75th Anniversary Birth).....	252

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 167:378 (437.6)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-135-141>

Поступила в редакцию 23.02.2021
Received 23.02.2021

Д. А. Смоляков

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Белорусско-китайский исследовательский центр философии и культуры
Линнаньского педагогического университета, Чжэньцзян, Китай*

**ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Аннотация. Интернационализация во многом определяет современный облик высшего образования и считается одним из маркеров национальной успешности государства. Отставание в этой области может указывать на серьезные проблемы в национальном развитии, так или иначе связанные с экономической, политической или социальной устойчивостью. В этом смысле интернационализация высшего образования может рассматриваться как важный объект для философской рефлексии, исследование которого проливает свет на общие проблемы глобального развития.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, проблемы мирового развития, модернизация, интеграция, международное сотрудничество

Для цитирования: Смоляков, Д. А. Интернационализация высшего образования в свете проблем национального развития / Д. А. Смоляков // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 135–141. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-135-141>

Dzmitry A. Smaliakou

*Institute of Philosophy of the National Academy of Science of Belarus, Minsk, Belarus
Belarusian-Chinese Research Center for Philosophy and Culture of Lingnan Normal University, Zhanjiang, China*

**INTERNATIONALISATION OF HIGHER EDUCATION
IN LIGHT OF NATIONAL DEVELOPMENT PROBLEMS**

Abstract. The internationalisation largely determines the modern image of higher education and is considered one of the markers of the state's national success. Slow development of internationalisation of higher education may indicate the occurrence of serious problems in national development, one way or another related to economic, political or social sustainability. In this regard, the internationalisation of higher education should be examined as an important object for socio-philosophical reflection that could shed light on the general problems of global development.

Keywords: internationalisation of higher education, problems of world development, modernization, integration, international cooperation

For citation: Smaliakou D. A. Internationalisation of Higher Education in light of national development problems. *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 135–141 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-135-141>

Введение. После окончания холодной войны в конце XX в. мир претерпел интенсивные экономические изменения, за считанные десятилетия став существенно богаче. Модернизировалась инфраструктура, развивались здравоохранение и система образования, выросли технологические секторы, став основой экономики знаний [1]. В этих условиях университет перестал иметь значение национальной витрины, демонстрирующей влияние или богатство государства [2], но стал источником как коммуникативных, так и адаптивных компетенций выпускника, востребованного в условиях инновационной и высокопроизводительной экономики. В середине XX в.

началась постепенная эрозия монополии воспитательной потребности государства: высшая школа стала ориентироваться на запросы студентов, формируемые рынком труда.

Благодаря описанным изменениям важное значение для высшего образования в том числе обрело международное сотрудничество, развитость которого стала слагаемым успешного функционирования как конкретного университета, так и национальной системы высшего образования. В этих условиях международная компонента определяется не столько императивами национального влияния, сколько ориентирована на поиск внешних источников поддержки институционального развития, требующего качественных изменений внутри государства и общества [3].

Общеввропейская интеграция – яркий, но не единственный пример динамичного проведения институциональных изменений в развивающихся странах. Высшее образование США, КНР, Японии, Южной Кореи и многих других стран сыграло важную роль в их институциональном развитии, способствуя обретению своего места в глобальных цепочках экономического и политического взаимодействия, а также содействуя их общественной модернизации и эмансипации [4]. В этом смысле успех интернационализации высшего образования все чаще ассоциируется с общенациональным успехом, привлекая все большие инвестиции как в богатых, так и в развивающихся странах.

Отставание в этой области, в свою очередь, воспринимается маркером неустойчивости государства [2], который может свидетельствовать о наличии проблем в экономике, политике, общественной жизни и т. д. Образовательные системы с проблемами интернационализации, как и государства, на территории которых они функционируют, воспринимаются более слабыми, а значит, и менее привлекательными с точки зрения сотрудничества. Выяснение, по каким причинам то или иное государство не преуспевает в интернационализации высшего образования, может пролить свет на более глубинные проблемы мирового развития – одного из важнейших вызовов современной социальной философии.

Таким образом, целью данной работы является прояснение факторов и условий, препятствующих развитию интернационализации высшего образования в конкретных национальных рамках. С помощью методов философской деконструкции, сравнительного анализа, а также на основе марксистской методологии попытаемся выявить причины, в результате которых одни страны становятся успешными в области интернационализации высшего образования, в то время как другие вынуждены отставать.

Локализация проблем интернационализации. Географически регионы, мало задействованные в интернационализации высшего образования, преобладают по обе стороны экватора, ограничиваясь тропическими поясами. Необходимо, однако, сделать оговорку, что география – опциональное условие, поскольку такие страны, как Малайзия, Филиппины и даже Бразилия, несмотря на ряд негативных факторов, демонстрируют определенные успехи в интернационализации высшего образования, а Сингапур может считаться одним из мировых лидеров в этой области. Государства Средней Азии, находящиеся в несколько иных широтах, напротив, не преуспели в интернационализации высшего образования. Набор из проблем развития, таких как устаревание инфраструктуры, отставание социальной и экономической жизни общества, а также прямая зависимость от сырьевого сектора может как объединять проблемные страны, так и обуславливать различия между ними.

Сырьевой характер экономики в проблемных регионах проявляется по-разному. Одним государствам доходов от разработки недр достаточно для поступательного развития социальной сферы, в том числе и через инвестирование в высшее образование. Международное академическое сотрудничество, однако, может ограничиваться привлечением необходимой профессуры из-за рубежа, которая содержится в закрытых кампусах немногочисленных, но довольно богатых университетов. Экономически и технологически такие государства обладают возможностью перейти к массовому высшему образованию и расширить международное сотрудничество в этой области. Другие развивающиеся страны – наиболее бедные, в силу отсутствия возможности извлечь необходимую для развития прибыль из собственных недр, ориентируются на сельское хозяйство. В этих странах социальная сфера сильно сжата и потому быстрое развитие высшего образования сулит неподъемным раздутием государственного бюджета.

Как богатые, так и бедные страны объединяет недавняя колониальная история, заключающаяся не только в короткой традиции суверенной власти, но и наличии многочисленных социально-культурных пережитков, доставшихся в наследство от колониальной администрации [5]. В первую очередь это набор стереотипных социально-политических практик, когда заместившая колониальную администрацию местная элита продолжает ощущать себя оторванной от своей земли и народа [6].

Такие страны не испытывают насущной потребности в большом количестве кадров с высшим образованием, поскольку международные компании более эффективно добывают ресурсы и торгуют ими на внешних рынках. Для экономик таких стран представляется более выгодным экспортировать международные услуги, нежели инвестировать в создание собственного кадрового потенциала. Это оставляет больше ресурсов как для конечного потребления, так и контроля над социальной сферой, обеспечивая стабильность картины занятости населения [7].

Поскольку транснациональные корпорации эффективно осуществляют полный цикл услуг, богатые сырьевые государства максимально используют преимущества глобализации, не отвлекаясь на индивидуальные стратегии социального развития. Наиболее бедные страны еще более активно сотрудничают с международными компаниями, поскольку не столько хотят сэкономить на развитии образовательной сферы, сколько не имеют ресурсов на ее поддержку.

В бедных регионах «проклятая» проблема сырьевого богатства не столь очевидна с учетом более серьезных вызовов. Развитию высшего образования тут препятствует не столько логика перераспределения сырьевых доходов, сколько отсталость экономики в целом. Попадая в ловушку бедности, эти государства не способны самостоятельно генерировать потребность в специалистах с высшим образованием [8]. Как правило, это аграрные государства, часто находящиеся в состоянии военного конфликта или криминального произвола. В таких условиях правительства инвестируют основную часть бюджета в силовой блок, но даже если и по каким-то внутренним причинам увеличивают траты на высшее образование, то сталкиваются с социальной напряженностью, так как для выпускников отсутствуют возможности для реализации их потенциала и удовлетворения сформированных потребностей [8].

Существует еще один тип государств, которые не уделяют надлежащего внимания развитию интернационализации высшего образования. Это достаточно развитые страны, обладающие относительно сильными университетами, имеющими определенный инновационный потенциал, однако по тем или иным причинам вынужденные сдерживать социальное развитие общества. Зачастую это происходит также в силу колониальных факторов, способствующих сохранению дисбалансов в социальной структуре общества. Государством оберегается жесткая классовая структура, в основе которой лежат существенные различия в размере дохода.

У всех перечисленных типов развивающихся стран высшее образование элитарное, с высокой стоимостью обучения. Поскольку образовательная сфера выступает не социальным лифтом, а одним из механизмов обеспечения классовой сегрегации, переход к массовому высшему образованию невозможен. Высшее образование в исходном виде позволяет оправдывать существенные дисбалансы в доходах различных слоев населения не сомнительными доводами расовой или социальной приспособленности, но вполне справедливыми требованиями к квалификации работника.

Количество студентов и университетов в этих странах ограничено. Высшее образование престижно, работают программы академического обмена, которые компенсируют изоляционизм таких обществ. В то же время механизмы интернационализации лимитированы по той причине, что международное сотрудничество воспринимается не столько элементом экономики, сколько политики. Выступая одним из инструментов стабильности социального уклада, высшее образование не восприимчиво к социальным инновациям, в связи с чем такие страны не готовы к развитию интеграции, считая собственную образовательную систему эффективной и не требующей реформирования.

Объединяет описанные типы государств то, что интернационализация высшего образования не приоритетна, а опциональна. В этой связи перераспределение расходов в сторону социального сектора и высшего образования сопряжено с неочевидностью выгод и непредсказуемостью конечных результатов. Поскольку в таких государствах обеспечение стабильности превалирует

над необходимостью модернизации, интернационализация высшего образования редко выступает приоритетом национального развития.

Маркеры проблемной ситуации. Повышенное внимание со стороны государства к обеспечению социальной управляемости указывает на отсутствие устойчивости институтов власти. В этой связи можно утверждать, что существует прямая зависимость между проблемами запуска процессов интернационализации высшего образования и наличием социально-политической устойчивости внутри государства. Это объясняется тем, что развивающиеся страны восприимчивы к внутренним шокам, а потому конкурентоспособность на внешних рынках отходит на второй план.

В результате неустойчивости государственного управления, слабой социально-политической связи власти и общества интернационализация высшего образования не рассматривается в качестве приоритетного направления государственной политики. Более того, интернационализация высшего образования может представлять собой определенный социальный вызов, поскольку в рамках взаимодействия с более развитыми странами их социальное устройство может показаться более эффективным нежели социальный уклад на родине.

Существует ряд общих проблем устойчивости государств, где интернационализация высшего образования не имеет заметных успехов. Вместе с тем важно рассмотреть более предметно, в чем заключается такая неустойчивость и как она проявляется в частностях развития государства и общества. Одной из наиболее очевидных проблем представляется недостаток финансирования сферы образования. Развивающиеся страны и без высшего образования часто сталкиваются с бюджетным дефицитом, особенно в социальном секторе. В условиях войны или политической нестабильности эти тенденции усиливаются, поскольку государство стремится обеспечить удовлетворение военных или полицейских нужд [8].

Нехватка финансирования – важный фактор деградации советского высшего образования в Центральной Азии, где экономический кризис конца XX в. привел к резкому секвестру бюджетных расходов на гуманитарную сферу, в то время как проблемы с безопасностью увеличили отток конкурентоспособных кадров. В конечном итоге это привело к существенному снижению уровня образования в регионе, вернулись традиционные проблемы половой сегрегации и равнодоступности образования [9]. В этих условиях Центральная Азия стала одним из лидеров по импорту высшего образования. В это же время наиболее бедные слои населения превратились в социальную базу для религиозного экстремизма, поскольку религия осталась единственной образовательной возможностью, доступной им как экономически, так и интеллектуально.

Процессы разложения высшего образования в среднеазиатском регионе происходили одновременно с расцветом нелегальной экономики, которая требовала существенно иных подходов к подготовке кадров. Коррупция и отсутствие прозрачности в работе государства, использование труда педагогов и учащихся на сельскохозяйственных работах подрывало авторитет как высшего образования, так и образованного человека. Приведенный пример может быть экстраполирован и на другие развивающиеся регионы.

Отсутствие внимания к необходимости модернизации университетов, как и вообще к поддержке их естественного функционирования, не позволяет незрелым национальным субъектам полноценно участвовать в процессах интернационализации. Просчеты в образовательной политике чреваты эмиграцией молодежи, которая может как принудительно ограничиваться, так и скрываться за положительными терминами академической мобильности, инновационного импорта или интернационализации. В этих условиях высшее образование не только перестает быть важным элементом экономического развития страны, но выступает также фактором социальной нестабильности, усиливающим социальную напряженность [8].

В развитых государствах высшее образование способствует эмансипации общества и искоренению социальных дисбалансов, в то время как в проблемных регионах университет зачастую способствует сохранению неравенства. Слабое государство обнаруживает в международном академическом сотрудничестве прямую угрозу, так как не способно обеспечить квалифицированные кадры соответствующей работой, международное взаимодействие отвлекает финансовые ресурсы и чревато усилением «негативного влияния» из-за рубежа. В этой связи неустойчивые

режимы могут враждебно относиться к самой идее международного сотрудничества. Такое государство склонно замыкаться в собственных границах, пытается стабилизировать ситуацию за счет централизации управления и ресурсов, в то время как международная интеграция будет восприниматься чужим влиянием, усугубляющим социальную нестабильность.

Описанное замыкание дает временный положительный эффект, однако в перспективе способствует ускорению деградации не только сферы образования, но и государства в целом. Фокусируясь на исполнении лишь охранительной функции, не имея доступа к современным технологиям управления и контролю качества, высшее образование таких стран может стать инструментом репрессий, поэтапно наполняясь идеями обскурантизма, которые со временем эволюционируют в идеологический или религиозный экстремизм.

Такие государства существуют в Азии, Африке, Латинской Америке, например, Пакистан, где богатые промышленники, построившие свои состояния за счет индустриализации и технического прогресса, спонсируют религиозные школы «Мадрашы», распространяющие экстремизм среди малообеспеченной молодежи [10]. Данные школы позволяют не только сохранять «традиционные ценности» внутри общества, но и обеспечивают необходимую социальную базу для дальнейшего функционирования имеющихся промышленных комплексов в колониальных условиях труда.

В этой связи важно отметить, что в странах с короткой историей независимости преобладание консервативного видения над модернизационным способствует сохранению колониальных пережитков, их консервации или даже развитию. Традиционные образовательные институты, несмотря на пафос возвращения к традиционным ценностям, выступают не столько препятствием к иностранному влиянию, сколько инструментом сохранения колониальных пережитков. Такие институты не способны осуществлять полноценное национальное строительство по той причине, что не готовы различать многообразие влияний и традиций внутри достаточно гомогенного «традиционного» восприятия реальности. В подобном образовательном пространстве может транслироваться большое число анахронизмов из различных культур, часто выдавая инструменты колониализма за исконные атрибуты локального общества.

Одним из недавних примеров в этой области является Исламское государство, существовавшее на территориях Сирии и Ирака с 2014 по 2018 г. За неимением университетов внимание было обращено к школам, которые превратились в чистые институты шариатского образования. Такие предметы, как история, география, литература, искусство и музыка были заменены на доктрину ислама, исламское право, спорт и физическое воспитание, а также изучение джихада. Математика была избавлена от любого знания, которое может быть использовано для кредитования, развития демократии либо организации выборов, биология – любых ссылок на теорию эволюции, курсы арабского языка – от любых произведений языческого периода. В таких условиях местное образование не только мгновенно упростилось, но и радикализировалось [11].

Характерен пример Ирана, где после Исламской революции все университеты были закрыты с 1980 по 1983 г. За это время была проведена масштабная реорганизация системы высшего образования, названная культурной революцией. Ее целью было преобразование светских университетов в исламские образовательные учреждения. Были пересмотрены учебные программы в соответствии с возможностями отражения исламских ценностей. Факультеты, которые не вписывались в новую повестку, были закрыты, преподаватели уволены, введен идеологический экзамен для абитуриентов в целях обеспечения соответствующего уровня исламской пригодности студентов и будущих выпускников. Увеличение количества студентов-женщин при этом было обусловлено не изменением гендерной политики, но особенностями социальной базы поддержки клерикального режима [12].

Последствия проблем развития. В условиях скромного влияния высшего образования на организацию социальной жизни общества возникают проблемы социально-культурного характера, такие как отсутствие уважения к образованным людям и к науке как институту в целом. Если родственные связи, бандитизм, терроризм или наркоторговля предоставляют более понятные социальные лифты, нежели система образования, очевидно, что авторитет последнего будет неуклонно снижаться. Если образование не формирует необходимые навыки выживания в сложив-

шейся социальной среде, то среди детей и их родителей такое образование будет восприниматься враждебно [8].

В этом смысле проблемы развития или транзита традиционного общества к современному могут усугубляться социальными проблемами распределения ресурсов и власти. Например, анализируя роль образованной молодежи в ряде вооруженных конфликтов в странах Восточной Африки [8], исследователи подчеркивают, что бедность, традиционные верования и низкий уровень социально-экономических отношений, на фоне актов этнической и религиозной нетерпимости, проявлений ритуальной жестокости, существенно подрывают в обществе доверие к светскому образованию и научному знанию в целом.

Выводы. Таким образом, развивающиеся страны находятся в условиях полиморфизма экономических и социальных проблем. В этой связи внедрение интернационализации высшего образования требует преодоления объективных препятствий в виде недостатка финансирования, отсутствия уважения к академической среде, неготовности экономики к трудоустройству выпускников университетов, сопротивления религиозных или семейных авторитетов. В условиях нерешенности этих проблем невозможно развивать интернационализацию исключительно за счет политических или гуманитарных стимулов. В то же время интернационализация высшего образования в изменяющихся условиях может существенно способствовать ускорению необходимых социальных и экономических изменений и считаться одним из важных механизмов модернизации. Неспособность или нежелание государства развивать интернационализацию национального высшего образования могут свидетельствовать о наличии существенных проблем в социально-экономическом развитии, которые способны оказывать прямое негативное влияние на экономическое и политическое сотрудничество. В социально-философском плане – это прямой маркер проблем социального развития, указывающий не только на ограниченность модернизационной повестки, но и на дезинтеграционные процессы, происходящие в том или ином регионе мира.

Список использованных источников

1. Foray, D. Economics of knowledge / D. Foray. – Cambridge : The MIT Press, 2006. – 275 p.
2. Internationalisation of higher education: study / H. de Wit [et al.]. – [Brussels : Europ. Parliament], 2015. – 326 p.
3. Смоляков, Д. А. О генезисе интернационализации высшего образования / Д. А. Смоляков // Образование и наука. – 2019. – Т. 21, № 8. – С. 9–28. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-9-28>
4. Managing international connectivity, diversity of learning and changing labour markets: East Asian perspectives / ed. K. H. Mok. – Singapore : Springer Singapore, 2017. – 261 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-1736-0>
5. Altbach, P. G. Servitude of the mind? Education, dependency, and neocolonialism / P. G. Altbach // Teachers College Record. – 1977. – Vol. 79, № 2. – P. 187–204.
6. Ngugi, W. T. Decolonizing the mind: the politics of language in African literature / W. T. Ngugi. – Oxford : James Currey Ltd., 2005. – 114 p.
7. Rao, N. Neocolonialism or globalization? Postcolonial theory and the demands of political economy / N. Rao // Interdisciplinary Literary Studies. – 2000. – Vol. 1, № 2. – P. 165–184.
8. EFA global monitoring report, 2011. The Hidden crisis: armed conflict and education / UNESCO. – Paris : UNESCO, 2011. – 416 p.
9. Current education issues in Central Asia [Electronic resource] : a background paper from the conflict prevention centre / Org. for Security and Co-operation in Europe. – [S. l. : s. n.], 2003. – Mode of access: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/d/39626.pdf>. – Date of access: 10.02.2021.
10. Stern, J. Pakistan's Jihad Culture / J. Stern // Foreign Affairs. – 2000. – Vol. 79, № 6. – P. 115–126.
11. Arvisais, O. Education in conflict: how Islamic State established its curriculum / O. Arvisais, M. Guidère // J. of Curriculum Studies. – 2020. – Vol. 52, № 4. – P. 498–515. <https://doi.org/10.1080/00220272.2020.1759694>
12. Winn, M. K. Women in higher education in Iran: how the Islamic revolution contributed to an increase in female enrollment [Electronic resource] / M. K. Winn // Global Tides. – 2016. – Vol. 10. – Mode of access: <http://digitalcommons.pepperdine.edu/globaltides/vol10/iss1/10>. – Date of access: 10.02.2021.

References

1. Foray D. Economics of knowledge. Cambridge, The MIT Press, 2006. 275 p.
2. De Wit H. (et al.). Internationalisation of higher education: study. [Brussels, European Parliament], 2015. 326 p.
3. Smaliakou D. A. The genesis of higher education internationalisation. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2019, vol. 21, no. 8, pp. 9–28 (in Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-9-28>

4. Mok K. H. (ed.). *Managing international connectivity, diversity of learning and changing labour markets*. Singapore, Springer Singapore, 2017. 261 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-1736-0>
5. Altbach P. G. *Servitude of the mind? Education, dependency, and nNeocolonialism*. *Teachers College Record*, 1977, vol. 79, no. 2, pp. 187–204.
6. Ngugi W. T. *Decolonizing the mind: the politics of language in African literature*. Oxford, James Currey Ltd., 2005. 114 p.
7. Rao N. *Neocolonialism or globalization? Postcolonial theory and the demands of political economy*. *Interdisciplinary Literary Studies*, 2000, vol. 1, no. 2, pp. 165–184.
8. EFA global monitoring report, 2011. *The Hidden crisis: armed conflict and education*. Paris, UNESCO, 2011. 416 p.
9. *Current education issues in Central Asia: a background paper from the conflict prevention centre*. [S. l., s. n.], 2003. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/d/39626.pdf> (accessed 10.02.2021).
10. Stern J. *Pakistan's Jihad Culture*. *Foreign Affairs*, 2000, vol. 79, no. 6, pp. 115–126.
11. Arvisais O., Guidère M. *Education in conflict: how Islamic State established its curriculum*. *Journal of Curriculum Studies*, 2020, vol. 52, no. 4, pp. 498–515. <https://doi.org/10.1080/00220272.2020.1759694>
12. Winn M. K. *Women in higher education in Iran: how the Islamic revolution contributed to an increase in female enrollment*. *Global Tides*, 2016, vol. 10. Available at: <http://digitalcommons.pepperdine.edu/globaltides/vol10/iss1/10> (accessed 10.02.2021).

Информация об авторе

Смоляков Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: d.smaliakou@live.com ORCID ID: 0000-0002-9676-9628

Information about the author

Dzmitry A. Smaliakou – Ph. D. (Philos.), Scientific Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: d.smaliakou@live.com ORCID ID: 0000-0002-9676-9628

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 141.201
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-142-152>

Паступіў у рэдакцыю 09.02.2021
Received 09.02.2021

Я. С. Ермакоў

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

СТРУКТУРНА-ДЫНАМІЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ САМААРГАНІЗАЦЫІ САЦЫЯЛЬНЫХ СІСТЭМ: ФІЛАСОФСКА-МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ АСПЕКТЫ

Анотацыя. Стат'я посвящена изучению особенностей самоорганизации социальных систем и ее структурно-динамических характеристик в контексте постнеклассической парадигмы. Ключевое внимание уделяется анализу открытости социальных систем как важнейшей предпосылки их самоорганизации. В связи с этим предлагается феномен энергичности в качестве структурно-динамического компонента самоорганизации, на основании чего конкретизируется роль человека в этом процессе как «наблюдателя-участника», обусловленная особенностями жизнедеятельности человека. Предлагаются дальнейшие направления исследования социальной самоорганизации.

Ключевые слова: синергетика, социальные системы, самоорганизация, открытость, параметры порядка, энергичность, наблюдатель-участник

Для цитирования: Ермакоў, Я. С. Структурна-дынамічныя асаблівасці самаарганізацыі сацыяльных сістэм: філасофска-метадалагічныя аспекты / Я. С. Ермакоў // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 142–152. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-142-152>

Jauhien S. Jermakou

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

STRUCTURAL AND DYNAMIC FEATURES OF SELF-ORGANIZATION OF SOCIAL SYSTEMS: PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Abstract. The article is devoted to studying the features of self-organization of social systems and its structural and dynamic characteristics in the context of the post-non-classical paradigm. Key attention is paid to the analysis of the openness of social systems as the most important prerequisite for their self-organization. In this regard, the phenomenon of vitality is proposed as a structural and dynamic component of self-organization, on the basis of which the role of a person in this process as an “observer-participant” is specified, due to the circumstances of human life. Further directions of social self-organization research are suggested.

Keywords: synergetics, social systems, self-organization, openness, observer-participant, vitality, order parameters

For citation: Jermakou Ja. S. Structural and dynamic features of self-organization of social systems: philosophical and methodological aspects. *Vestsy Natsyynal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarных navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 142–152 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-142-152>

Уводзіны. Праблема самаарганізацыі як з'явы, з аднаго боку, заключаецца ў станаўленні сінергетычнай парадыгмы як сукупнасці пэўных трансдысцыплінарных стратэгіяў, а з другога – у пашырэнні сінергетыкі для даследавання самаарганізацыі сацыяльнага, у тым ліку ў выніку асіміляцыі ідэй, канцэпцый і тэорый сацыяльных навук. Уваходжанне сінергетыкі ў вывучэнне складаных сацыяльных сістэм рэлізуе *інтэнцыю* постнекласічнай парадыгмы па гуманітарызаванні і аксіялагізацыі пазнання, праблематызуючы тым самым месца і ролю чалавека не толькі ў самім пазнанні сацыяльнага, але і ў кіраванні ім.

Упершыню тэрмін «самаарганізацыя» быў выкарыстаны кібернетыкам У. Эшбі ў двух значэннях для тлумачэння працэсаў, якія адбываюцца ў складаных сістэмах у кантэксце арганізацыі кіравання імі. Першае значэнне засноўваецца на якасных зменах у характары сувязей паміж элементамі дынамічнай сістэмы, калі ў ёй «самаадвольна ўзнікаюць і развіваюцца сувязі паміж кампанентамі сістэмы». У сваю чаргу другое тлумачэнне раскрывае карэкцёрскі працэс дынамічнай сістэмы з незадаволенага стану да задаволенага [1, р. 266–267].

Станаўленне сінергетыкі зрабіла самаарганізацыю яе цэнтральнай катэгорыяй. Паводле Г. Хакена, самаарганізацыя – гэта працэс здабыцця сістэмай прасторавай, часовай ці функцыянальнай

структуры без спецыфічнага ўздзеяння звонку, калі дадзенай сістэме не навязваюцца структуры, якія ёй не ўласцівыя [2, с. 28–29]. Сёння даследаванне працэсаў самаарганізацыі набывае трансдысцыплінарны характар. Безумоўна, у значнай ступені гэта прыводзіць да пэўнага *размыцця* разумення адзначанага тэрміна, але яго прымяненне для раскрыцця дынамічных уласцівасцей асобных сістэм рознага анталагічнага рангу становіцца агульным месцам у сучасных сістэмных даследаваннях. Адзначанае тычыцца і вывучэння сацыяльных сістэм і карэляцый з тымі дынамічнымі працэсамі, якія ў іх адбываюцца.

Здаецца, што ключавое пытанне ў кантэксце адзначанага знаходзіцца ў праблеме механічнага пераносу і неабдуманай рэдукцыі прыродазнаўчага характару сінергетыкі на прыроду сацыяльнага, што часта выражаецца ў матэматызацыі даследавання сацыяльных сістэм. Не адмаўляючы ролі матэматыкі ў гэтым працэсе, мы павінны таксама ўлічваць немагчымасць на сучасным этапе развіцця навукі падвергнуць матэматызацыі аксіялагічныя, нерацыянальныя і феноменалагічныя аспекты жыццядзейнасці чалавека як цэнтральнага элемента сацыяльных сістэм. На наш погляд, гэта нават занадта: постнекласіка шукае формы і спосабы не асіміляцыі розных тыпаў навук, але іх збліжэння і канвергенцыі для набыцця сапраўднага не толькі пазнання і асэнсавання сацыяльных сістэм, але і кіравання імі.

Пастаноўка падобнай праблемы мае на мэце вырашэнне наступных задач.

Па-першае, даследаванне працэсаў самаарганізацыі сацыяльных сістэм прадугледжвае знаходжанне *ключавых* структурных элементаў гэтага працэсу і іх дынамікі адначасова з захаваннем тэарэтычных палажэнняў сінергетыкі і збліжэння яе паняццяў з сацыяльнай анталогіяй.

Па-другое, адзначанае збліжэнне абумоўліваецца звяртаннем да адкрытасці як важнейшай перадумовы самаарганізацыі сацыяльнасці і звязанага з ёй феномена энергічнасці як увасаблення дынамічнасці і чалавекамернасці сацыяльных сістэм.

Па-трэцяе, звяртанне да энергічнасці звязана са знаходжаннем і канкрэтызацыяй ролі чалавека ў працэсах самаарганізацыі сацыяльных сістэм і кіравання імі праз «параметры парадку».

Такім чынам, у чым заключаецца прынцыповая сутнасць самаарганізацыі сацыяльных сістэм?

Адкрытасць сацыяльных сістэм як важнейшая перадумова самаарганізацыі. Згодна з М. Л. Калужскім, сутнасць самаарганізацыйных працэсаў знаходзіцца ў эфектыўным выкарыстанні магчымых вонкавых рэсурсаў пры руху да ідэальнага стану сістэмы – пэўнага атрактора. Ціск вонкавых фактараў, з аднаго боку, «падштурхоўвае» сістэму да структурных змен, а з другога – наяўная колькасць рэсурсаў як бы абумоўлівае сутнасць гэтых змен, вызначаючы іх верхнюю мяжу. Адсюль самаарганізацыя – гэта перафармацыраванне сістэмы з пункта погляду яе здольнасці выкарыстоўваць рэсурсы ў наяўных гранічных умовах яе існавання, пры гэтым важным складнікам з'яўляецца канкурэнцыя яе элементаў.

Асаблівасць сацыяльнай канкурэнцыі заключаецца ў тым, што ў ёй схаваны ўласцівасці сацыяльнай эвалюцыі чалавека, звязаныя з яго магчымасцю маніпуляваць і змяняць вонкавае асяроддзе з дапамогай абстрактнага мыслення, а таксама ўплываць на гранічныя рамкі самога існавання чалавека, якія абумоўлены *канечнасцю* рэсурсаў [3, с. 132–135]. У гэтым кантэксце выклікае цікавасць, што А. Тойнбі, які разглядаў працэсы развіцця цывілізацый як асобных сацыякультурных сістэм, звярнуў увагу на канкурэнцыю толькі на цывілізацыйным узроўні, падкрэсліваючы такім чынам іх адкрыты характар. Пры гэтым ён вядзе размову пра рэсурсы, якія неабходны для «адказу» цывілізацый на «выклікі» асяроддзя, у тым ліку іншых цывілізацый. Але ў адрозненне ад сістэм прыродазнаўчага тыпу, цывілізацыі могуць карыстацца *культурнымі* рэсурсамі – тэрыторыяй пашырэння рэлігіі і яе ўнутранымі асаблівасцямі. А. Тойнбі найпрост звязвае гістарычны лёс цывілізацый і, адпаведна, іх мадэль самаарганізацыі з месцам у іх рэлігійных перакананняў, якія з'яўляюцца аб'ядноўваючым пачаткам і абумоўліваюць стан духоўнага развіцця [4, с. 540].

Адсюль лагічным будзе паставіць пытанне: ці з'яўляюцца вонкавыя ўмовы існавання сацыяльных сістэм першаснымі ў адносінах да ўнутраных фактараў развіцця? Ці, іншымі словамі, знешнія рэсурсы або *нешта іншае* вызначаюць асаблівасць самаарганізацыі сацыяльных сістэм?

Сацыяльныя сістэмы з'яўляюцца, безумоўна, адкрытымі сістэмамі, якія праз розныя каналы абменьваюцца з асяроддзем рэчывам, энергіяй і інфармацыяй. Аднак узровень кантактаў з асяроддзем розны і, адпаведна, розныя магчымасці самаарганізацыі. Гэта праілюстравана Р. Карней-

ра ў сваёй тэорыі паходжання дзяржавы, дзе фактар асяроддзя з'яўляецца адным з ключавых. Так, паводле яго тэорыі, першабытныя грамадствы пераходзяць на стадыю развіцця дзяржаўнасці, калі фактар абмежаванасці выходзіць на першы план. Абмежаванасць у Р. Карнейра вылучаецца у двух тыпах: экалагічная (*environmental circumscription*), калі пэўнае грамадства абмежавана геаграфічным ландшафтам і кліматам, і сацыяльная (*social circumscription*), калі ваяўнічасць суседзяў не толькі абмяжоўвае развіццё пэўнага грамадства, але і наогул ставіць пад пагрозу яго існаванне. Пры гэтым экалагічная абмежаванасць не азначае, што пэўнае грамадства для таго, каб перайсці на ступень развіцця дзяржаўнасці, павінна развівацца ва ўмовах недахопу рэсурсаў. Як адзначае Р. Карнейра, усё залежыць ад ступені канцэнтрацыі гэтых рэсурсаў: «Адпаведна, у той час як *багацце* харчавання... прывяло да рэзкага росту насельніцтва, *абмежаванасць* гэтага харчавання неўзабаве прывяла да амаль поўнай акупацыі эксплуатацыйных раёнаў. А калі ціск на наяўныя рэсурсы дасягнуў крытычнага ўзроўню, паўстала канкурэнцыя за зямлю (курсіў Р. Карнейра. – Я. Е.)» [5, р. 737].

Такім чынам, згодна з нашым меркаваннем, самаарганізацыя ў сістэмах сацыяльнага тыпу залежыць ад ступені ўплыву асяроддзя на здольнасці гэтых сістэм апераваць тымі магчымасцямі, якія даюцца асяроддзем. Таму закрытых сістэм не існуе, паколькі гэта не толькі азначала б выкарыстанне ўласна ўнутраных патэнцыялаў пры самаарганізацыйных працэсах, але і неадаптыўнасць сістэм да стану асяроддзя. У гэтым сэнсе самаарганізацыя з'яўляецца неад'емнай уласцівасцю адаптаванасці – магчымасці сістэмы вар'іраваць свае паводзіны ў залежнасці ад стану асяроддзя – і ў пэўнай ступені адпавядае ёй [6, р. 30, 33]. Нават мова як асобная сацыякультурная сістэма не можа развівацца без узаемадзеяння з асяроддзем. Разглядаючы мову як пэўную самаарганізаваную сістэму, М. М. Макоўскі выказвае думку, што на яе эвалюцыйную дынаміку ў значнай ступені ўплываюць сацыялінгвістычныя фактары ў выглядзе лексіка-семантычнага асяроддзя. Лексіка-семантычнае асяроддзе па сутнасці вызначае значэнне пэўнага слова і ўласцівасці гэтага значэння, пры гэтым састаўныя часткі мовы і лексіка-семантычнае асяроддзе ўзаема спараджаюць адзін аднаго [7, с. 40–41].

Адсюль вынікае, што сістэма і асяроддзе непарыўна звязаны паміж сабой. У біялагічнай галіне такія асаблівасці ўзаемадзеяння сістэмы і асяроддзя раскрываюцца праз аўтапаэзіс. Паводле Ф. Валера і У. Матурана, аўтапаэтычныя сістэмы – гэта асобны тып сістэм, які адрозніваецца ад астатніх сваім аўтаномным характарам узаемадзеяння з асяроддзем, калі няма адназначнай сувязі паміж вонкавым уздзеяннем і паводзінамі сістэмы, што прыводзіць да самаўзнаўлення гэтых сістэм, пры гэтым яны працягваюць складаць з сістэмай адзінае цэлае [8, с. 40–41]. Аднак абазначаная тэорыя, хаця і дазволіла сфарміраваць зусім іншы погляд на праблему сувязі асяроддзя і сістэмы, тым не менш прымяненне тэорыі аўтапаэтычных сістэм да сацыяльных сутыкаецца з некаторымі праблемамі. Заснавальнікі тэорыі, напрыклад, не бачылі ў сацыяльных сістэмах прыкметы аўтапаэтычнасці, разглядаючы іх толькі як асяроддзе, у якім жывуць аўтапаэтычныя сістэмы [9, р. 233]. Адзначаючы гэта, Дж. Мінгерс піша, што «галоўная праблема заключаецца ў тым, што аўтапаэзіс быў дакладна і выразна вызначаны для канкрэтнай галіны – фізічнай. Сацыяльныя сістэмы не з'яўляюцца фізічнымі сістэмамі, і таму пытанне заключаецца ў тым, ці можа гэта паняцце быць перададзена непасрэдна, а калі не, то ці можа яно быць зменена, не губляючы сваёй сутнасці» [9, р. 231].

Праблема па сутнасці заключаецца ў тым, ці можна знайсці пэўныя карэляцыі паміж уласцівасцямі, якія характэрны для аўтапаэтычных сістэм, і працэсамі і з'явамі, якія адбываюцца ў сацыяльных сістэмах. Памылкова лічыць, як гэта робяць М. Зелены і К. Хафард, што ўсе аўтапаэтычныя сістэмы – сацыяльныя сістэмы, у тым ліку і фізіка-хімічныя [10, р. 156]. У першую чаргу імі не быў абазначаны падыход да праблемы вызначэння мяжы сацыяльных аўтапаэтычных сістэм, з дапамогай чаго яны адмяжоўваюцца ад асяроддзя. У гэтым сэнсе больш кансерватыўным, але не менш эўрыстычным з'яўляецца падыход Н. Лумана.

Н. Луман лічыў, што самаарганізацыя ў сацыяльных сістэмах – гэта працэс стварэння сэнсу. Сэнс і ёсць тая мяжа, якая аддзяляе сістэму ад асяроддзя. Яна ўзнікае дзякуючы камунікатыўным дзеянням, якія *фарміруюць* ключавую асаблівасць сацыяльных сістэм і вызначаюць саму іх прыроду. Сэнс не мае ніякай ролі па-за гэтымі межамі, абмяжоўваючы такім чынам уздзеянне ася-

роддзя на сацыяльную сістэму. Аднак гэта не азначае, што сістэма існуе без асяроддзя. Наадварот, яны структурна звязаны, калі далёка не ўсё, што адбываецца ў асяроддзі, важна для функцыянавання сістэмы. Як адзначаў Н. Луман, «структурная звязанасць, з аднаго боку, аказвае выключнае ўздзеянне... а з другога – накіроўвае ў пэўнае рэчышча каўзальнасці, якія сістэмы могуць выкарыстоўваць. Пры гэтым захоўваецца абавязковая ўласцівасць гэтага паняцця, у адпаведнасці з якой яно заўсёды звязана з аўтапаэзісам. Менавіта таму існуе магчымасць уплываць на сістэму, калі пры гэтым не разбураецца аўтапаэзіс» [11, с. 125].

Такім чынам, не вонкавыя ўмовы і, адпаведна, рэсурсы вызначаюць асаблівасць самаарганізацыі сацыяльных сістэм, але пэўны *спосаб* узаемадзеяння сістэмы з асяроддзем. Тут акцэнт робіцца на здольнасці сістэмы быць устойлівай для фарміравання гэтага спосабу праз узаемадзеянне ўнутраных элементаў сістэмы. Улічваючы, што адным з ключавых элементаў з'яўляецца чалавек, то размова павінна ісці пра яго ролю ў фарміраванні гэтага спосабу ўзаемадзеяння. Як нам уяўляецца, гэтая роля дваістая і зводзіцца да тандэма «назіральніка» і «ўдзельніка»: не толькі камунікацыя, не толькі аперыраванне наяўнымі знешнімі рэсурсамі, колькі *магчымасць* па рэалізацыі ўнутраных патэнцый сістэмы з улікам стану і ўплыву вонкавага асяроддзя.

Улічваючы адзначанае вышэй, трэба яшчэ раз звярнуцца да тэзіса, што не існуе закрытых сістэм любога анталогічнага рангу. Як адзначалі заснавальнікі сінергетыкі Г. Ніколіс і І. Прыгожын, менавіта адкрыты характар сістэм праз фарміраванне нераўнаважнасці дазваляе ім пераходзіць да ўпарадкаваных структур, што з'яўляецца адным з аспектаў самаарганізацыі. Закрытая сістэма, наадварот, не здольна параджаць новыя структуры па той прычыне, што яна не можа абменьвацца з асяроддзем рэчывам і энергіяй праз пастаянны рост энтрапіі [12, с. 31, 34].

Энтрапія абазначае меру дысіпацыі энергіі, беспарадку і хаосу і з'яўляецца важнай састаўной часткай канцэпцыі самаарганізацыі прыродазнаўчых сістэм. Важнае месца займае другі пачатак тэрмадынамікі, згодна з якім у раўнаважных станах сістэм энтрапія заўсёды максімальная. Аднак у адрозненне ад прыродазнаўчых сістэм, вырашэнне праблемы сацыяльнай энтрапіі пакуль што не знайшло кансэнсусу сярод даследчыкаў. Так, тэорыя сацыяльнай энтрапіі адзначае, што для сацыяльных сістэм больш уласцівая нестабільнасць, чым стабільны стан. Нестабільнасць сацыяльных сістэм у тэорыі сацыяльнай энтрапіі адпавядае неэнтрапіі – меры парадку. Парадак у сваю чаргу асацыіруецца з нераўнаважнасцю, няроўнасцю, абмежаванасцю, а беспарадак – з раўнаважнасцю, аднароднасцю, свабодай, стабільнасцю [13, с. 126–127]. Як адзначае К. Бэйлі, «у жывых і іншых адкрытых сістэмах... назапашванне ўнутранай энтрапіі можа быць ураўнаважана адмоўнай энтрапіяй (неэнтрапіяй) праз імпорт энергіі... Аднак у жывых сістэмах... неэнтрапія звонку сістэмы перавышае ўнутраную вытворчасць энтрапіі... У такім выпадку сістэма *можа* перайсці да арганізацыйнай складанасці і стаць больш арганізаванай (курсіў наш. – Я. Е.)» [14, р. 123].

У сваю чаргу Я. М. Бабосаў лічыць сацыяльную энтрапію як меру дэзарганізацыі сацыяльных сістэм, што праяўляецца ў зніжэнні ўзроўню агульнай сацыяльнай арганізацыі, узрастанні яе неўпарадкаванасці, неадназначнасці і няўстойлівасці. У якасці крыніц і ў той жа час прычын павелічэння сацыяльнай энтрапіі Я. М. Бабосаў бачыць узброеныя канфлікты, крызісы рознага кшталту, парушэнні маральных, прававых і іншых сацыяльных норм і правіл. У гэтым сэнсе сацыяльная энтрапія ёсць парушэнне парадку і адхіленне «сацыяльнай сістэмы або асобных яе сегментаў і элементаў ад нармальнага яе стану і функцыянавання» [15, с. 20]. Аднак, на наш погляд, абазначаны падыход Я. М. Бабосава абмежаваны. Безумоўна, сацыяльная энтрапія паказвае меру дэзарганізацыі і фактычны стан сацыяльнай сістэмы ў пэўны момант часу, але Я. М. Бабосаў не размяжоўвае крыніцы вытворчасці энтрапіі ўнутры сацыяльных сістэм і патоку энтрапіі, які праходзіць праз асяроддзе, таму ў яго разуменні сацыяльная энтрапія – гэта негатыўная рэч для парадку сістэмы, ад якой неабходна пазбаўляцца. Але трэба памятаць, што ў адкрытых сістэмах энтрапія паказвае іх здольнасць да самаарганізацыі – пераход да новага парадку праз беспарадак. Новыя ўпарадкаваныя структуры ўзнікаюць дзякуючы таму, што сістэма здольна экспартаваць лішнюю энергію ў асяроддзе пры ўмове, што дысіпацыя энергіі (ці вытворчасць энтрапіі) менш, чым яе экспарт. Для гэтага неабходна выкарыстанне розных відаў рэсурсаў з асяроддзя.

У той жа час адкрытасць сацыяльных сістэм можна трактаваць інакш. Э. Марэн факсіруецца на арганізацыйным характары адкрытасці, г. зн. унутранай дэтэрмінацыі адкрытага характару

сістэмы. Згодна з Э. Марэнам, адкрытасць – гэта найбольш важная, *фундаментальная* ўласцівасць любой сістэмы жывога актыўнага тыпу. Яна вызначае і забяспечвае неабходны ўзровень энергетычнага, матэрыяльнага, інфармацыйнага і арганізацыйнага стаўлення сістэмы да асяроддзя. Э. Марэн лічыць, што «актыўная арганізацыя і вонкавае асяроддзе, застаючыся адрозным адзін ад аднаго, знаходзяцца *адно ў другім*, кожная сваім спосабам, і іх непарыўнае ўзаемадзеянне і ўзаемныя адносіны з’яўляюцца дадатковымі, канкурэнтнымі і антаганістычнымі. Нававольнае асяроддзе і сілкуе, і пагражае, прымушае і існаваць, і руйнавацца. А арганізацыя сама трансфармуе, забруджвае, узбагачае (курсіў Э. Марэна. – Я. Е.)» [16, с. 252].

Энергійнасць у самаарганізацыі сацыяльных сістэм. Адкрытасць сістэмы забяспечваецца ўнутраным узаемадзеяннем элементаў сацыяльных сістэм і робіць магчымым пэўны ўзровень залежнасці і аўтаноміі сістэм ад асяроддзя. Менавіта дзякуючы адкрытасці сістэмы здольны дынамічна развівацца, самаарганізавацца і адаптавацца да ўмоў вонкавага асяроддзя з улікам замкнёнасці на сябе як рэакцыі на пэўнае дамінуючае ўздзеянне гэтага асяроддзя. Аднак адкрытасць з’яўляецца толькі *формай*, праз якую элементы сацыяльнай сістэмы і сама сістэма ў цэлым, у тым ліку і чалавек як «назіральнік-удзельнік», выводзяцца на дынамічную сувязь з іншымі сістэмамі і асяроддзем.

Для тлумачэння сказанага звернемся да канцэпта «пасіянарнасці» Л. М. Гумілёва. У сваёй карціне развіцця этнасаў ён звяртаецца да ўплыву біясферы і геаграфічнага ландшафту. Л. М. Гумілёў адзначае, што папуляцыя, якая размясцілася на пэўнай тэрыторыі, пад уплывам пасіянарнага штуршка, пашырае тэрыторыю свайго жыхарства ў выніку ўсплёску сваёй актыўнасці, што прыводзіць да этнагенезу – працэсу «творчага пераўтварэння этнічных калектываў, якому спадарожнічае антрапагеннае перайначванне ландшафтаў» [17, с. 77]. Гэтая актыўнасць вызначаецца пэўнай колькасцю энергіі, якая ідзе ад біясферы ў выглядзе біяхімічнай энергіі жывога рэчыва. Яна пераасэнсоўваецца этнасам у выглядзе дзеянняў, накіраваных на змяненне нававольнага асяроддзя [17, с. 190–198].

Такім чынам, пасіянарнасць з’яўляецца праяўленнем звязнасці з асяроддзем пэўнага этнасу і яго здольнасцю ператвараць рэсурсы гэтага асяроддзя. Адзначаныя асаблівасці таксама тычацца і іншых сацыяльных сістэм, дзе важнай часткай з’яўляюцца чалавек і яго дзейнасць. Вонкавыя рэсурсы ўнутранымі кампанентамі сістэм перапрацоўваюцца ў розныя віды энергіі ў кантэксце ўзаемадзеяння іх элементаў, адсюль энергія з’яўляецца важнай часткай і крыніцай самаразвіцця сацыяльных сістэм. Гэта не толькі інфармацыйныя, культурныя, псіхічныя ці тэхніка-тэхналагічныя віды энергіі, звязаныя з перапрацоўкай знешніх рэсурсаў тэхнічнымі і іншымі сродкамі. Размова ідзе пра адмысловы від энергійнасці, накіраванай на *вывад* сістэмы на шлях самаарганізацыі праз дынамічнае злучэнне з асяроддзем і іншымі сістэмамі. У Л. М. Гумілёва гэта энергія набывае форму *пасіянарнасці*, у А. Тойнбі – «адказу» на «выклік», у К. Маркса – *рэвалюцыі*. У іх абазначаныя формы ўзнікаюць дзякуючы неаддзялімасці сістэмы ад асяроддзя, дзе першыя аўтаномны па сваёй сутнасці, а асяроддзе ўплывае на іх апасродкавана – таму сістэма і асяроддзе ніколі не ўступаюць у кантакт у поўнай меры.

Для канкрэтызацыі феномена энергійнасці звернемся да разумення Арыстоцелем паняцця энергіі і звязанага з ёю паняцця сінергіі. «Энергія» (Ενέργεια) Арыстоцелем была разгледжана разам з паняццямі «патэнцыя» (Δυναμις) і «энтэлехія» (Εντελεχεια). Патэнцыя абазначае магчымасці, якія праз энергію рэалізуюцца ў энтэлехія – нейкую мэтавую прычыннасць. Арыстоцель піша: «Справа – мэта, а дзейнасць – справа, таму і “дзейнасць” (energeia) зыходзіць ад “справа” (ergon) і накіравана на “ажыццёўленасць” (entelechia)» [18, с. 246]. Таксама ён адзначае: «“тое, дзеля чаго” – гэта канчатковая мэта, а канчатковая мэта – гэта не тое, што існуе для іншага, а тое, дзеля чаго існуе іншае; такім чынам, калі будзе такога роду канчатковае, то не будзе бязмежнага руху; калі ж няма такога канчатковага, то не будзе канчатковай мэты» [18, с. 96].

Такім чынам, энергія ёсць форма дзейнасці, якая рэалізуе магчымасці, але ў той жа час яна бы не існавала без «тое, дзеля чаго» – канчатковай мэты. Тут узнікае класічнае разуменне сінергіінасці: энергія не проста рэалізуе патэнцыю праз сумесныя дзеянні складнікаў, ці элементаў сістэмы, але *не можа* быць без агульнай мэты. С. С. Харужы, даследуючы прадметнае поле сінергіі, выяўляе тры яе галіны – багаслоўе, антрапалогію і сінергетыку. У кантэксце прадметнай

часткі артыкула звернемся да сінергетычнага арэала сінергіі. З пункта погляду С. С. Харужага, сінергічнымі працэсамі ў сінергетыцы можна лічыць толькі тыя працэсы, у якіх адбываецца кагерэнтнае ўзаемадзеянне двух розных, супрацьлеглых па крыніцах, відаў энергіі (напрыклад, працэсы лазернага выпраменьвання ці стварэння дысіпацыйных структур). Ён называе гэта «сінергетычнай парадыгмай сінергіі» і канкрэтызуе яе наступным чынам: «у сістэме, выведзенай далёка ад звычайных раўнаважных рэжымаў, паток вонкавай энергіі можа выклікаць ўзнікненне новай дынамікі самаарганізацыі, якая генерыруе больш кагерэнтныя і дыферэнцыраваныя дынамічныя структуры і вырабляе радыкальнае пераструктураванне сістэмы» [19, с. 31].

Адсюль адзначаны намі асаблівы від энергіі – вынік сінергіі энергій сістэмы і асяроддзя (іншых сістэм), знешніх і унутраных энергій, які канкрэтызуе патэнцыі і выяўляе пэўную мэтавую прычыннасць, ці ідэальны атрактар, калі казаць тэрмінамі сінергетыкі. На наш погляд, у сацыяльных сістэмах гэты від энергійнасці абумоўліваецца не толькі кагерэнтнасцю і ўзаемадзеяннямі паміж элементамі сістэмы, але і напружанасцю паміж энергіяй знешняй і ўнутранай, дзейнасцямі вонкавых і ўнутраных актараў. Таму можна казаць аб наяўнасці энергіі «прыцягнення–адштурхоўвання», якая з’яўляецца ўнутраным параметрам сацыяльнай сістэмы любога тыпу, звязвае не толькі іх кампаненты паміж сабой, але і сістэму з іх асяроддзем.

На нашу думку, адзначаны феномен энергійнасці ў жывых і сацыяльных сістэмах можа быць скарэляваны з англійскім словам «vitality», якое абазначае неабходную, жыццёвую энергію, выкліканую, па-першае, патокамі вонкавай і ўнутранай энергіі, па-другое, іх узаемадзеяннем – уласна сінергіяй як часткай працэсаў самаарганізацыі. Нагадаем, што самаарганізацыя ў сістэмах рознага анталагічнага рангу адбываецца дзякуючы кагерэнтнаму ўзаемадзеянню элементаў сістэмы, што прыводзіць да ўзнікнення яе эмерджэнтных уласцівасцей і адпаведных структур. Гэтыя эмерджэнтныя ўласцівасці з’яўляюцца вынікам узаемадзеяння на мікраўзроўні сістэм і выклікаюць дынаміку на макраўзроўні, якая ў сваю чаргу ўплывае ў адваротным кірунку на мікраўзровень [6, р. 9]. Як адзначалі Г. Ніколіс і І. Прыгожын, «у наваколлі няўстойлівасці ў сістэме развіваюцца даўгахвалевыя прасторавыя карэляцыі, нават калі сістэма застаецца макраскапічнай і аднастайнай у прасторы. Гэтыя карэляцыі характарызуюцца даўжынёй кагерэнтнасці, якая з’яўляецца ўнутраным параметрам сістэмы» [12, с. 348].

Такім чынам, кагерэнтнае ўзаемадзеянне элементаў сістэмы спараджаецца адзначаным відам энергіі і ў той жа час дадзены від энергіі абумоўліваецца гэтым узаемадзеяннем. Тут мы маем рэкурсіўны тып пятлі ў агульнай арганізацыі сістэмы, пры гэтым як паміж асяроддзем і сістэмай, так паміж сістэмай і яе элементамі. «Рэкурсіўныя арганізацыі, – адзначае Э. Марэн, – з’яўляюцца такімі арганізацыямі, якія ў нераўнаважным стане і дзякуючы ім, у нестабільнасці і дзякуючы ёй, пры ўзрастанні энтрапіі і дзякуючы яе ўзрастанню прадуючыюць стацыянарныя станы, гамеастаз рознага роду» [16, с. 231]. Таму адзначаны від энергіі дазваляе пры працэсах самаарганізацыі зблізіць элементы сістэмы, якія дагэтуль не ўзаемадзейнічалі, але ў той жа час празмернае збліжэнне можа прывесці да дэградацыі і страты сістэмай сваёй унутранай унікальнасці. Таксама дзякуючы энергіі прыцягнення–адштурхоўвання сістэма становіцца больш адкрытай, але празмернае прыцягненне да асяроддзя можа прывесці да страты сістэмай яе аўтаномнасці. Адсюль узнікае дваісты, дыялектычны характар адзначанага віду энергіі, які карэлюецца з агульнай дзейнасцю каналаў сістэмы.

Паспрабуем растлумачыць сказанае вышэй на прыкладзе працэсаў самаарганізацыі мовы. М. М. Макоўскі адзначае, што большасць індаеўрапейскіх моў узнікла ў выніку шматразовага злучэння толькі некаторых асобных караняў. Гэта адбылося дзякуючы дынамічнаму камбінаторнаму ўзаемадзеянню семантычных і фанетычных комплексаў як асобных слоў, так і іх кампанентаў. «Спецыфіка камбінаторнай арганізацыі ўнутры слова, – піша М. М. Макоўскі, – можа прывесці да таго, што каля яго групуюцца пэўныя ланцужкі слоў, якія адрозніваюцца колькаснай і якаснай разнастайнасцю, прычым некаторыя словы, якія ўваходзяць у такі ланцужок, у сваю чаргу могуць утвараць уласнае “атачэнне”, якое накладваецца на першаснае і ўзаемапранікальнае з ім (курсіў наш. – Я. Е.)» [20, с. 11]. У выніку мы маем карціну самаарганізацыі, дзе асобныя элементы моўнай сістэмы ўваходзяць у іншыя, тым самым становячыся для іх своеасаблівым асяроддзем. На наш погляд, паміж імі ўзнікае напружанасць, якая паказвае не толькі прыцягненне

элементаў адзін да аднаго і, адпаведна, камбінаторныя ўзаемадзеянні, але і адштурхоўванні, што адпавядае страце мовай асобных яе элементаў і, уласна, разнастайнасці.

Канцэптуальнае значэнне параметраў парадку ў самаарганізацыі сацыяльных сістэм. Адзначанае, аднак, дзейнічае толькі тады, калі моўная сістэма, як і іншыя сацыяльныя сістэмы, знаходзіцца далёка ад раўнавагі, дзе пачынаюць дзейнічаць станоўчыя адваротныя сувязі. Адкрытасць сістэмы праз экспарт энтрапіі адзначаную сувязь узмацняе, прыводзячы да фарміравання так званых дысіпатыўных структур. У выніку парушэння першапачатковай сіметрыі ў сістэме адбываецца прасторавая перабудова агульнай структуры сістэмы, калі пачынаюць «перамагаць» яе макраскапічныя параметры і праяўляецца калектыўнасць у паводзінах элементаў сістэмы. В. В. Васількова заўважае, што парушэнне сіметрыі выклікае з’яўленне новай сацыяльнай іерархіі, калі дысіпатыўная структура замацоўваецца і сацыяльная сістэма прыходзіць да новага сацыяльнага парадку [13, с. 210].

Уздзеянне флуктуацый на сістэму – адхіленняў параметраў сістэмы ад сярэдніх значэнняў – з’яўляецца праяўленнем ролі хаосу ў працэсах самаарганізацыі і фарміравання новага парадку. В. В. Васількова адзначае дваісты характар гэтай ролі ў сацыяльных сістэмах. З аднаго боку, хаос на макраўзроўні праз дысіпатыю забірае няўстойлівыя структуры і стварае перадумовы да агульнай гарманізацыі працэсу, з другога – на мікраўзроўні прыводзіць да стварэння новых упарадкаваных структур [13, с. 178]. На наш погляд, у сацыяльных сістэмах, дзе дзейнасць чалавека адыгрывае значную ролю ў іх дынаміцы, сутыкненне, а калі дакладней – антаганістычнае супрацоўніцтва знешняга і ўнутранага назіральніка як двух тыпаў удзельнікаў, фарміруе аблічча іх эвалюцыйнага рэжыму. З гэтага пункта погляду роля параметраў парадку (параметраў сінергетычных сістэм, змены якіх выклікаюць змены ўсёй сістэмы) у працэсах самаарганізацыі становіцца *ключавой*, бо менавіта праз іх узнікае магчымасць уплываць на эвалюцыйны шлях сацыяльных сістэм – унутранаму назіральніку наўпрост, а знешняму – апасродкавана праз змяненне асяроддзя, у якім пэўная сацыяльная сістэма існуе [21, с. 42]. Гэта звязана з тым, што «не толькі параметры парадку вызначаюць паводзіны асобных элементаў... але і кожны асобны элемент ўносіць уклад у вызначэнне параметраў парадку як дынамічных характарыстык сістэмы, а ў станах няўстойлівасці... паводзіны асобнага элемента могуць стаць істотнымі, дэтэрмінаваць станаўленне новага калектыўнага ўзору паводзін» [22].

Аднак у сацыяльна-гуманітарных навуках на сённяшні дзень не існуе адназначнага падыходу да вызначэння параметраў парадку ў сацыяльных сістэмах. У прыватнасці, існуюць цяжкасці не толькі ў выдзяленні дадзеных параметраў на ўзроўні асобных сістэм і працэсаў, але і ў знаходжанні іх сувязі паміж сабою. Спецыфіка сацыяльных сістэм складаецца з таго, што іх эвалюцыя ідзе разам з сістэмамі прыродазнаўчага характару і шмат у якіх адносінах залежыць ад іх. Ад сонечнай энергіі, напрыклад, залежыць інтэнсіўнасць сацыяльнага развіцця і наогул жыццё. У гэтым сэнсе некаторыя глабальныя сістэмы выступаюць у якасці неабходных параметраў парадку для эвалюцыі сацыяльных сістэм. У сваю чаргу, на макраўзроўні сацыяльных сістэм існуюць свае параметры парадку, якія падпарадкоўваюць сабе параметры парадку на мікраўзроўні.

Дадатковы характар да ідэй сінергетыкі па параметрах парадку існуе ў канцэпцыі сацыяльнай эвалюцыі. Размова ідзе пра «базавыя фактары гістарычнай дынамікі» М. С. Розава і «фактары сацыяльнай эвалюцыі» А. В. Каратаева. Напрыклад, у разуменні М. С. Розава, базавыя фактары – гэта «комплексы механізмаў і заканамернасцей, якія з’яўляюцца ўніверсальнымі і неад’емнымі ўласцівасцямі асноўных кампанентаў сацыяльнай рэчаіснасці і адносна незалежны ад канкрэтных гістарычных з’яў і працэсаў» [23, с. 174]. Базавасць гэтых фактараў, якія адносяцца да чатырох сфер быцця (геабіятэхнаферы, псіхасферы, сацыясферы і культурасферы), азначае, што яны *прадукуюць* іншыя фактары і вызначаюць іх, напрыклад, калі ідзе размова пра асобныя працэсы. Базавыя і іншыя фактары фарміруюць так званыя трэнд-структуры – устойлівы комплекс параметраў і сувязей паміж імі, якія вызначаюць узаемазалежнасць пэўных тэндэнцый у сацыяльных сістэмах [23, с. 185].

Прыкладам базавых фактараў з’яўляюцца «базавыя ўніверсаліі культуры», вылучаныя І. Я. Левяшом. Разглядаючы спецыфіку жыццядзейнасці чалавека, якая мае *творча-пераўтваральны* характар, І. Я. Левяш адзначае, што культурныя ўніверсаліі выражаюць фундаментальныя, базіс-

ныя сувязі і каштоўнасці як мінулага, так цяперашняга і будучага, устойлівасць якіх залежыць ад магчымасцей творчага абнаўлення і дзейнасці суб'екта і соцыуму. Да такіх універсальных І. Я. Левяш адносіў нарматыўныя каштоўнасці, базавыя архетыпы і ідэалы/сэнсы культур [24, с. 65].

У гэтым кантэксце трэба адзначыць, што ў адрозненне ад параметраў парадку ў прыродазнаўчых сістэмах, на якія можна ўплываць механістычным шляхам, у сацыяльных сістэмах адзначаныя параметры падвяргаюцца зменам толькі праз творчасць, якая, як лічыць А. Бергсон, вызначае дынамічныя ўласцівасці развіцця сацыяльных сістэм [25, с. 168–169]. Такой думкі прытрымліваецца і Г. Хакен, які адзначае наступнае: «Новыя ідэі павінны нараджацца спантанна або стварацца новыя вынаходніцтвы, або стварацца новыя наватарскія прапановы. У гэтым кантэксце тут можна згадаць мазгавы штурм, інтуіцыю або дыскусію ўнутры групы або з іншымі экспертамі... Неабходна знайсці агульны кансэнсус... прадугледзець або прадставіць магчымыя глабальныя структуры або працэсы. Відавочна, што гэта патрабуе ярка выяўленай зваротнай сувязі паміж іерархічнымі ўзроўнямі кіравання. Дзякуючы гэтаму механізму зваротнай сувязі будзе адбывацца бесперапыннае змяненне лакальных структур у адпаведнасці з магчымымі глабальнымі структурамі» [26, р. 38]. Такія дынамічныя змены магчымы толькі праз працэсы самаарганізацыі, калі сістэма ў адпаведнасці з вонкавымі ўмовамі і ўнутранымі магчымасцямі праходзяць да новага дынамічнага ўзроўню, фарміруючы тым самым адпаведную, часам карэнную карціну змен у дынаміцы сацыяльных сістэм.

Сацыяльны актар – «назіральнік» і «ўдзельнік» самаарганізацыі сацыяльных сістэм. Аднак чым адрозніваецца самаарганізацыя сацыяльных сістэм у шырокім сэнсе? Для адказу на гэтае пытанне трэба разгледзець сацыяльныя сістэмы як такія сістэмы, дзе важную ролю адыгрывае прысутнасць чалавека і яго дзейнасць як «назіральніка-ўдзельніка». Размова ідзе пра самаканструяванне сацыяльных сістэм як асяроддзя чалавека і, адпаведна, самога сябе як часткі гэтага асяроддзя праз адзначаны від энергіі. Ён не толькі прысутнічае ў сістэме, як бы (актыўна) назіраючы за ёй, але і ўдзельнічае ў яе быцці. З гэтай пазіцыі звернемся да падыходу Б. Латура да праблемы самаарганізацыі сацыяльнага. Звяртаючыся да праблемы назіральніка, Б. Латур піша пра яго актыўную ролю ў працэсе сацыяльнага развіцця, які праз сваю дзейнасць убірае ў сеткі розныя аб'екты, якія таксама з'яўляюцца сацыяльнымі актарамі. Сеткамі з'яўляецца «звязаны шэраг дзеянняў, кожны удзельнік якіх разглядаецца як паўнаважны пасрэднік» [27, с. 181]. Адным з такіх пасрэднікаў з'яўляецца назіральнік, які адначасова ўключаны ў сетку і ў той жа час актыўна ўзаемадзейнічае з яе элементамі. Калі перанесці ідэю Б. Латура на больш шырокі кантэкст, то можна адзначыць, што дзякуючы такой двайной прыродзе назіральнік здольны знаходзіць і актуалізаваць шляхі развіцця сеткі (сістэмы), тым самым канструюючы яе будучыню. Аднак існуе магчымасць, што пэўны фактар, пэўнае ўзаемадзеянне можа пацягнуць «назіральніка-ўдзельніка» не ў той бок, што стане фатальным для пэўнай сістэмы [27, с. 233–234].

Такім чынам, самаарганізацыя ў сацыяльных сістэмах адбываецца дзякуючы актыўнаму ўплыву «назіральніка-ўдзельніка», які здольны праз свае дзеянні, з улікам уплыву асяроддзя, прыводзіць сістэмы да неабходнай прасторавай перабудовы, тым самым змяняючы акалічнасці існавання і жыццядзейнасці самога сябе. Працэсы мадэрнізацыі з гэтага пункта погляду паўстаюць з іншага ракурсу: дзейнасць чалавека па перабудове асноўных падсістэм свайго жыцця ў адпаведнасці з патрабаваннямі часу адкрыла шматлікія патэнцыяльныя лініі развіцця дзяржаў і цывілізацыі, многія з якіх, аднак, з'яўляюцца тупіковымі. У структураванай мадэлі свету С. Хантынгтана падобная тупіковая лінія вынікае з канфлікту паміж заходняй і незаходнімі цывілізацыямі, у той жа час як больш аптымістычны – з канструктыўнага ўзаемадзеяння гэтых цывілізацый, што, па сутнасці, з'яўляецца прыкладам самаарганізацыі на планетарным узроўні дзякуючы дзеянню станоўчай адваротнай сувязі [28, с. 580].

Аднак адзначаная сувязь пры пэўных умовах, калі сістэма знаходзіцца далёка ад раўнавагі, можа прывесці да страты сістэмай устойлівасці. Справа ў тым, што не існуе сістэм без унутраных антаганізмаў, асабліва сацыяльных сістэм, упарадкаваных жыццядзейнасцю чалавека. Яны не толькі паказваюць унутраную ўстойлівасць сістэмы, але і з'яўляюцца каталізатарам працэсу самаарганізацыі. Э. Марэн адзначае ключавую ролю антаганізмаў у сістэмнай арганізацыі. З'яўляючыся праяўленнем энергіі адштурхоўвання, яны ўраўнаважваюць адзін аднаго. Разам з тым у сістэме

ўсталёўваюцца адносіны дадатковасці паміж часткамі, часткамі і цэлым. Такім чынам, арганізацыя «сістэмы адначасова і стварае, і падаўляе антаганізм (курсіў Э. Марэна. – Я. Е.)» [16, с. 158].

Менавіта дзякуючы антаганізмам сістэма дынамічная ў сваёй прыродзе, таму Э. Марэн і акцэнтуюе ўвагу на іх, паколькі антаганізмы уяўляюць таксама тэндэнцыю дэарганізацыі сістэмы і паказваюць яе меру беспарадаку – у шырокім сэнсе іх можна разглядаць як вынік жыццядзейнасці чалавека. У сітуацыі, калі сістэма знаходзіцца далёка ад раўнавагі, патэнцыяльныя антаганізмы пад уплывам вонкавых уздзеянняў пераходзяць у стан актуальных, і ў той жа час адкрываюць магчымасці па яе перафармацыраванню. Роля флуктуацый у гэтай сітуацыі пачынае ўзмацняцца, бо сістэма становіцца больш адчувальнай да малых флуктуацый, што адкрывае шлях да фундаментальных змен у сістэме [29, р. 151]. Узнікае магчымасць для творчасці. У кантэксце сучаснага этапу развіцця навукі гэта азначае, што «наступае эпоха дыялогу, адбываецца пераход ад статычнага структурна арыентаванага мыслення да мыслення дынамічнага, арыентаванага на працэс» [30, с. 97].

Высновы. Такім чынам, самаарганізацыя сацыяльных сістэм не адрозніваецца прынцыпова ад самаарганізацыі сістэм прыродных, аднак мае свае асаблівасці, абумоўленыя роляй і месцам чалавека як «назіральніка-ўдзельніка» ў гэтым, якія ў сваю чаргу звязаны з творчым пачаткам яго жыццядзейнасці. У сувязі з гэтым пералічым шэраг эўрыстычных палажэнняў, закранаючых самаарганізацыю сацыяльных сістэм.

Па-першае, вылучэнне абазначанай ролі чалавека ў працэсах сацыяльнай самаарганізацыі канкрэтызуе інтэнцыю постнекласічнай парадэгмы па даследаванню чалавекамерных сістэм і з'яўляецца, на наш погляд, анталагічным пачаткам уласна самаарганізацыі сацыяльнага, эксплікуючага разнастайнасць, узаемазалежнасці і ўсеагульную сувязь аб'ектыўнага сацыяльнага свету, у першую чаргу ў яго каштоўнаснай, сэнсавай, дзейснай і феноменалагічнай энергіянасцях.

Па-другое, існуючае разуменне «назіральніка-ўдзельніка» як (мета)філасофскі канцэпт, які зараз дамінуе ў сістэмна-сінергетычнай перспектыве [31], канкрэтызуецца ў сацыяльных сістэмах як праксія-метадалагічны, дзе метадалогія і праксіялогія знаходзяцца ў сінтэзе праз рэфлексійнае асэнсаванне, з аднаго боку, ўсёй разнастайнасці жыццядзейнасці чалавека, у першую чаргу яго каштоўнасных аспектаў, а з другога – калідора мачымасцей уласна сацыяльных сістэм і тэмпаў іх дынамікі.

Па-трэцяе, прапанаванае асэнсаванне ролі чалавека ў працэсах самаарганізацыі сацыяльных сістэм ставіць перад намі праблему асэнсавання агульнай іх дынамікі. У гэтым сэнсе, для палепшэння разумення асаблівасцей гэтай дынамікі, у далейшым варта перайсці да разгляду атрактараў сацыяльных сістэм як асобных метаструктурных кампанентаў у кантэксце пошуку складанай сацыяльнай метадалогіі даследавання і кіравання сацыяльнымі сістэмамі і працэсамі, якія ў іх адбываюцца.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Ashby, W. R. An introduction to cybernetics / W. R. Ashby. – London : Chapman & Hall, 1956. – 295 p.
2. Хакен, Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Мир, 1991. – 240 с.
3. Калужский, М. А. Самоорганизующиеся системы: в природе, обществе и экономике / М. А. Калужский. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 223 с.
4. Тойнби, А. Постижение истории = A study of history : избранное / А. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова ; под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича. – М. : Айрис-Пресс, 2010. – 637 с.
5. Carneiro, R. L. A Theory of the Origin of the State: Traditional theories of state origins are considered and rejected in favor of a new ecological hypothesis / R. L. Carneiro // Science. – 1970. – Vol. 169, № 3947. – P. 733–738. <https://doi.org/10.1126/science.169.3947.733>
6. Klüver, J. The dynamics and evolution of social systems: new foundations of a mathematical sociology / J. Klüver. – Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 2000. – 289 p. – (Theory and decision library. Series A, Philosophy and methodology of the social sciences ; 29). <https://doi.org/10.1007/978-94-015-9570-4>
7. Маковский, М. М. Системность и асистемность в языке: опыт исследования антиномий в лексике и семантике / М. М. Маковский. – Изд. 2-е, стер. – М. : URSS, 2006. – 210 с.
8. Матурана, У. Дерево познания: биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
9. Mingers, J. The problems of social autopoiesis / J. Mingers // Intern. J. of General Systems. – 1992. – Vol. 21, № 2. – P. 229–236. <https://doi.org/10.1080/03081079208945073>

10. Zeleny, M. The application of autopoiesis in systems analysis: are autopoietic systems also social systems? / M. Zeleny, K. D. Hufford // *Intern. J. of General Systems*. – 1992. – Vol. 21, № 2. – P. 145–160. <https://doi.org/10.1080/03081079208945066>
11. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Голвина. – СПб. : Наука, 2007. – 641 с.
12. Николис, Г. Самоорганизация в неравновесных системах. От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации / Г. Николис, И. Пригожин ; пер. с англ. В. Ф. Пастушенко ; под ред. Ю. А. Чизмадзева. – М. : Мир, 1979. – 512 с.
13. Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации / В. В. Василькова. – СПб. : Лань, 1999. – 478 с.
14. Bailey, K. D. *Sociology and the new systems theory: toward a theoretical synthesis front cover* / K. D. Bailey. – New York : State Univ. Press, 1994. – 372 p.
15. Бабосов, Е. М. Социальная деятельность и социальная энтропия / Е. М. Бабосов // *Социол. альманах*. – 2011. – № 2. – С. 13–24.
16. Морен, Э. Метод. Природа природы / Э. Морен ; пер. с фр. и вст. ст. Е. Н. Князевой. – Изд. 2-е, доп. – М. : Канон+, 2013. – 488 с.
17. Гумилев, Л. Н. Этносфера: история людей и история природы / Л. Н. Гумилев. – М. : Экопрос, 1993. – 544 с.
18. Аристотель. Метафизика / Аристотель // *Сочинения* : в 4 т. – М., 1975. – Т. 1. – С. 65–368.
19. Хоружий, С. С. Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы / С. С. Хоружий // *Вопр. философии*. – 2011. – № 12. – С. 19–36.
20. Маковский, М. М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках / М. М. Маковский. – М. : Наука, 1992. – 189 с.
21. Хакен, Г. Синергетика: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Мир, 1985. – 419 с.
22. Князева, Е. Н. Синергетические принципы коэволюции сложных систем [Электронный ресурс] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Глобализация: синергетический подход. – М. : РАГС, 2002. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/globalization/sinergeticheskie-principy-koevolucii-slozhnykh-sistem/>. – Дата доступа: 28.11.2020.
23. Розов, Н. С. Философия и теория истории : в 2 кн. / Н. С. Розов. – Изд. 2-е, испр. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – Кн. 1 : Прологомены. – 608 с.
24. Левяш, И. Я. Базовые универсалии культуры : в 3 кн. / И. Я. Левяш. – Saarbrücken : Lambert Academic Publ., 2001. – Кн. 1 : Смысл и структура. – 546 с.
25. Бергсон, А. Творческая эволюция = L'évolution créatrice / А. Бергсон ; пер. с фр. В. Флеровой ; вступ. ст. И. Блауберг. – М. : ТЕРРА-Кн. клуб ; КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 381 с.
26. Haken, H. Can synergetics be of use to management theory? / H. Haken // *Self-organization and management of social systems. Insights, promises, doubts, and questions* / ed.: H. Ulrich, G. J. V. Probst. – Berlin [etc.], 1984. – P. 33–41. https://doi.org/10.1007/978-3-642-69762-3_3
27. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 384 с.
28. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2018. – 640 с.
29. Ulrich, H. Insights, promises, doubts, and questions emerging from a colloquium – a summary / h. Ulrich, G. J. V. Probst // *Self-organization and management of social systems. Insights, promises, doubts, and questions* / ed.: H. Ulrich, G. J. V. Probst. – Berlin [etc.], 1984. – P. 148–152. https://doi.org/10.1007/978-3-642-69762-3_12
30. Черникова, И. В. Онтология и эпистемология сложности / И. В. Черникова // *Гуманитар. вектор*. – 2013. – № 2 (13). – С. 91–97.
31. Аршинов, В. И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть первая / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // *Философия науки и техники*. – 2015. – Т. 20, № 2. – С. 70–84.

References

1. Ashby W. R. *An introduction to cybernetics*. London, Chapman & Hall, 1956. 295 p.
2. Haken H. *Information and self-organization: a macroscopic approach to complex systems*. Berlin etc., Springer-Verlag, 1988. 196 p.
3. Kaluzhskii M. A. *Self-organizing systems: in nature, society, and economy*. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2015. 223 p. (in Russian).
4. Toynbee A. *A study of history*. Mocsow, Airis-Press Publ., 2010. 637 p. (in Russian).
5. Carneiro R. L. A Theory of the Origin of the State: Traditional theories of state origins are considered and rejected in favor of a new ecological hypothesis. *Science*, vol. 169, no. 3947, pp. 733–738. <https://doi.org/10.1126/science.169.3947.733>
6. Klüver J. *The dynamics and evolution of social systems: new foundations of a mathematical sociology*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 2000. 289 p. <https://doi.org/10.1007/978-94-015-9570-4>
7. Makovskii M. M. *Systematic and asystematic in language: experience in researching antinomies in vocabulary and semantics*. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2006. 210 p. (in Russian).
8. Maturana H. R., Varela F. *The tree of knowledge: the biological roots of human understanding*. Boston, Shambhala Publ., 1992. 269 p.
9. Mingers J. The problems of social autopoiesis. *International Journal of General Systems*, 1992, vol. 21, no. 2, pp. 229–236. <https://doi.org/10.1080/03081079208945073>

10. Zeleny M., Hufford K. D. The application of autopoiesis in systems analysis: are autopoietic systems also social systems? *International Journal General Systems*, 1990, vol. 21 no. 2, pp. 145–160. <https://doi.org/10.1080/03081079208945073>
11. Luhmann N. *Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt, Suhrkamp, 1984. 674 p. (in German).
12. Nicolic G., Prigogine I. *Self-organization in nonequilibrium systems: from dissipative structures to order through fluctuations*. New York, Wiley, 1977. 491 p.
13. Vasil'kova V. V. *Order and chaos in the development of social systems: Synergetics and theory of social self-organization*. St. Petersburg, Lan' Publ., 1999. 478 p. (in Russian).
14. Bailey K. D. *Sociology and the new systems theory: toward a theoretical synthesis front cover*. New York, State University Press, 1994. 372 p.
15. Babosov E. M. Social activity and social entropy. *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological Almanac], 2011, no. 2, pp. 13–24 (in Russian).
16. Morin E. *Method. Nature of Nature*. 2nd ed. Moscow, Kanon+ Publ., 2013. 488 p. (in Russian).
17. Gumilev L. V. *Ethnosphere: the history of people and the history of nature*. Moscow, Ekopros Publ., 1993. 544 p. (in Russian).
18. Aristotle. *Metaphysics. Essays. Vol. I*. Moscow, 1975, pp. 65–368 (in Russian).
19. Khoruzhii S. S. What is SYNERGEIA? Synergy as a universal paradigm: leading subject areas, discursive connections, heuristic resources. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2011, no. 12, pp. 19–36 (in Russian).
20. Makovskii M. M. *Linguistic genetics: problems of word ontogenesis in Indo-European languages*. Moscow, Nauka Publ., 1992. 189 p. (in Russian).
21. Haken H. *Advanced synergetics instability hierarchies of self-organizing systems and devices*. Berlin, Heidelberg Springer, 1983. 356 p.
22. Knyazeva E. N. Synergetic principles of coevolution of complex systems. *Globalization: a synergetic approach*. Moscow, RAGS Publ., 2002. Available at: <http://spkurdyumov.ru/globalization/sinergeticheskie-principy-koevolyucii-slozhnyx-sistem/> (accessed 28.11.2020) (in Russian).
23. Rozov N. S. *Philosophy and theory of history. Book I. Prolegomenon*. 2nd ed. Moscow, LENAND Publ., 2019. 608 p. (in Russian).
24. Levyash I. Ya. *Basic universals of culture. Book I. Meaning and structure*. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2001. 546 p. (in Russian).
25. Bergson H. *Creative evolution*. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub Publ., KANON-press-Ts Publ., 2001. 381 p. (in Russian).
26. Haken H. Can synergetics be of use to management theory? *Self-organization and management of social systems. Insights, promises, doubts, and questions*. Berlin etc., 1984, pp. 33–41. https://doi.org/10.1007/978-3-642-69762-3_3
27. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford, Oxford University Press, 2008. 301 p.
28. Huntington S. P. *The clash of civilizations*. Moscow, AST Publ., 2018. 640 p. (in Russian).
29. Ulrich H., Probst G. J. B. Insights, promises, doubts, and questions emerging from a colloquium – a summary. *Self-organization and management of social systems. Insights, promises, doubts, and questions*. Berlin etc., 1984, pp. 148–152. https://doi.org/10.1007/978-3-642-69762-3_12
30. Chernikova I. V. Ontology and epistemology of complexity. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian Vector*, 2013, no. 2 (13), pp. 91–97 (in Russian).
31. Arshinov V. I., Svirskii Ya. I. Complexity world and its observer. Part two. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, 2015, vol. 20, no. 2, pp. 70–84 (in Russian).

Информация об авторе

Евгений Сергеевич Ермаков – аспирант. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ermakovgeka@gmail.com.

Information about the author

Evgeni S. Ermakov – Postgraduate Student. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: ermakovgeka@gmail.com.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.728
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-153-162>

Поступила в редакцию 01.04.2020
Received 01.04.2020

А. В. Семёнова

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПОТРЕБЛЕНИЕ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Рассмотрены концептуальные основы понятия «потребление» в зарубежной классической социологии. Разработана авторская теоретическая схема анализа потребления. Представлены подходы к потреблению в рамках структурного функционализма на уровне макросоциального анализа – классовый, институциональный подходы, в основе которых лежит принцип социальной организации и подчинения, а социальными функциями потребления выступают стратификация и установление контроля со стороны заинтересованных систем, а также на уровне микросоциального анализа – социально-культурный подход, в основе которого находится принцип идентификации, а социальные функции потребления заключаются в рациональности субъектов в процессе самореализации и установления социальных коммуникаций в условиях ценностно-нормативной системы культуры.

В результате обзора научной литературы выявлено, что на современном этапе среди исследователей не было достигнуто консенсуса по принятию широкого определения понятия «потребление» в социологии, поскольку оно, как правило, задается контекстом исследования.

На основе анализа социологических подходов к потреблению было сформулировано его определение как социальной деятельности по удовлетворению материальных и духовных потребностей путем приобретения, использования, уничтожения и отчуждения благ, в результате которой определяются, устанавливаются и поддерживаются социальные различия и отношения, социальная структура, институциональное влияние, ценностно-нормативная система культуры, социальная идентичность, стили жизни, социальные связи и коммуникации.

Ключевые слова: потребление, структурно-функциональный анализ, классовый подход, институциональный подход, социально-культурный подход

Для цитирования: Семёнова, А. В. Потребление: концептуализация понятия в зарубежной классической социологии / А. В. Семёнова // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 153–162. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-153-162>

Aliaksandra V. Siamionava

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

CONSUMPTION: CONCEPTUALIZATION OF NOTION IN FOREIGN CLASSICAL SOCIOLOGY

Abstract. Bases for the concept of “consumption” in foreign classical sociology have been considered. The author’s theoretical scheme of consumption analysis is developed. Approaches to consumption within the framework of structural functionalism at the level of macrosocial analysis are presented – these are class and institutional approaches, based on the principle of social organization and subordination. Social functions of the consumption are the stratification and establishment of control by interested system players. On the level of microsocioanalysis, there is a socio-cultural approach based on the principle of identification, and in this case, social functions of consumption are the rationality of subjects in the process of self-realization and establishment of social communications in the context of the value-normative system of culture.

As a result of the review of the scientific literature, it has been revealed that, at the moment, there is no consensus among researchers on the adoption of a broad definition of the concept of “consumption” in sociology, since it is usually defined by the context of the study.

Based on the analysis of the sociological approaches to the consumption, its definition is formulated as social activity to satisfy material and spiritual needs through acquiring, using, destroying and alienating goods, as a result of which social differences and relations, social structure, institutional influence, value-normative system of culture, social identity, life styles, social connections and communications are determined, established and maintained.

Keywords: consumption, structural and functional analysis, class approach, institutional approach, socio-cultural approach

For citation: Siamionava A. V. Consumption: conceptualization of notion in foreign classical sociology. *Vestsi Natsyyanal' nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 153–162 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-153-162>

Введение. Внимание к проблемам потребления среди западных и отечественных исследователей обусловлено относительной новизной их постановки в рамках социологической науки, в которой доминирует стремление к обоснованию поведения потребителей не только как деятельности по удовлетворению потребностей рациональных *homo economicus*, но и как обусловленной на уровне динамично развивающихся социальных отношений структурно-функциональными, символическими и репрезентационными аспектами.

К понятию потребления и его элементов, в зависимости от политических, индустриальных, экономических, технологических, экологических, социальных, культурных, информационных изменений, которые сопряжены с функционированием общества в локальном и глобальном разрезе, социологи в разные времена подходят с различных сторон, поэтому возникают трудности для современного ученого в доступности конкретного общепризнанного определения и системы индикаторов при построении концептуальной матрицы исследования.

Основная часть. Понятие «потребление» до второй половины XX столетия рассматривалось в рамках экономической теории потребления как один из этапов процесса воспроизводства. В 1960–1970-е гг. в социологических академических кругах актуализируется проблематика потребления как детерминированного социальной организацией и социально-культурными рамками отдельного процесса.

Поскольку социология потребления как отрасль социологии сформировалась относительно недавно, внутри нее еще не возникли устойчивые корреляты между теоретическими построениями и эмпирическими исследованиями [1, с. 160]. Учеными условно выделяется ряд этапов становления современных теоретических концептов в русле социологии потребления, обусловленных историческими трансформациями.

Первый этап охватывает период с 1970-х до 1980-х гг., когда исследовательский интерес к потребительским практикам был обусловлен модернизацией производства, усилением капитализма, биполярным миром, массовизацией культуры, формированием постмодернистских идей.

Второй этап прослеживается с 1980-х до 1990-х гг., когда изыскания ученых разворачиваются вокруг потребительской культуры, индивидуальных потребительских практик, образа жизни.

Третий этап начинается с 1990-х гг. и продолжается до наших дней, когда на основании обобщения созданных ранее концептов изучаются различные основания и аспекты потребления, новые потребительские практики и феномены в современном мире, обсуждаются локальные и глобальные последствия и риски, связанные с тенденциями потребления.

Хотя установить консенсус по принятию более узкого определения потребления среди ученых не представляется возможным, на современном этапе в социологической литературе можно обнаружить ряд сложившихся теоретических оснований его исследования: как принципа социальной организации на макросоциальном уровне, а также как процесса формирования социальной идентичности на микросоциальном уровне [1, с. 165]. Далее будут представлены группы подходов к изучению потребления по сходному ракурсу обоснования в социальном контексте – классовый, институциональный, социально-культурный, выделенные нами в теории структурно-функционального анализа, которые не поддаются четкой периодизации, поскольку концептуальные идеи в рамках отдельного подхода не ограничиваются конкретным этапом развития социологии потребления.

На основании изучения теории структурного функционализма была разработана авторская теоретическая схема анализа потребления, позволяющая выявить макросоциальные факторы потребления, опосредованные надиндивидуальным уровнем социальной организации – классовый, институциональный подходы, а также микросоциальные факторы потребления, задаваемые индивидуальным уровнем действующих акторов в рамках определенной системы культуры общества – социально-культурный подход (рисунок).

В первую очередь обратимся к научным положениям по вопросам потребления в рамках структурно-функционального анализа, которые объединяет взгляд на потребление как на средство формирования социальных различий – *классовый подход*.

В данном ключе особого внимания заслуживает классическая работа норвежско-американского социолога и экономиста Т. Веблена «Теория праздного класса» [2], впервые опубликованная в 1899 г., в которой, по мнению многих исследователей, закладываются основы социологического

Теоретическая схема анализа потребления
Theoretical scheme of consumption analysis

анализа потребления, где оно рассматривается как средство демонстрации классовых различий: высшие слои общества (праздник класс, отстраненный от производства и физического труда) прибегают к демонстративному (подставному) потреблению, довольствованию праздной жизнью, чтобы дистанцироваться от классов, находящихся в социальной иерархии на более низких позициях, а те в свою очередь с помощью потребления (как единственно возможного способа) пытаются подражать первым. Тем самым высший класс диктует потребительские тенденции. Следует отметить, что автор осуждающе относится к потребительским практикам праздного класса, называя их расточительным потреблением, уровня которого стремятся достичь все слои общества. По мнению ученого, богатство выступает средством обозначения статуса, а в основе мотивации обладания дорогостоящей вещью лежит не столько предвкушение получения удовлетворения, сколько придание ей символической значимости. Следовательно, стремление к обретению статуса и его поддержанию является ключевым мотивом для накопления материального богатства, а потребительские практики служат социальному сигнализированию о материальной состоятельности. Можно сказать, что Т. Веблен проводил несколько искаженный и односторонний анализ потребления ввиду его ориентации на изучение преимущественно конкурентной природы социального порядка, истоки которой обнаруживаются им на начальной стадии формирования истории всего человечества. Также автор предполагал сосредоточение вкуса на вершине социальной структуры, хотя, как известно, вкус может быть рассредоточен по всем ее уровням.

Рассматривая сочинение немецкого философа и социолога Г. Зиммеля о моде, можно установить понимание им потребления, схожее с пониманием Т. Веблена. Так, мода как наиболее доступный элемент внешнего подражания связана со стремлением людей обладать вещами, которые свидетельствуют о высоком положении в обществе. Мода способствует установлению классовых различий: «Мода высшего сословия всегда отличается от моды низшего, причем высшее сословие от нее сразу же отказывается, как только она начинает проникать в низшую сферу» [3, с. 268]. Путь моды автор сравнивает с круговоротом в силу ее циклической способности возвращаться к прежним формам [3, с. 289]. Исследователь отмечает, что из-за постоянной изменчивости и расширения сферы моды она стала относиться не только к внешним атрибутам, но и к поведению, вкусовым предпочтениям, убеждениям человека, которые тем не менее символически обращены к обществу. Мода служит как для создания единства внутри группы, так и выделения ее членов на фоне других, благодаря выражению отличия в одежде, манерах, в том, что касается абстрактного понятия вкуса. Подобно дорогостоящим статусным товарам Т. Веблена, атрибуты моды Г. Зиммеля становятся инструментами статусного соревнования. Высшие слои вынуждены часто внедрять новые тенденции моды и стили потребления (часто экстравагантные), ориентироваться на искусственно создаваемый дефицит статусных товаров (которые в итоге часто копируются и имитируются среди низов), дабы дистанцироваться от масс. В отличие от Т. Веблена Г. Зиммель пришел к снижению значимости материальных символов превосходства и смещению моды на уровень индивидуальных потребностей в различии, хотя распространение моды неотделимо от социально-структурного контекста и финансовых преимуществ.

Поскольку Т. Веблен и Г. Зиммель творили во времена, предшествующие оформлению социологии потребления в отдельное направление научных исследований, их взгляды на потребление были опосредованы экономическими факторами социального неравенства и социальной страти-

фикации. Однако в связи тем, что доступность товаров для различных категорий населения постоянно расширяется, низшие классы все чаще проникают на потребительский рынок высшего уровня, следовательно, усложняется установление связи между социальным статусом и имуществом.

Особое место в современных теоретических наработках по проблемам потребления занимают труды французского исследователя П. Бурдьё, созданные им во второй половине XX века, где потребление полноценно рассматривается как социальный процесс установления классовых различий, выходящий за рамки экономических обоснований. При этом, наряду с экономическим (богатство) и социальным (социальные контакты) капиталом, ученый подчеркивает значимость в данном процессе культурного капитала (знания, вкусы, предметы культуры, уровень квалификации). Идея культурного капитала заключается в том, что недостаточно просто потреблять, необходимо потреблять надлежащим образом, соответственно статусу и условиям. Исследователь вводит концепцию габитуса, показывая, как воспринимаются, оцениваются и воспроизводятся человеком, в зависимости от его воспитания, профессиональной принадлежности, поведенческие практики, компетенции, навыки (в том числе потребительские). Здесь в борьбе за достойные социальные и культурные позиции главным инструментом выступает механизм вкуса, который Бурдьё, вслед за Т. Вебленом и Г. Зиммелем, интерпретирует в социальном контексте. По словам Бурдьё, ввиду ограниченности рабочих слоев населения в возможностях экономического и культурного капитала их вкус ориентирован на доступные товары, являющиеся необходимыми и функциональными, отвергая «вульгарные» недоступные – «вкус от нужды»; высшие же слои общества уклоняются от принятия подобных предпочтений, развивая у себя вкус к излишествам – «вкус к роскоши» [4, с. 32]. В концепции П. Бурдьё, поскольку высшее общество устанавливает легитимность вкуса, на подсознательном уровне между представителями среднего и высшего классов, а также внутри различных классовых фракций этих групп разворачивается борьба за социокультурные различия, которая проявляется в том, что касается правомерности принятия необходимого и лишнего в потреблении. Поддержание статусных различий связано с приобретением предметов и их потреблением, недоступным (ментально и на уровне социокультурного пространства) для иных групп образом, в рамках исповедуемого стиля жизни, за счет располагаемого в первую очередь культурного капитала. Однако автор допускает принятие высшими слоями некоторых товаров (например, пива), вкус к которым первоначально зародился и оформился среди слоев населения, находящихся на другой ступени социальной лестницы, что, скорее, стимулирует сегментацию рынка. В целом, в концепции П. Бурдьё прослеживается проблема распространения вкуса, который лежит в основе классового образования. Несмотря на то что вкусы имеют характерное выражение в классовой структуре, в современных обществах они фрагментированы в рамках каждого отдельного социального класса, что усложняет их интерпретацию на основе строгой иерархической схемы, где вкусы формируются посредством инноваций сверху.

Т. Веблен, Г. Зиммель, П. Бурдьё в своих исследованиях фокусируются на потенциале доминирования через создание социальной дистанции в актах потребления. Они рассматривают потребление как способ формирования классовых отношений, упуская из виду другие стороны мотивации деятельности потребителей, а также иные механизмы формирования социальных слоев.

Следующая группа концепций, которую следует рассмотреть, также сложилась в рамках структурно-функционального анализа и связана с рассмотрением потребления как деятельности, опосредованной поведенческими нормами и ценностями, распространяемыми экономическими, политическими, социальными и культурными институтами, с целью поддержания и воспроизводства капиталистической системы – *институциональный подход*.

После Второй мировой войны западные страны пережили значительный культурный и экономический переворот. Возникли новые промышленные методы производства и распределения товаров, что способствовало повышению уровня и качества жизни населения, а также возникновению новых форм потребления [13, с. 267].

Значительный вклад в изучение потребления в этот период внесла франкфуртская социологическая школа, критикующая «массовую культуру», опираясь на неомарксистские идеи, поскольку, как считали ее представители, исследования изменений в общественном порядке неотделимы от таких элементов, как производство, накопление капитала и классовый антагонизм [5, с. 267].

Теоретики школы Т. Адорно и М. Хоркхаймер [6] полагали, что индустрия массовой культуры породила новые формы товаров и популярных развлечений, предназначенных для приручения, отвлечения и обмана масс, навязывая им созданные капиталистическим производством потребности и стили потребления, подкрепляя социальное неравенство. Учеными было выделено несколько аспектов переосмысления сущности потребления, основанных на массовом производстве: возникновение стандартизированных и пассивных форм потребления (отвлечение представителей рабочего класса от принятия угнетенного положения в производстве и ввод их в заблуждение относительно реалий повседневной жизни посредством массовых продуктов); утрата индивидуальности и спонтанность выбора (приобретение массово произведенных продуктов превращает осознание выбора в иллюзию); возникновение в искусстве китча (искусство оценивается не по содержанию, а в связи с тем, насколько оно вписывается в устанавливаемую индустрией коммерческую формулу) [5, с. 268]. В теории исследователей отоваренное искусство отстраняется от понимания свободы выражения, творчества, подлинности и критики со стороны его производителей. В результате распространения на рынке однородных продуктов потребитель также лишается свободы выбора и самовыражения, несмотря на транслируемую индустрией культуры иллюзию предоставления широких возможностей и потребительского суверенитета. Так, Т. Адорно и М. Хоркхаймер критически оценивают положение потребителя, управляемое капиталистической системой посредством пропагандистских сфер (индустрии культуры, идеологии потребления) в рыночных условиях.

Позже Г. Маркузе заявил о насаждаемых массовой культурой иллюзорных потребностях, поскольку, по его наблюдениям, все чаще у людей возникает стремление к развлечениям и удовольствиям, желание потреблять так, как это демонстрирует реклама; отдавать предпочтение тем вещам, которые нравятся другим. По словам исследователя, «сам механизм, который связывает человека с обществом, изменился, и общественный контроль закрепился в новых потребностях, которые он создал» [7, с. 11]. Ученый подчеркнул, что ассортимент товаров и услуг в рамках серийного производства массовой культуры постоянно расширяется, поэтому производители прибегают к заведомому программированию их устаревания (смена тенденций моды, технологические новшества).

Необходимо отметить, что в концепциях М. Хоркхаймера, Т. Адорно и Г. Маркузе потребительское поведение косвенно связывалось с социально-политическим параличом, поскольку капиталистическая система создавала условия для отвлечения граждан от противостояния социально-политическим переменам того времени. В целом, исследователи франкфуртской школы считали, что массовое производство и различные формы массового потребления влекут за собой превращение общества в социальную массу, состоящую из пассивной группы субъектов, которая находится под воздействием «совокупной власти капитала» [6, с. 9, 94]. Также ориентации представителей данного направления на массовую культуру как производную индустрии культуры в целом, сдерживающую проявления индивидуальности, не соотносимы с микросоциальным измерением потребления на современном этапе.

Позднее, в 1980-х гг. произошел отход от неомарксистских обоснований потребления в связи с усилением критических настроений социологов в отношении экономических критериев функционирования социальной системы, недостаточных для выявления актуальных тенденций, в том числе обусловленных процессами глобализации. Поэтому в рамках рассматриваемого нами институционального подхода следует обратиться к концепциям исследователей-постмодернистов.

Ключевой фигурой, изучавшей проблематику потребления в постсовременную эпоху, является французский социолог Ж. Бодрийяр, идеи которого связаны с критикой потребительской культуры и общества потребления, организованного вокруг потребления и демонстрации товаров, благодаря которым люди приобретают престиж, идентичность и авторитет. Исследователь призывает отстраниться от понимания потребления как «процесса удовлетворения потребностей», ведь оно «есть деятельность систематического манипулирования знаками» [8, с. 214]. Потребительские практики «далеко выходят за рамки отношений с вещами и межличностных отношений, распространяясь на все регистры истории, коммуникации и культуры» [8, с. 218]. Автор генерирует идею знаковой стоимости, согласно которой в современном обществе товары больше не определяются их функцией (потребительской стоимостью) или рыночной ценой (меновая стоимость), а скорее тем, что они означают (знаковой ценностью). Знаковая ценность объектов определяется

их целостным отношением ко всей системе товаров и знаков, а также транслируется и навязывается потребителям извне в форме симулякров. Автор отмечает превращение в товар (коммодификацию) различных сфер жизнедеятельности человека: не только материального производства, но и всей культуры, интимной жизни и человеческих отношений. Объекты наделяются огромной силой для преобразования человеческих идеалов, которые можно измерить посредством знаковой ценности. Как и предыдущие приверженцы дискурса порабощения, Ж. Бодрийяр описывает потребление как сферу господства над людьми. Все человеческие потребности, по его мнению, возникают и удовлетворяются как принудительно насаждаемые: «На уровне структурного анализа в нем господствует принуждение к обозначению; на уровне стратегического (социоэкономического) анализа в нем господствует производственное принуждение, принуждение производственного цикла» [9, с. 91]. Суть заключается в обслуживании капиталистической системы за счет масштабных объемов производимых товаров, наемных рабочих, налогоплательщиков, заемщиков, а также за счет потребителей, благодаря искусственно создаваемым у них потребностям, часто навязываемым миром телевидения и рекламы. Господствующий социальный кодекс общества потребления, который делает людей бессильными, в то же время возлагает на них некоторую ответственность. Согласно Ж. Бодрийяру, такой образ мышления выгоден государству, чья ответственность перед гражданами сводится к легитимации дискурса о том, что равенство и достаток могут быть достигнуты в рамках рыночной экономики и что демократия – это голосование на рынке [10, с. 306]. Однако ввиду постоянного обновления кода значений объектов, организации пространства и свободного времени в интересах производства транслируются новые потребности людей, которые в таких условиях вряд ли смогут противостоять системе, что подтверждает их зависимое положение. Так, в объяснении потребления Ж. Бодрийяра акцентируется внимание на поддержании выживания системы посредством применения внешней принудительной силы системы знаков на людей.

Схожую идею о стимулировании потребления развил британский социолог-постмодернист З. Бауман. Исследователь прямо называл западное общество обществом потребления, процветание которого возможно до тех пор, пока в нем действуют организованные механизмы, манипулирующие желаниями и потребностями людей. В данном контексте социально-экономическая система, которой нужно эффективно функционировать и обеспечивать конкурентоспособность в условиях глобального мира, ориентирована на возникновение у позднесовременного человека чувства постоянной нехватки товаров и неудовлетворенности, что вынуждает его постоянно искать новые ощущения и впечатления. Кроме того, потребитель сам не против быть соблазненным рынком, предлагающим широкий выбор вариантов товаров [11]. В связи с этим З. Бауман полагает, что в потребительском обществе во время «растекающейся» модернити, когда все стороны и объекты жизнедеятельности постоянно трансформируются [12, с. 183], ничто не долговечно, включая обязательства, конечные желания и удовлетворение потребностей людей. Человек также вынужден постоянно пересматривать свою индивидуализацию и экспериментировать с ней, чтобы не отставать от других: «Отношение к своим членам как к индивидуальностям является торговой маркой современного общества» [12, с. 57]. Это обусловлено иллюзорностью и перманентностью достижения самоопределения в современном мире. Так, З. Бауман исследует постоянно изобретаемые властной системой инструменты, навязываемые гражданам для поиска и конструирования себя, а также стимулируемое данным циклом потребление. Отметим, что, по мнению исследователя, люди обладают свободой выбора, однако они находятся под давлением не только массовой культуры, средств массовой информации, ориентированных на потребление рынка, но и во власти идеологии, заранее установленных правил и предписаний государства благосостояния [12, с. 39–40]. А об уровне благосостояния отдельного человека свидетельствует его способность быть потребителем.

Представители институционального подхода отличаются методологической склонностью интерпретировать потребление как действия, обусловленные манипулированием со стороны маркетологов и подчиненные потребностям локальной и глобальной экономических систем в накоплении капитала, функционально необходимые для обеспечения производства, при этом личные желания и стремления индивидов коммодифицируются и превращаются в иллюзии.

В рамках *социокультурного подхода* исследователи рассматривают потребление как активную, рациональную деятельность по приобретению товаров, направленную на самовыражение, определение своего места в социальном пространстве, поддержание устойчивых социальных отношений. Это указывает на оспаривание потребителями социального порядка, описанного выше, посредством расширения их прав и возможностей в использовании культурных ресурсов для интерпретации и конструирования повседневности. Акцент смещается на микросоциальный уровень теоретизирования, когда осознаваемые и умело воспроизводимые людьми потребительские практики способны бросить вызов капиталистической системе и служащим ее интересам манипулирующим сферам.

Британский антрополог М. Дуглас и экономист Б. Ишервуд отходят от дискурса стимулирования капиталистической системой ложных потребностей, обращаясь к потреблению как активной деятельности потребителей по использованию товаров для общения, маркирования и поддержания социальных отношений. Ученые обращаются к анализу формирования идентичности на основании принятия человеком определенной модели потребления. Они считают, что предпочтения и действия потребителей указывают на то, какие социальные ориентации в определенной культуре в данный период преобладают и насколько они устойчивы. Человек самостоятельно принимает решение, как ему действовать и что покупать в рамках проекта, в котором задействованы и другие люди, реализующие свой выбор, участвуя в формировании модели того общества, которое ему импонирует. По словам исследователей, «потребление – это арена, на которой культура борется и обретает форму» [13, с. 37], т. е. оно отражает фундаментальный выбор того типа общества, в котором мы желаем жить, типа человека, которым мы стремимся быть, и того, что мы не принимаем и кем не хотим быть [14, с. 98]. Так, потребление выступает способом транслирования окружающим вкуса, социальной принадлежности, предпочтений и протеста. Объекты потребления при этом наделяются семантикой, а потребительские практики оформляются в язык. В целом, М. Дуглас и Б. Ишервуд призывают ученых рассматривать товары не только в качестве основы для обеспечения существования и конкурентной демонстрации, но и в качестве объектов, позволяющих отразить категории культуры [10, с. 308]. Можно сказать, что М. Дуглас и Б. Ишервуд интерпретируют потребление как культурную и ритуальную деятельность, которая связывает людей друг с другом и организует социальный порядок. Также ученые рассмотрели возможности раскрытия индивидуального творческого потенциала и активности человека посредством исследования того, каким образом он использует объект потребления после приобретения.

Французский социальный философ, культуролог, историк М. де Серто также оспаривает пассивность потребителя, действующего под натиском потребительской культуры. Несмотря на то что исследователь признает господствующую силу рынка, он тем не менее отмечает неизбежность сопротивления в таком положении людей, которых он в качестве потребителей соотносит с «иммигрантами в системе, слишком обширной, чтобы быть их собственной, слишком тесно сплетенной, чтобы они могли уйти от нее» [15, с. 20]. Поэтому потребительские практики людей направлены на использование предметов и культурных ресурсов в повседневной жизни для противодействия доминирующей системе производителей и рекламодателей изнутри. Ученый отмечает, что интеллект человека неотделим от борьбы и удовольствий, которые он исповедует. В связи с этим потребление нельзя рассматривать как рутинизированные практики, оно скорее превращается в форму производства за счет постоянного процесса индивидуального определения и принятия значений товаров, за счет особых манипуляторных действий людей при их использовании. Данные действия потребителей носят тактический характер, поскольку включают многообразие повседневных практик (передвижения, чтение, приготовление пищи, общение, совершение покупок и т. д.), в которых проявляется непослушание производственной системе благодаря имеющимся на вооружении хитрым уловкам и маневрам, посредством которых они ведут переговоры, переосмысливают и принимают значения [15, с. 19]. В отличие от последовательных и организованных действий, применяемых соответствующими силами в доминирующей системе производства, тактика, по мнению автора, является уделом слабых (т. е. потребителей) и организуется за счет оппортунистических действий, за которыми часто скрываются обман и хитрость [10, с. 310]. Так, М. де Серто связывает потребление с деятельностью по производству ценностей, которая противостоит рационализированному всеобъемлющему товарному производству. Субъекты при этом способны

на индивидуальном уровне противодействовать устанавливаемому производственному доминированию путем переоценки значений товаров, которые были изначально заложены в них при создании. Так же, как М. Дуглас и Б. Ишервуд, исследователь фокусируется на социокультурном обосновании способов и приемов использования (часто подрывного характера) продуктов, создаваемых и распространяемых в интересах господствующей экономической системы.

Схожего мнения придерживается британский антрополог Д. Миллер, который концептуализировал потребление как многосторонний процесс конструирования себя в качестве социального субъекта посредством отбора и принятия культурных значений, в результате чего формируются разнообразные социальные сети, противостоящие гомогенизации капиталистических институтов и механизмов производства и распределения [16]. Императивы потребления могут быть такими же разнообразными, как и культурные условия, в которых они осуществляются [14, с. 103–104]. По мнению исследователя, потребители используют товары и услуги, перенося на них свою собственную индивидуальность и укрепляя связи с социальными группами, отстраняясь тем самым от организаций, их создающих и распространяющих. Д. Миллер предложил концепцию материальной культуры, используя понятие объективации, обозначающее отделение субъектами первоначального смысла от предметов потребления и присвоение им нового смысла, исходя из собственной системы значений и социальной идентичности [14, с. 104]. Для ученых данные потребительские практики предполагают одновременно деятельность по присвоению материальных объектов и оперированию категориями культуры, поскольку, как он считает, для культуры произведенные товары не существуют до момента их использования. Так, потребление потворствует разнообразию в мире анонимных и взаимозаменяемых рыночных товаров за счет правоспособности субъектов переосмысливать их значения и выбирать среди многообразия способов их использования. В подходе Д. Миллера человек создает себя и конструирует свой личный мир, а также интегрируется в социокультурное пространство посредством потребления.

Рассмотренные нами концепции к потреблению в рамках социокультурного дискурса акцентируют внимание на действиях потребителей, для которых в данном процессе значение имеет не только материальная стоимость товаров, но также их символическое значение и ценность, которые они способны придавать им самостоятельно. Потребители определяют себя путем установления отношения к предметной сфере и конструируют свою идентичность посредством предметов потребления [17, с. 12]. Так, потребление подкрепляется социальным консенсусом, поскольку оно не отделено от влияния других, а также культурой как совокупностью усвоенных сквозь поколения норм, правил, стандартов и ценностей. Исследователи при этом отмечают, что потребление не должно рассматриваться просто в качестве конечного элемента процесса капиталистического производства или как его логическое следствие, а как значимая сфера действий с подрывным, а также интеграционным потенциалом.

Таким образом, в исследовании дефиниции «потребление» нами были выделены ключевые теоретические подходы, сложившиеся в зарубежной классической социологии, за пределами изначального его определения экономистами как процесса удовлетворения базисных человеческих потребностей посредством разового или длительного использования (уничтожения) товаров. Обобщению подверглись концепции зарубежных исследователей, исходя из того, что теоретические обоснования потребления были сформированы именно в западных странах, чему способствовали относительно ранние процессы индустриализации и модернизации производства в них.

Проанализировав множество литературных источников, мы предполагаем, что на сегодняшний день среди социологов не было достигнуто соглашения по принятию единого узкого определения дефиниции «потребление», интерпретация которого задается контекстом исследований, где ему, как правило, не уделяется должного внимания в качестве ключевой категории анализа (таблица). Потребление определяется доступностью и оперированием в качестве экономического, социального, культурного капиталов.

Следует отметить, что мы не рассматривали понятие «потребительство» (консьюмеризм), порожденное обществом потребления на Западе, механизмы и идеи которого в связи с процессами глобализации проникают на все континенты, поскольку среди исследователей ведутся споры по поводу применения в полной мере данных феноменов к характеристикам всего населения отдельных стран на постсоветском пространстве и о правомерности понятия глобальной потребительской культуры.

Основные зарубежные подходы к потреблению в современной социологической теории
Main foreign approaches to consumption in contemporary sociological theory

Подход	Ключевые представители	Интерпретация потребления	Ограниченность подхода
<i>Классовый подход</i>	Т. Веблен	Потребление как средство демонстрации богатства, служащее целям престижа и соперничества	Кроме символизации посредством потребления принадлежности к социальному классу, не учтены возможности символизации других аспектов идентичности и удовлетворения конкретных потребностей, возникающих на индивидуальном уровне
	Г. Зиммель	Потребление как процесс утверждения и демонстрации социального статуса, опосредованный модой	
	П. Бурдьё	Потребление как способ реализации вкуса в качестве механизма классового образования	
<i>Институциональный подход</i>	Франкфуртская школа: М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе	Потребление как пассивная деятельность по удовлетворению ложных потребностей, основанная на принятии объектов, создаваемых и транслируемых индустрией массового производства	Отвергается точка зрения свободы удовлетворения потребительских желаний, поскольку сфера потребления находится под манипулирующим воздействием и контролем со стороны производственной системы. Потребитель лишен реальной свободы выбора в коммодифицированном мире
	Ж. Бодрийяр	Потребление как символическая деятельность по усвоению идей отношений в вещах. Индивидуальное потребление как управляемая персонализация	
	З. Бауман	Потребление как стиль жизни в «растакающейся» модерни	
<i>Социокультурный подход</i>	М. Дуглас, Б. Ишервуд	Потребление как культурная и ритуальная деятельность по использованию товаров после приобретения, которая связывает людей друг с другом и организует общественный порядок	Несмотря на то что потребление рассматривается с точки зрения индивидуального выбора и использования товаров для установления и поддержания социальных коммуникаций и отношений в рамках определенной локальной социально-культурной системы общества, не учитывается принятие экономической системой социокультурных различий в моделях потребления
	М. де Серто	Потребление как деятельность по производству ценностей, противостоящая рационализированному всеобъемлющему товарному производству	
	Д. Миллер	Потребление как процесс объективации	

Заключение. В целом, нами были проанализированы подходы к потреблению на уровне макро-социального анализа (классовый, институциональный), в основе которых лежит принцип социальной организации и подчинения, а социальными функциями потребления выступают стратификация и установление контроля со стороны заинтересованных систем; микро-социального анализа – социально-культурный подход, в основе которого лежит принцип идентификации, а социальные функции потребления заключаются в рациональности субъектов в процессе самореализации и установления социальных коммуникаций в рамках ценностно-нормативной системы культуры.

На основании изученных концепций можно определить потребление с социологической точки зрения как социальную деятельность по удовлетворению материальных и духовных потребностей путем приобретения, использования, уничтожения и отчуждения благ, в результате которой определяются, устанавливаются и поддерживаются социальные различия и отношения, социальная структура, институциональное влияние, ценностно-нормативная система культуры, социальная идентичность, стили жизни, социальные связи и коммуникации.

Список использованных источников

1. Овруцкий, А. В. Социология потребления: основные направления исследования / А. В. Овруцкий // Наука о человеке: гуманитар. исслед. – 2010. – № 5. – С. 160–167.
2. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен ; пер. с англ., вступ. ст. С. Сорокиной. – М. : Прогресс, 1984. – 367 с.

3. Зиммель, Г. Избранное : [в 2 т.] / Г. Зиммель ; [сост.: С. Я. Левит, Л. В. Скворцов ; отв. ред. Л. Т. Мильская]. – М. : Юристъ, 1996. – Т. 2 : Созерцание жизни. – 607 с.
4. Бурдьё, П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдьё ; пер. с фр. О. И. Кирчик // Экон. социология. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 25–48.
5. Blue, S. The Sociology of consumption / S. Blue // The Cambridge handbook of sociology / ed. K. O. Korgen. – Cambridge, 2017. – Vol. 2 : Specialty and interdisciplinary studies. – P. 265–274.
6. Horkheimer, M. Dialectic of enlightenment: philosophical fragments / M. Horkheimer, T. Adorno ; transl. E. Jephcott ; ed. G. S. Noerr. – Stanford : Stanford Univ. Press, 2002. – 282 p.
7. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе ; пер. с англ. А. А. Юдина. – М. : АСТ : Ермак, 2003. – 331 с.
8. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. и сопровод. ст. С. Зенкина. – М. : Рудомино, 2001. – 218 с.
9. Бодрийяр, Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М. : Республика : Культура. революция, 2006. – 268 с.
10. Izberk-Bilgin, E. An interdisciplinary review of resistance to consumption, some marketing interpretations, and future research suggestions / E. Izberk-Bilgin // Consumption Markets & Culture. – 2010. – Vol. 13, № 3. – P. 299–323. <https://doi.org/10.1080/10253861003787031>
11. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман ; пер. с англ. В. М. Коробочкина. – М. : Весь мир, 2004. – 185 с.
12. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
13. Douglas, M. The world of gods: towards an anthropology of consumption / M. Douglas, B. C. Isherwood. – London : Routledge, 1996. – 169 p. <https://doi.org/10.4324/9780203434857>
14. Sassatelli, R. Consumer culture: history, theory and politics / R. Sassatelli. – London : Sage Publ. Ltd, 2007. – 249 p. <https://doi.org/10.4135/9781446212684>
15. De Certeau, M. The practice of everyday life / M. de Certeau. – Berkeley : Univ. of California Press, 1984. – 229 p.
16. Miller, D. Material culture and mass consumption / D. Miller. – Oxford : Basil Blackwell, 1987. – 240 p.
17. Mayr, C. Implication of the symbolic interactionist perspective for the study of taboo consumption / C. Mayr. – Klagenfurt : Alpen-Adria-Univ., 2018. – 21 p. – (IFS Discussion Paper ; 5).

References

1. Ovrutskii A. V. Sociology of consumption: the main research areas. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya = The Science of Person: Humanitarian Researches*, 2010, no. 5, pp. 160–167 (in Russian).
2. Veblen T. *The theory of the leisure class*. Moscow, Progress Publ., 1984, 367 p. (in Russian).
3. Simmel G. *Favorite. Vol. 2. Contemplation of life*. Moscow, Yurist Publ., 1996. 607 p. (in Russian).
4. Bourdieu P. Distinction: a social critique of the judgement of taste. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, 2005, vol. 6, no. 3, pp. 25–49 (in Russian).
5. Blue S. The sociology of consumption. *The Cambridge handbook of sociology. Vol. 2. Specialty and interdisciplinary studies*. Cambridge, 2017, pp. 265–274.
6. Horkheimer M., Adorno T. W. *Dialectic of enlightenment: philosophical fragments*. Stanford, Stanford University Press, 2002. 282 p.
7. Marcuse H. *One-dimensional men*. Moscow, AST, Ermak Publ., 2003. 331 p. (in Russian).
8. Baudrillard J. *System of things*. Moscow, Rudomino Publ., 2001. 218 p. (in Russian).
9. Baudrillard J. *Consumer society: its myths and structures*. London, Sage Publications, 1998. 221 p. <https://doi.org/10.4135/9781526401502>
10. Izberk-Bilgin E. An interdisciplinary review of resistance to consumption, some marketing interpretations, and future research suggestions. *Consumption Markets & Culture*, 2010, vol. 13, no. 3, pp. 299–323. <https://doi.org/10.1080/10253861003787031>
11. Bauman Z. *Globalization. The human consequences*. Cambridge, Polity Press, 1998. 136 p.
12. Bauman Z. *The individualized society*. Cambridge, Polity Press, 2001. 272 p.
13. Douglas M., Isherwood B. C. *The world of gods: towards an anthropology of consumption*. London, Routledge, 1996. 169 p. <https://doi.org/10.4324/9780203434857>
14. Sassatelli R. *Consumer culture: history, theory and politics*. London, Sage Publications Ltd, 2007. 249 p. <https://doi.org/10.4135/9781446212684>
15. De Certeau M. *The practice of everyday life*. Berkeley, University of California Press, 1984. 229 p.
16. Miller D. *Material culture and mass consumption*. Oxford, Basil Blackwell, 1987. 240 p.
17. Mayr C. *Implication of the symbolic interactionist perspective for the study of taboo consumption. IFS Discussion Paper, no. 5*. Klagenfurt, Alpen-Adria-Universität, 2018. 21 p.

Информация об авторе

Семёнова Александра Вячеславовна – аспирант, младший научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alexandrasemoma@gmail.com

Information about the author

Aliaksandra V. Siamionava – Postgraduate Student, Junior Researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: alexandrasemoma@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ HISTORY

УДК 902/904(476)«1»
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-163-168>

Поступила в редакцию 16.04.2020
Received 16.04.2020

Н. Н. Дубицкая

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

НАСЕЛЕНИЕ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Аннотация. Статья посвящена истории заселения Припятского Полесья в I тыс. н. э. Основное внимание уделено памятникам первой половины I тыс. н. э., их датировке и культурной принадлежности. Отмечается, что в настоящее время источниковедческая база не позволяет достоверно удревнить славянскую пражскую культуру в Припятское Полесье до IV в. и связать ее с памятниками постзарубинецкого круга.

В конце III в. до н. э. на территорию Припятского Полесья пришли племена зарубинецкой культуры. Это период заката предшествующей милоградской культуры (VIII – III вв. до н. э.). «Милоградские» черты, несомненно, придали свои особенности материальной культуре полесских зарубинцев. К середине I в. зарубинецкая культура в Припятском Полесье прекратила свое существование. Считалось, что между зарубинецкой культурой и пражской славянской культурой V – VII вв. существует хронологический разрыв.

Ключевые слова: Припятское Полесье, милоградская культура, зарубинецкая культура, постзарубинецкий горизонт, вельбарская культура, культура Абидни, пражская культура, поселение Остров

Для цитирования: Дубицкая, Н. Н. Население Припятского Полесья в I тысячелетии н. э. / Н. Н. Дубицкая // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 163–168. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-163-168>

Natalia N. Dubitskaya

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

POPULATION OF PRIPYAT POLESIE IN THE 1ST MILLENNIUM AD

Abstract. The article is devoted to the history of the settlement of the Pripyat Polesye in the 1st millennium AD. The main attention is paid to the monuments of the first half of the 1st millennium AD, their dating and cultural identity. It is noted that at present the source study base does not allow to reliably “make ancient” the Slavic Prague culture in the Pripyat Polesie until the IV century. and associate it with the monuments of the post-Zarubinet circle.

At the end of the III century BC tribes of the Zarubinty culture came to the territory of Pripyat Polesye. This is the period of decline of the previous Milograd culture (VIII – III centuries BC). The “Milograd” features undoubtedly gave their specific features to the material culture of the Polesie Zarubinty. By the middle of the 1st century. Zarubinty culture in Pripyat Polesie ceased to exist. It was believed that between the Zarubinty culture and the Prague Slavic culture of the 5th–7th centuries there is a chronological gap.

Keywords: Pripyat Polesie, Milograd culture, Zarubinty culture, post-Zarubinty horizon, Velbarsk culture, Abidni culture, Prague culture, Ostrov settlement

For citation: Dubitskaya N. N. Population of Pripyat Polesie in the 1st millennium AD. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 163–168 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-163-168>

В конце III в. до н. э. на территории Припятского Полесья под влиянием латенизированных культур сформировалась зарубинецкая культура. Это был период заката предшествующей милоградской культуры (VIII–III вв. до н. э.), которая находилась в зоне влияния скифской цивилизации. Очевидно, зарубинецкое население мирным путем ассимилировало оставшееся милоградское население. Мирный характер ассимиляции местного населения косвенно подтверждается

заимствованием зарубинецким населением у местного населения многих ремесленных технологических приемов (изготовление керамической посуды и др.). «Милоградские» черты, несомненно, придали свои особенности материальной культуре полесских зарубинцев. К середине I в. зарубинецкая культура в Припятском Полесье прекратила свое существование.

Земли, пригодные для проживания людей в Центральном или Турово-Пинском Полесье, представляют собой низину Припяти с широкими долинами и песчаными дюнами, прорезанными густой сеткой ее притоков. С севера и юга от Припяти простираются огромные болотные массивы, такие как Выгонощанские и Ольманские болота, непригодные для заселения. В направлении восток–запад объем заболоченных земель уменьшается: на западе – Загородье, на востоке – Мозырская гряда. Однако в Полесье удобных площадей для проживания немного, все древние памятники многослойные и, как правило, содержат материалы от каменного века до средневековья.

До последнего времени по результатам многолетних работ крупнейших исследователей Полесья (Ю. В. Кухаренко, К. В. Каспаровой) считалось, что между зарубинецкой культурой в начале I тыс. н. э. и достоверно славянской пражской культурой третьей четверти I тыс. н. э. существовал хронологический разрыв, свидетельствующий о запустении земель Припятского Полесья в этот период [17, с. 29]. Л. Д. Поболь высказал другую точку зрения об автохтонном непрерывном развитии культуры ранних славян на юге Беларуси на протяжении более тысячи лет: от милоградской культуры раннего железного века (VIII–VII вв. до н. э.), через зарубинецкую культуру и далее поздний этап развития зарубинецкой культуры (II – начало V в.) до культуры исторических славян середины I тыс. н. э. [14, с. 182, 240–241; 15, 11–42, 428–429]. Только в последние годы выявлены новые памятники, где были найдены материалы, относящиеся к так называемому позднезарубинецкому, или правильнее, постзарубинецкому горизонту. Постзарубинецкие материалы на селище у д. Курадово, левый берег Припяти (раскопки В. С. Вергей) (рис. 1) датируются серединой I–III в. [1, с. 5–24], постзарубинецкий горизонт на селище у пос. Давыд-Городок, р. Горынь, правый берег Припяти (раскопки А. Н. Белицкой) (рис. 1) датируется рубежом II/III – началом III в. [6, с. 107–123; 7, с. 77–179]. Некоторые исследователи (В. Г. Белявец) высказали предположение, что полесский постзарубинецкий горизонт сложился на основе взаимопроникновения традиций полесского варианта зарубинецкой культуры и населения культур лесной зоны с левобережья Припяти (культуры штрихованной керамики, а также потомков зарубинецкой культуры верхнеднепровского варианта) [4, с. 373–374]. Причем, как считает тот же В. Г. Белявец, присутствие элементов материальной культуры, присущих населению Верхнего Поднепровья, объясняется не участием населения из этого региона, а близостью культурных компонентов в сложении постзарубинецкого горизонта как в Полесье, так и Верхнем Поднепровье [4, с. 374]. В какой-то мере последовательницей точки зрения Л. Д. Поболя об автохтонном развитии населения Припятского Полесья от классической зарубинецкой культуры через ее поздний этап к раннеславянским культурам с участием в их формировании разных соседних культурных компонентов (культуры Абидня, вельбарской, черняховской) является А. Н. Белицкая [8, с. 498].

В действительности, несмотря на определенное сходство в развитии материальной культуры населения Припятского Полесья и Белорусского Поднепровья в первой половине I тыс. н. э., имеются и определенные различия, связанные с присутствием разных культурных компонентов в их формировании еще на стадии классической зарубинецкой культуры. Причем эти различия со временем еще больше обособлялись. К рубежу н. э. зарубинецкая культура Припятского Полесья и зарубинецкая культура Верхнего Поднепровья представляли отличные между собой этнокультурные явления. Эти отличия продолжали возрастать и далее – в процессе формирования постзарубинецких древностей. На формирование постзарубинецких древностей в Верхнем Поднепровье значительное влияние продолжали оказывать местные лесные культуры, для Припятского Полесья существенным было влияние западноевропейских культур.

Это нашло отражение впоследствии, когда в Центральном Полесье в начале III в. появились представители германской вельбарской культуры. Наиболее полно памятники вельбарской культуры на территории Беларуси изучены в Побужье (могильники Брест-Тришин, Петровичи) (рис. 1). В Припятском Полесье вельбарские материалы впервые были исследованы в середине 50-х гг. XX в.

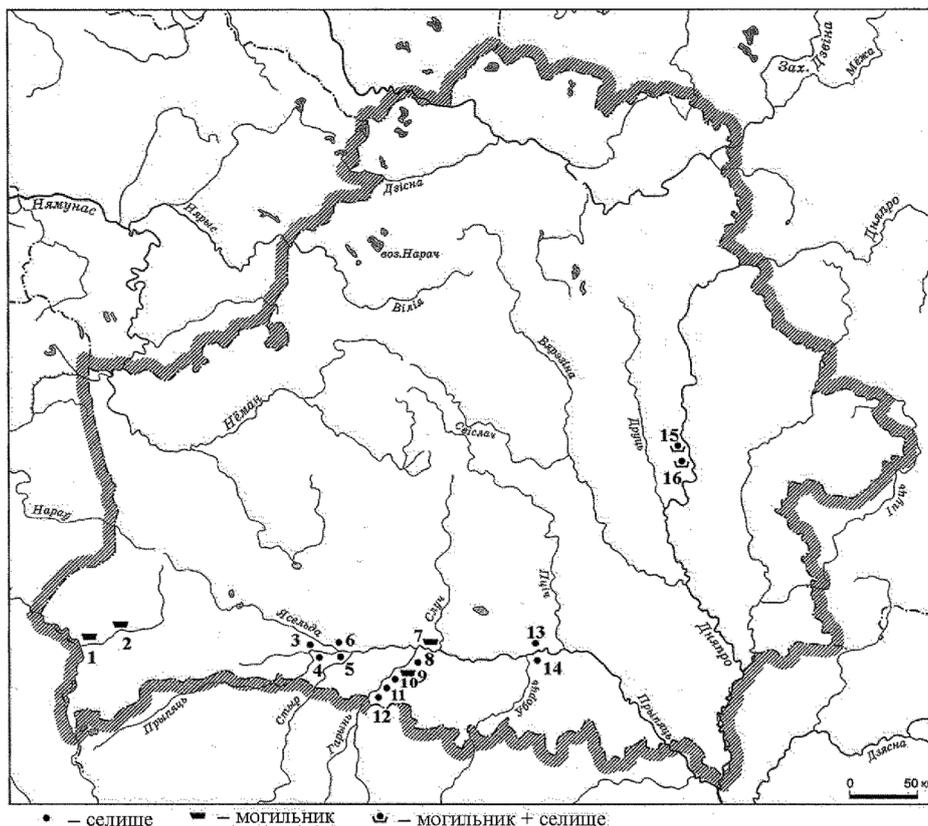

Рис. 1. Памятники I тыс. н. э. Припятского Полесья и Белорусского Поднепровья: 1 – Брест-Тришин; 2 – Петровичи; 3 – Курадово; 4 – Лемешевичи; 5 – Остров; 6 – Городище; 7 – Микашевичи; 8 – Давид-Городок; 9 – Велемичи 1, 2; 10 – Хотомель; 11 – Отвержичи; 12 – Струга 1; 13 – Петриков; 14 – Снядин 2; 15 – Тайманово; 16 – Абидня

Fig. 1. Monuments of the 1st millennium AD Pripyat Polesye and Belorussian Dnieper: 1 – Brest-Trishin; 2 – Petrovichi; 3 – Kuradovo; 4 – Lemeshevichi; 5 – Ostrov; 6 – Gorodische; 7 – Mikashevichi; 8 – David-Gorodok; 9 – Velemichi 1, 2; 10 – Hotomel; 11 – Otverzhichi; 12 – Struga 1; 13 – Petrikov; 14 – Snyadin 2; 15 – Taimanovo; 16 – Abidnya

(немногочисленные погребения на могильнике Велемичи I, раскопки Ю. В. Кухаренко) [12, с. 18–19]. Несмотря на то что с того времени прошло более 70 лет и проведены археологические разведки и раскопки различными исследователями (В. С. Вергей, В. Г. Белявец и др.), количество известных вельбарских памятников в этом регионе незначительно. Это шесть погребений на могильниках Велемичи I и Велемичи II, следы разрушенных погребений в Отвержичах и Лемешевичах, несколько разрушенных погребений возле д. Струга и в г. Микашевичи, небольшие вельбарские материалы на поселении Городище, редкие находки в подъемном материале (рис. 1). Даже на могильниках Велемичи I и II не все из шести погребений можно однозначно связывать с вельбарским населением. На территории Загородья, расположенном между Побужьем и Припятским Полесьем, памятников с вельбарскими материалами не известно. Это не позволяет говорить о значительном количестве вельбарских памятников в этом регионе. Таких материалов явно недостаточно для выделения Турово-Пинского Полесья в отдельный регион расселения племен вельбарской культуры, как считает В. Г. Белявец [2, с. 124–143; 3]. На основании известных на сегодняшний день материалов в ареал вельбарской культуры на территории Беларуси достоверно можно включать только Брестское Побужье. Турово-Пинское Полесье является лишь зоной проникновения отдельных небольших групп вельбарского населения. В последних публикациях В. Г. Белявец с большими оговорками начинает соглашаться с данной точкой зрения, понимая слабость источниковедческой базы [5, с. 392]. Доказательством отсутствия вельбарского населения в Верхнем Поднепровье служит отсутствие погребений с германскими традициями, причем в этом регионе ко второй четверти I тыс. н. э. относится достаточно много изученных могильников (Абидня, Дедново, Тайманово, Нижняя Тощица, Новый Быхов). Только на могильнике Тайманово исследовано 202 погребения. Все указанные могильники функционировали в промежутке от конца II до середины V в. и относятся к культуре Абидня.

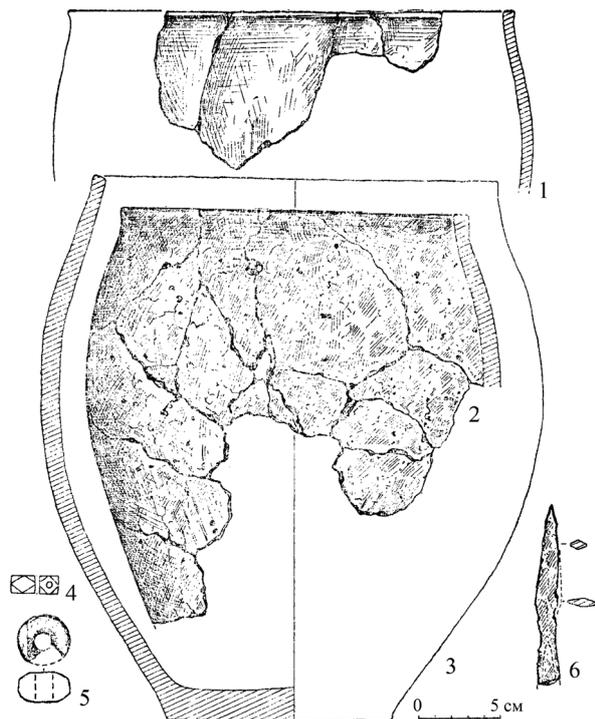

Рис. 2. Находки из поселения у д. Остров Пинского района Брестской области (жилище № 3)

Fig. 2. Finds from a settlement near the village of Ostrov, Pinsk district, Brest region (dwelling № 3)

мастерские Константинополя. Ближайшая находка такой бусины на территории Беларуси происходит из погребения 156-го могильника Тайманово (Могилевское Поднепровье), где она была найдена вместе с костяным гребнем, датируемым не позднее середины III в. Интересной является форма горшка, развал которого выявлен в очаге жилища (рис. 2: 3). Собственно, сам очаг был сложен из обломков горшков и кусков железного шлака. В отличие от горшков в соседних постройках с типичным для пражской культуры максимальным расширением в верхней части высоты сосуда, округлобокий сосуд из постройки № 3 имел максимальное расширение на середине высоты, что не характерно для пражской культуры, а более типично для предыдущих культур первой половины I тыс. н. э. Однако для этой керамики более характерны открытые формы (диаметр верхней части больше или равен диаметру наибольшего расширения высоты), а сосуд из Острова имел закрытую форму (диаметр горловины меньше диаметра расширения верхней части, венчик не выделен). В керамическом комплексе ведущих памятников этого периода Белорусского Поднепровья – Абидне и Тайманово такие формы не встречались. В киевской культуре Днепровского Левобережья и Подесенья в небольшом количестве присутствуют сосуды с загнутым внутрь краем, однако максимальное расширение у них приходится на верхнюю часть (тип 16 по Р. В. Терпиловскому) [16, с. 47, рис. 8]. Округлобокие сосуды с расширением в средней части, но в основном яйцевидной формы (хотя встречаются сосуды и более вытянутых пропорций) имеются в черняховской культуре лесостепного Поднепровья. Как полагают исследователи этой культуры (Б. В. Магомедов), их прототипы («эльбский горшок») следует искать в восточногерманских древностях [14, с. 46, рис. 27: 1–7, 11–13]. Подобные типы сосудов есть и в пшеворской культуре. По-видимому, западноевропейские аналогии имеет и горшок из постройки № 3 поселения Остров. Следует отметить, что над гумусным пятном постройки был найден наконечник дротика пшеворского типа (рис. 2: 6). В то время автор раскопок А. А. Егорейченко точной аналогии ему не нашел и предположительно отнес его ко второй половине IV – первой половине V в. [11, с. 66]. Аналогии таким дротикам имеются у черняховских племен, которые в свою очередь большинство предметов вооружения заимствовали у пшеворских племен [13, с. 308–309, 311, 563, рис. 5: 26–28]. Однако, скорее всего, этот дротик непосредственного отношения к постройке не имеет. О переотложен-

Если период с середины I до III в. в Припятском Полесье как-то представлен, пусть и небольшими материалами, то материалы, относящиеся к IV в., обосновываются только находками поселения Струга I на р. Горынь, причем находки из закрытых комплексов (постройка № 4) представлены исключительно обломками керамической посуды [9, с. 63–85; 10, с. 238–256]. Присутствие среди них обломка дна гончарной миски черняховской культуры позволяет говорить о существовании постройки в период III – середины IV в., но не позволяет достоверно относить постройку именно к IV в. Начало пражско-корчакской славянской культуры в Припятском Полесье в IV в. основывается на материалах поселения Остров в Пинском районе (раскопки А. А. Егорейченко) [11, с. 61–82]. На поселении были выявлены три полуземляночные постройки, в одной из них (жилище № 3) вместе с развалом слабопрофилированного горшка и обломками другой лепной посуды найдена 14-гранная синяя стеклянная бусина (рис. 2: 4). Синие граненые бусы, имитация бус из драгоценных камней, были распространены на протяжении всего римского периода, вплоть до середины V в. Место их изготовления –

ности слоя на поселении Остров и возможном случайном характере находок из жилища № 3, в том числе дротика, уже писали [17, с. 6]. Помимо данного горшка из заполнения очага были извлечены куски верхних частей двух других крупных горшков с расширением уже в верхней части (рис. 2: 1, 2). Однако крупные сосуды с расширением в верхней части характерны и для культуры Абидня второй четверти I тыс. н. э. Белорусского Поднепровья, а также киевской культуры Среднего Поднепровья, особенно ее раннего и среднего этапов (до середины III в.). Таким образом, вся источниковедческая база о начальной фазе пражской культуры в Припятском Полесье с IV в. по материалам поселения Остров имеет исключительно предположительный характер, причем отсутствуют достаточные основания об ее удревнении.

В настоящее время V в. по-прежнему остается нижней хронологической точкой отсчета достоверно славянской пражской культуры. В Припятском Полесье к памятникам пражской культуры относятся Петриков, Снядин-2, Струга-1 и др. (рис. 1) Следующий этап в развитии славянской культуры в Белорусском Полесье связан с культурой типа Луки-Райковецкой (VIII – конец IX в.). Основные исследованные памятники – городища и селища у д. Хотомель и д. Городище (рис. 1). Материалы последней четверти I тыс. н. э. выявлены и на других памятниках Припятского Полесья.

Список использованных источников

1. Беявец, В. Г. Курадава I – шматслойнае паселішча з Цэнтральнага Палесся / В. Г. Беявец, В. С. Вяргей // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : [наук. зб.] / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2002. – № 5. – С. 5–24.
2. Беявец, В. Помнікі вельбарскай культуры ў Турава-Пінскім Палессі: праблемы вывучэння / В. Г. Беявец // Гістарычна-археалагічны зборнік / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2007. – Вып. 23. – С. 124–143.
3. Беявец, В. Г. Насельніцтва вельбарскай культуры на тэрыторыі Беларусі (другая палова II – сярэдзіна IV ст.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.06 / В. Г. Беявец. – Мінск, 2009. – 23 с.
4. Беявец, В. Г. Стан і актуальныя праблемы вывучэння помнікаў постзарубінецкага гарызонту ў Беларускам Палессі / В. Г. Беявец // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі ; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Беявец. – Мінск, 2016. – Кн. 1. – С. 334–383.
5. Беявец, В. Г. Насельніцтва вельбарскай культуры ў гісторыка-культурным развіцці зямель Беларусі рубяжа II/III – пачатку V ст. н. э. / В. Г. Беявец // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі ; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Беявец. – Мінск, 2016. – Кн. 1. – С. 384–450.
6. Бяліцкая, Г. М. Помнік перыяду рымскіх уплываў у нізоўях р. Гарынь / Г. М. Бяліцкая // Гістарычна-археалагічны зборнік / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2007. – Вып. 23. – С. 107–123.
7. Бяліцкая, Г. М. Даследаванні ва ўрочышчы Хабішча ў 2010 годзе / Г. М. Бяліцкая // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : [наук. зб.] / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2012. – Вып. 23 : Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гг. – С. 177–179.
8. Бяліцкая, Г. М. Праблемы вылучэння поззарубінецкіх комплексаў у Прыпяцкім Палессі / Г. М. Бяліцкая // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі ; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Беявец. – Мінск, 2016. – Кн. 1. – С. 451–503.
9. Вергей, В. С. Раннеславянское поселение Струга 1 на Нижней Горыни / В. С. Вергей // *Archaeoslavica*. – 1993. – № 2. – С. 63–85.
10. Вергей, В. С. Белорусское Полесье в римский период и в начале эпохи Великого переселения народов / В. С. Вергей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов : [сб. ст.] / Гос. воен.-ист. и природ. музей-заповедник «Куликово поле», Ін-т археалогіі Рос. акад. навук. – Тула, 2008. – Вып. 1. – С. 238–256.
11. Егорейченко, А. А. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области / А. А. Егорейченко // *Archaeoslavica*. – 1991. – № 1. – С. 61–82.
12. Кухаренко, Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья / Ю. В. Кухаренко. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 70 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников ; вып. Д 1-29).
13. Магомедов, Б. В. Оружие черняховской культуры / Б. В. Магомедов, М. Е. Левада // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1996. – Вып. 5. – С. 304–323, 558–566.
14. Магомедов, Б. Черняховская культура. Проблема этноса / Б. Магомедов. – Lublin : Wydaw. Uniw. Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. – 290 s. – (Monumenta studia gothica ; t. 1).
15. Поболь, Л. Д. Памятники Южной Беларуси / Л. Д. Поболь // Очерки по археологии Беларуси : [в 2 ч.] / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т гісторыі. – Мінск, 1970. – Ч. I. – С. 136–184.
16. Поболь, Л. Д. Археологические памятники Беларуси: железный век / Л. Д. Поболь. – Мінск : Наука и техника, 1983. – 455 с.
17. Рассадин, С. Е. «Samo serce slowiańszczyzny», или сюрпризы так называемой славянской прародины / С. Е. Рассадин // Материалы по археологии Беларуси : [науч. сб.] / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2005. – Вып. 9 : Древности Беларуси (железный век и средневековье). – С. 5–7.

18. Терпиловский, Р. В. Памятники киевской культуры (свод археологических источников) / Р. В. Терпиловский, Н. С. Абашина. – Киев : Наук. думка, 1992. – 221 с.

19. Щукин, М. Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования / М. Б. Щукин // Культуры Восточной Европы I тысячелетия : межвуз. сб. ст. / Куйбышев. гос. ун-т. – Куйбышев, 1986. – С. 26–38.

References

1. Belyavets V. G., Vyargei V. S. Kuradava I – a multi-layered settlement from Central Polesie. *Materyyaly pa arkheologii Belarusi = Materials on the archaeology of Belarus*. Minsk, 2002, no. 5, pp. 5–24 (in Belarusian).

2. Belyavets V. G. The Velbar culture population in Turau-and-Pinsk Palessie region: problems in the study. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik = Historical-Archaeological Collection*. Minsk, 2007, iss. 23, pp. 124–143 (in Belarusian).

3. Belyavets V. G. *Population of the Velbar culture on the territory of Belarus (second half of the II – middle of the IV century)*. Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 2009. 23 p. (in Belarusian).

4. Belyavets V. G. The state and current problems of studying the monuments of the post-Zarubints horizon in the Belarusian Polesie. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Leonida Davydovicha Pobolya* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period: to the 90th anniversary of the birth of Leonid Davydovich Pobol]. Minsk, 2016, bk. 1, pp. 334–383 (in Belarusian).

5. Belyavets V. G. The population of the Velbar culture in the historical and cultural development of the lands of Belarus at the turn of II / III – early V centuries AD. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Leonida Davydovicha Pobolya* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period: to the 90th anniversary of the birth of Leonid Davydovich Pobol]. Minsk, 2016, bk. 1, pp. 384–450 (in Belarusian).

6. Byalitskaya G. M. The site from the period of the Roman influences in the lower Haryn-basin. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik = Historical-Archaeological Collection*. Minsk, 2007, iss. 23, pp. 107–123 (in Belarusian).

7. Byalitskaya G. M. Research in the tract of Habishche in 2010. Archaeological research in Belarus in 2009–2010. *Materyyaly pa arkheologii Belarusi = Materials on the archaeology of Belarus*. Minsk, 2012, iss. 23, pp. 177–179 (in Belarusian).

8. Byalitskaya G. M. Problems of allocation of late Zarubints complexes in Pripyat Polesie. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Leonida Davydovicha Pobolya* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period: to the 90th anniversary of the birth of Leonid Davydovich Pobol]. Minsk, 2016, bk. 1, pp. 451–503 (in Belarusian).

9. Vergei V. S. Early Slavic settlement of Struga-1 on Nizhnaya Goryn. *Archaeoslavica*, 1993, no. 2, pp. 63–85 (in Russian).

10. Vergei V. S. Belarusian Polesie in the Roman period and at the beginning of the era of the Great Nations Migration. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe during the era of Roman influences and the Great Nations Migration]. Tula, 2008, iss. 1, pp. 238–256 (in Russian).

11. Egoreichenko A. A. Settlement near the village of Ostrov, Pinsk district, Brest region. *Archaeoslavica*, 1991, no. 1, pp. 61–82 (in Russian).

12. Kukharenyo Yu. V. *Monuments of the Iron Age on the territory of Polesie. Archeology of the USSR. Code of archaeological sources. Iss. 21-29*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961. 70 p. (in Russian).

13. Magomedov B. V., Levada M. E. Weapons of the Chernyakhov culture. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria*. Simferopol, 1996, iss. 5, pp. 304–323, 558–566 (in Russian).

14. Magomedov B. V. *Chernyakhovskaya culture. Ethnos problem. Monumenta studia gothica. Vol. 1*. Lublin, Publishing house of the Maria Curie-Skłodowska University, 2001. 290 p. (in Russian).

15. Pobol' L. D. Monuments of South Belarus. *Ocherki po arkheologii Belarusi* [Essays on archeology of Belarus]. Minsk, 1970, pt. 1, pp. 136–184 (in Russian).

16. Pobol' L. D. *Archaeological monuments of Belarus: the Iron Age*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1983. 455 p. (in Russian).

17. Rassadin S. E. “Samo serce slowiąszczyzny», or surprises of the so-called Slavic ancestral home. *Antiquities of Belarus (the Iron Age and the Middle Ages). Materialy po arkheologii Belarusi = Materials on the archaeology of Belarus*. Minsk, 2005, iss. 9, pp. 5–7 (in Russian).

18. Terpilovskii R. V., Abashina N. S. *Monuments of Kiev culture (a set of archaeological sources)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1992. 221 p. (in Russian).

19. Shchukin M. B. Horizon of Rakhny-Pochep: causes and conditions of education. *Kul'tury Vostochnoi Evropy I tysyacheletiya: mezhvuzovskii sbornik statei* [Cultures of Eastern Europe of the 1st millennium: interuniversity collection of articles]. Kuibyshev, 1986, pp. 26–38 (in Russian).

Информация об авторе

Дубицкая Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: frystorm@gmail.com

Information about the author

Natalia N. Dubitskaya – Ph. D. (Hist.), Senior Scientific Researcher. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: frystorm@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК [94(476):061-056.263]«2011/2015»

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-169-178>

Поступила в редакцию 24.11.2020

Received 24.11.2020

В. Ф. Мелеховец

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА ГЛУХИХ (2011–2015 гг.)

Аннотация. В статье отражена производственная и социокультурная деятельность общественного объединения «Белорусское общество глухих» (ОО «БелОГ») в 2011–2015 гг. Материал статьи базируется на источниках текущего архива Центрального правления Белорусского общества глухих и др., впервые вводимых в научный оборот. Исследование восполнит пробел в исторической науке, учитывая, что в историографии данный период деятельности объединения не нашел своего отражения, поскольку имеются только эпизодические сведения о Белорусском обществе глухих в отмеченное время.

Несмотря на сложную экономическую ситуацию в производственном секторе ОО «БелОГ», вызванную последствиями финансового кризиса в Республике Беларусь (2009 г.), продолжалось частичное финансирование социокультурных мероприятий и объектов. Однако вместе с тем данный период был насыщен значительными достижениями в решении проблем лингвистических прав инвалидов по слуху, развитии исследований белорусского жестового языка, культуры, спорта и исторического наследия Белорусского общества глухих.

Ключевые слова: общественное объединение, Белорусское общество глухих, Центральное правление, инвалиды по слуху, законодательство, лингвистические права, трудоустройство, жестовый язык, историческое наследие, культура, спорт

Для цитирования: Мелеховец, В. Ф. Производственная и социокультурная деятельность Белорусского общества глухих (2011–2015 гг.) / В. Ф. Мелеховец // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 169–178. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-169-178>

Vladimir F. Melekhovets

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

PRODUCTION AND SOCIOCULTURAL ACTIVITIES OF THE BELARUSIAN SOCIETY OF THE DEAF (2011–2015)

Abstract. The article reflects the socio-cultural and industrial activities of the public association “Belarusian Society of the Deaf” (“BelOG”) in 2011–2015. This article, the material of which is based on the sources of the current archive of the Central Board of the Belarusian Society of the Deaf and others, introduced into scientific circulation for the first time, will fill the gap in historical science, given that this period of the association’s activity is not reflected in historiography, there is only episodic information about the Belarusian Society of the Deaf at the specified time.

Despite the difficult economic situation in the manufacturing sector of “BelOG”, caused by the consequences of the financial crisis in the Republic of Belarus (2009), partial financing of socio-cultural events and facilities continued. However, at the same time, this period was full of significant achievements in solving the problems of the linguistic rights of the hearing impaired, the development of studies of the Belarusian Sign Language, culture, sports and the historical heritage of the Belarusian Society of the Deaf.

Keywords: public association, Belarusian Society of the Deaf, Central Board (CB), hearing impaired, legislation, linguistic rights, employment, Sign Language, historical heritage, culture, sports

For citation: Melekhovets V. F. Production and sociocultural activities of the Belarusian society of the Deaf (2011–2015). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 169–178 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-169-178>

Введение. В редакции Устава 2016 г., принятого 3 августа 1931 г. в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров БССР «Об утверждении Положения о Белорусском объединении глухонемых», отмечается, что общественное объединение «Белорусское общество глухих» (ОО «БелОГ») [1] является правопреемником «Белорусского объединения глухонемых» [2].

В конце XX – начале XXI в. Центральным правлением ОО «БелОГ» была проведена значительная работа по разработке предложений, способствующих совершенствованию законодательства и уставной деятельности общества. С обретением Республикой Беларусь независимости потребовалось внести изменения в Устав общества. Так, уже 4 августа 1991 г. новый Устав ОО «БелОГ» был утвержден XIV съездом общества и зарегистрирован Министерством юстиции Республики Беларусь 16 января 1992 г. В соответствии с решением V Пленума Центрального правления ОО «БелОГ» от 22 апреля 1999 г. официальное название общество получило в следующей редакции: «Общественное объединение «Белорусское общество глухих» [3]. Последние изменения в Устав общественного объединения были внесены XIX съездом ОО «БелОГ» и зарегистрированы Министерством юстиции Республики Беларусь 2 сентября 2016 г. [2].

Основная часть. В начале XXI в. важнейшими событиями в жизни ОО «БелОГ» являлись съезды, которые в соответствии с Уставом проводились один раз в пять лет. На XIX съезде (1–2 августа 2016 г.) отмечалось, что на 31 декабря 2015 г. в ОО «БелОГ» состояло 10310 членов, из них 9499 чел. с нарушением слуха. Все они были объединены в 48 первичных организаций в составе 6 областных. По сравнению с данными 2011 г. численность членов ОО «БелОГ» уменьшилась на 422 чел. [3; 4, с. 2]. Количество инвалидов с нарушением слуха во всех областных организациях соответствовало уставным требованиям (более 75%). По данным на 31 декабря 2015 г., общая их численность составляла 92,1%. Учитывая сокращение численности, в 2011 г. XVIII съездом вновь были внесены изменения в Устав, что позволило осуществлять прием в члены ОО «БелОГ» детей-инвалидов с нарушением слуха начиная с шестнадцатилетнего возраста. Это способствовало более активному привлечению в члены ОО «БелОГ» молодых людей, благодаря чему контингент молодежи (16–31 лет) среди членов общества в 2015 г. увеличился на 2% по сравнению с 2011 г. С 2011 по 2015 г. из общества выбыло 1167 чел., вступило 965 чел. Одновременно, в силу естественных причин (старение, переезд за пределы Республики Беларусь и др.), снизилось количество членов ОО «БелОГ» старшей возрастной группы (61 – 100 лет) с 18% в 2011 г. до 15% в 2015 г. Основу ОО «БелОГ» составляли члены среднего возраста (31 – 60 лет) – 51% [4, с. 4].

Что касается областных организаций, то в 2015 г. численный состав членов ОО «БелОГ» в областных организациях по сравнению с 2011 г. уменьшился в Брестской области на 19 чел., Витебской – 102, Гомельской – 64, Минской – 191, Могилевской – на 82, а в Гродненской области увеличился на 36 чел.

Выполняя решения XVIII съезда, с 2011 по 2015 г. из средств ОО «БелОГ» была оказана материальная помощь членам общества на сумму 170736600 руб., а также содействие в разрешении 73106 различных вопросов, в том числе 53668, связанных с переводом жестового языка [4, с. 7].

Совместно с территориальными центрами социального обслуживания населения республики за 2011–2015 гг. был обследован 951 член ОО «БелОГ» (91,8%), проживающий в сельской местности, количество членов общества постепенно уменьшалось. Так, по сравнению с 2011 г. количество проживающих членов ОО «БелОГ» в городе в 2015 г. увеличилось на 5%, а в сельской местности уменьшилось на 5% [3].

В производственном секторе в 2015 г. работало 3455 чел., из них 2087 (60,4%) – инвалиды, 1951 (56,4%) – инвалиды с нарушением слуха. Наряду с предпринимательской деятельностью предприятия проводили профессиональную ориентацию и трудовую реабилитацию инвалидов по слуху. В 2015 г. на предприятия ОО «БелОГ» было трудоустроено 133 инвалида с нарушением слуха, в том числе за 29 рабочих мест была получена компенсация из средств государственного внебюджетного фонда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [3].

Среднегодовые темпы роста объемов производства за 2011 – 2013 гг. составили 105,0%, а прибыли от реализации товаров – 152,5% от принятых Программой социально-экономического развития ОО «БелОГ» на 2011 – 2015 гг. (107,5% и 110,0% соответственно) [3].

Значительный рост прибыли от реализации продукции в 2012 г. был получен Оршанским (181,1%), Витебским (148,4%) и Барановичским (115,3%) предприятиями. На Гродненском предприятии получена наибольшая прибыль, сумма которой составила 22,4 млрд руб. В 2013 г. все предприятия, кроме Гомельского, получили прибыль выше уровня 2010 г. Однако по сравнению

с 2012 г. Гомельское, Минское и Брестское предприятия к декабрю 2013 г. имели убытки, к которым с начала 2014 г. присоединилось Могилевское предприятие [3].

В 2015 г. не выполнили план по прибыли в 2015 г. Минское (УП «Виток»), Витебское (УП «Галант»), Гомельское (УП «Випра»), Бобруйское (УП «Универсал Бобруйск») и Могилевское (УП «Метиз») предприятия, которые понесли убытки. Значительный рост прибыли от реализации продукции по сравнению с 2010 г. получили Гродненское предприятие – в 6,9 раза, Оршанское – 6,1 и Барановичское – 2,6 раза [3]. Принимая во внимание реальную экономическую ситуацию, вызванную последствиями финансового кризиса 2009 г., ставилась главная задача – обеспечить реализацию выпускаемой продукции и поддерживать ее запасы не выше нормативного уровня.

Резкое снижение спроса на продукцию в 2015 г., выпускаемую Минскими автомобильным и тракторным заводами, заводом холодильников «Атлант», Брестским заводом газовой аппаратуры и др. предприятиями (производственный сектор ОО «БелОГ» обеспечивал эти предприятия республики комплектующими изделиями), повлекло за собой снижение объемов производства. Однако на предприятиях ОО «БелОГ» наблюдалось его повышение на 12,5% по сравнению с 2010 г. Вместе с тем падение объемов производства по сравнению с 2010 г. допустили Гомельское предприятие, что составило 72,3%, Бобруйское – 51,3%, Могилевское – 13,3%, Брестское – 13,4% и Витебское предприятие – 28,8%. При этом рентабельность от реализации продукции по предприятиям ОО «БелОГ» в 2015 г. снизилась до уровня 2010 г. (7,7%) [3].

Несмотря на сложное экономическое положение, ОО «БелОГ» продолжало финансирование социокультурной сферы. В клубных учреждениях имелось 34 коллектива художественного творчества, из них 7 с званием «народный» и 1 – «образцовый». Так, в 2011–2013 гг. из фондов ОО «БелОГ» предприятиям выделено 29291 млн руб., в том числе в 2013 г. – 7277 млн руб. Из централизованного фонда продолжалось частичное финансирование Республиканского дворца культуры, областных и межрайонных организаций, ЦП «БелОГ» и санатория «Приморский». На содержание и развитие культуры в 2011–2015 гг. было выделено 44 млрд руб. От сдачи в аренду свободных площадей объектов культуры и оказания платных услуг получено 25 млрд руб., что составило 57,1% от самофинансирования [3].

Следует отметить, что существование крупных социокультурных учреждений как собственных объектов ОО «БелОГ» в условиях самофинансирования и финансовой поддержки со стороны региональных предприятий общества к началу XXI в. становилось убыточным. Сложное финансово-хозяйственное положение Гомельского предприятия «Випра» в 2016 г. вынудило ЦП ОО «БелОГ» принять решение о передаче Гомельского дома культуры с плавательным бассейном в коммунальную собственность города Гомеля [3]. Позже подобная участь коснулась и Могилевского дома культуры ОО «БелОГ».

Трудоустройство инвалидов являлось одной из важнейших проблем, решаемых ОО «БелОГ». В 2011–2015 гг. 1128 инвалидов с нарушением слуха были трудоустроены при содействии областных и межрайонных организаций общества, в том числе 644 в организациях и на предприятиях ОО «БелОГ». Учитывая, что контингент членов ОО «БелОГ», работающих в его системе, в 2015 г. уменьшился на 6% по сравнению с 2011 г., важное значение придавалось профориентационной работе с выпускниками специальных общеобразовательных школ для детей с нарушением слуха, их родителями, безработными инвалидами с нарушением слуха. С этой целью в 2013–2016 г. проведено три Республиканских молодежных форума. Систематически проводились встречи с выпускниками школ, профессионально-технических и средних специальных учебных заведений. Для решения проблемы трудоустройства инвалидов по слуху ОО «БелОГ» были внесены предложения по взаимодействию общественной организации инвалидов с местными государственными органами в вопросах реализации Закона «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь» [5].

Пристальное внимание ЦП ОО «БелОГ» придавало культурно-массовой работе среди членов общественной организации.

Так, в 2011 г. был проведен Республиканский конкурс клубных учреждений ОО «БелОГ» по интересам, в котором приняли участие 14 любительских творческих объединений. Дважды проведены республиканские фотоконкурсы среди членов ОО «БелОГ». Коллективы художественного самодеятельного творчества активно принимали участие в различных международных меро-

приятнях, представляя культуру глухих Беларуси. Детский коллектив «Спутник» народного театра пантомимы «Рух» выступил на IV Международном творческом фестивале детей с ограниченными возможностями «Шаг навстречу» в Санкт-Петербурге (май, 2011 г.), народный ансамбль «Митусь» – на III Международном фестивале творчества инвалидов «Жизнь безграничных возможностей» в Москве (август, 2011 г.), где в номинации «Танец» получил Гран-при. В 2011 г. народный театр пантомимы «Рух» с очередным успехом выступил на Международном фестивале пантомимы глухих в г. Брно (Чехия), где удостоился Гран-при в трех номинациях. Коллективы художественного самодеятельного творчества Дома культуры Гомельского предприятия «Випра» представляли культуру глухих на фестивале молодежи славянских народов «Дружба – 2011» (Брянская область, Россия). Образцовая студия «Палитра» этого же Дома культуры приняла участие в XVI Международном конкурсе художественного творчества детей и молодежи «Всегда зелено, всегда голубо» в г. Торунь (Польша). Коллективы художественного самодеятельного творчества Дома культуры Могилевского предприятия «Метиз» выступили в семи мероприятиях за рубежом, удостоившись дипломов различной степени. По инициативе Республиканского дворца культуры имени Н. Ф. Шарко совместно с Администрацией Партизанского района и с привлечением спонсоров был проведен IV открытый конкурс «Мисс стихия – 2013» среди девушек с нарушением слуха [3].

В октябре 2013 г. состоялся VI Международный фестиваль жестовой песни «Сузор’е». Несмотря на восьмилетний перерыв, он собрал 145 участников из шести стран мира. Жюри конкурса во главе с народным артистом Беларуси, композитором Эдуардом Зарицким определило достойных исполнителей.

В сентябре 2015 г. в Республиканском дворце культуры ОО «БелОГ» имени Н. Ф. Шарко прошел КВН, в котором участвовали команды «Корпорация юмора» (Беларусь) и «Сборная Всероссийского общества глухих». В октябре 2015 г. в Культурно-выставочном центре имени Тенишевых в Смоленске состоялась Международная передвижная выставка произведений глухих художников, в которой приняли участие мастера живописи России, Беларуси, Казахстана и Украины [3].

В связи со сложным финансовым положением и уменьшением численности клубных работников произошло сокращение клубных формирований, проведенных мероприятий и их посещаемости. Так, в 2015 г. действовали только 90 клубных формирований, что на 36 меньше, чем в 2011 г. В 2015 г. было проведено 1666 мероприятий, в 2011 г. – 2500. В 2015 г. их посещаемость составила 68 390 чел., или в 2,2 раза меньше, чем в 2011 г. [3].

Постановлением президиума Центрального правления от 29 мая 2014 г. утверждена Инструкция об организации информационной работы в ОО «БелОГ», в соответствии с которой на мероприятиях и в организациях общества в 2014 г. было проведено 532 информационных мероприятия с участием 20574 чел., а в 2015 г. – с участием 42964 чел. [4, с. 13].

В 2011 г. был создан официальный сайт ОО «БелОГ», на котором в 2011 – 2015 гг. было размещено более 300 статей, отражавших разные аспекты и вопросы деятельности общества [4, с. 13].

ЦП ОО «БелОГ» приняло участие в разработке нормативно-правовых актов. В частности, предложения Центрального правления были учтены при разработке Комплексной программы развития социального обслуживания на 2011 – 2015 гг. (подпрограмма «Предупреждение инвалидности и реабилитация инвалидов»), утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь 20 июля 2010 г. № 1126, Государственной программы по созданию безбарьерной среды жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2011 – 2015 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь 1 ноября 2010 г. № 1602, и Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 гг. от 30 января 2016 г. № 73 [6–8]. Реализация указанных программ способствовала повышению уровня социальной защиты инвалидов с нарушением слуха [4, с. 13].

Необходимо констатировать, что после завершения пятилетней программы по созданию безбарьерной среды заметного прогресса не наблюдалось. В частности, не был полностью решен вопрос о доступном телевидении для лиц с нарушением слуха, поскольку за пять лет реализации госпрограммы объем телевизионного вещания увеличился всего на 40 минут в сутки, т. е. с 20 до 60 минут. Однако в программах, как правило, отсутствовали перевод на жестовом языке и субтитрование. Несмотря на то что этот вопрос постоянно находился в повестке дня Рес-

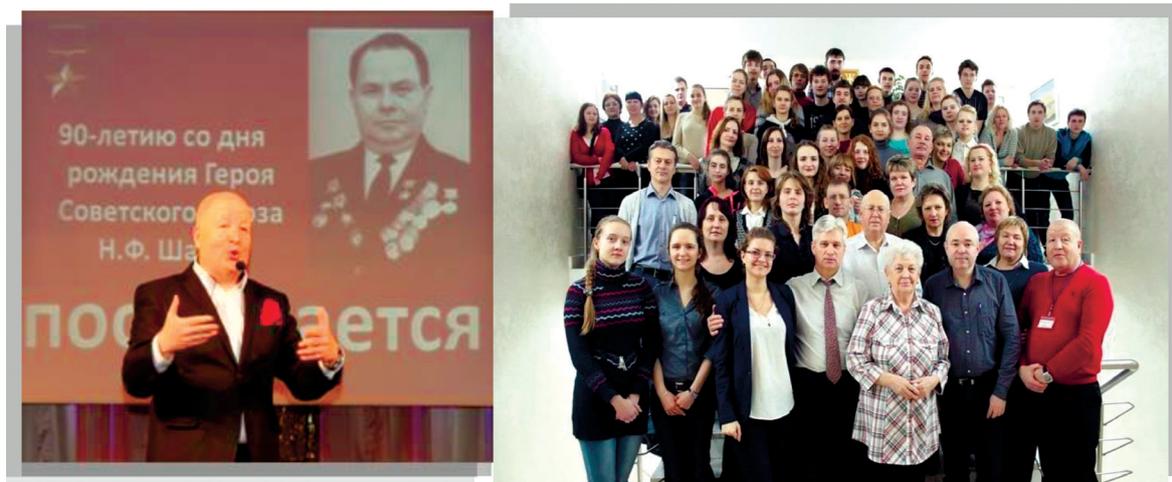
публиканскага межведомствага савета па праблемам інвалідаў, з 2011 г. работа Міністэрства інфармацыі і нацыянальных тэлекампаній кожны год прызнавалася Рэспубліканскім межведомствагым саветам неудоўлетворальнай. Пасля абрацання Цэнтральнага правалення ОО «БелОГ» у феўрале 2016 г. у Савет Міністраў Рэспублікі Беларусь Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь саабшыла, што з ўвагом сацыяльнай значымасці гэтага вопраса Белтэлерадыокампаніяй будзе ізыскана възможнасць у 2016 г. увелічыць аб'ём адаптыраванай тэлепрадукцыі да 330 гад, што на 10% вышэ паказатэля, прадугаданага Гасударствагым праграммай о сацыяльнай зашчыце і садействіі занятосці населенія на 2016–2020 гг. [4, с. 15].

У 2011 г. Цэнтральнае праваленіе ОО «БелОГ» хадатайствавала перад Міністэрствам труда і сацыяльнай зашчыты Рэспублікі Беларусь о ўключенні ўслуг перавада жэстовага языка ў пералічэнне сацыяльных, аказываемых гасударствагымі ўчреждэннямі сацыяльнага абслужывання. В рэзултыта 27 декабра 2012 г. пастанавленіем Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь быў ўтверджэн Пералічэнне бэсплатных і абацедоступных сацыяльных ўслуг гасударствагым ўчреждэнняў сацыяльнага абслужывання с нормама і нормавамама абацечаннасці гражданаў гэтыма ўслугама, котарыў прадугадывал аказанне ўслуг перавадачыка жэстовага языка ў аб'ёме не бо́лее 36 гад у год у саотваствее с рэкамендацыяма МРЭК іллі врачебна-консультацыйнага коміссіі (ВКК). 10 янаваря 2013 г. пастанавленіем Міністэрства труда і сацыяльнай зашчыты Рэспублікі Беларусь «Об ўстанавленні прымерных нормавамама чысленнасці рабаотнікаў тэрытарыяльнага цэнтра сацыяльнага абслужывання сям'і і дэтяў (сацыяльнага памаощі сям'е і дэтяма)» былі ввэдэны савка перавадачыкаў для абслужывання лцаў с нарушэннэм слуха, т. е. не менее 0,25 штатнай адннца [3].

С 2013 па 2015 г. гасударствагыме ўчреждэння сацыяльнага абслужывання населенія актывна праводілі рабауту с інвалідама па слуху па месту пражыванія. Это позваляло ЦП ОО «БелОГ» у 2015 г. поставіть вопрос об аткрытці вакансыў перавадачыкаў жэстовага языка пры тэрытарыяльных цэнтрах сацыяльнага абслужывання населенія (ТЦСОН). По прадлагенію Цэнтральнага правалення у апрелі 2015 г. на саващанні, саотавшэмса в Комітете по труда, занятосці і сацыяльнай зашчыте Мінгорсвополкома, былі ўтверджэны савка перавадачыкаў жэстовага языка в ТЦСОН Завадскага, Ленінскага, Москавскага, Пэрвамайскага і Фрунзэнскага раяонаў г. Мінска. Пэрвыя перавадачыка жэстовага языка началі аказываць ўслуги інвалідама по слуху в ТЦСОН Завадскага, Цэнтральнага, Ленінскага раяонаў Мінска, а такжэ Брэста, Могілева, Борсва. В выступленні на XIX сэзде ОО «БелОГ» прадсэдатель Цэнтральнага правалення С. П. Сапуто абраыт асобое внамаанне прадсэдательей праваленіяў абластных арганізацый на неабходнасць теснага саотруднчества с ТЦСОН с цэлюю абацечанія каващественнага і сваеврэмэннага достапа інвалідаў с нарушэннэм слуха к ўслугама перавада жэстовага языка [3].

Такым абазаом, в Рэспубліке Беларусь наметілась тэндэнца развотія гасударствагымо сактора аказанія ўслуг перавада на жэстоваў язык. Однако, несмотря на это, вне састемы ОО «БелОГ» колычественно гасударствагымых савок перавадачыкаў с 2011 по 2015 г. уменшылось на 7%. Праблема была свазана с неаааотчностъю неабходнаго контынгента профессыональных перавадачыкаў. Исходя з этого, 1 янаваря 2017 г. было запланіраваано аткрытце 4,5 савка перавадачыкаў жэстовага языка в Витебскага, Гомельскага, Мінскага, Брэстскага і Могілевскага абластях. Впервыя гасударствагыме органы сацыяльнай зашчыты Рэспублікі Беларусь взыла на сабя арганізацую і фанансированне ўслуг перавада жэстовага языка. До этого врэмєні абащество полностью абацечывало услуги перавада жэстовага языка. ОО «БелОГ» в 2011–2015 гг. аказало 53 668 ўслуг перавада жэстовага языка, в том чысле в праваохраанітельных органах – 4535, нотаріате – 2527, медыцынскых арганізацый – 20 099, органах сацыяльнай зашчыты – 4415, ўчреждэннях абазаваанія – 652, в арганізацыйх жылыщно-коммунальнаго хазяйства – 3740 і другах арганізацыйх – 17 700 [4, с. 12].

В феўрале 2013 г. саотавляўся I Рэспубліканскы младежныў форум інвалідаў с нарушэннэм слуха, ініцыатарама котарого сталя заместитель прадсэдателя Цэнтральнага правалення С. К. Ганеева і член Цэнтральнага правалення В. Ф. Мелеховец. Форум затронул вопросы профессыонального і творчественнаго развотія младежы, абаудыл праблемаы их трудоустройства, сацыяльнай рэабілітацый і пути самотреалізацый.

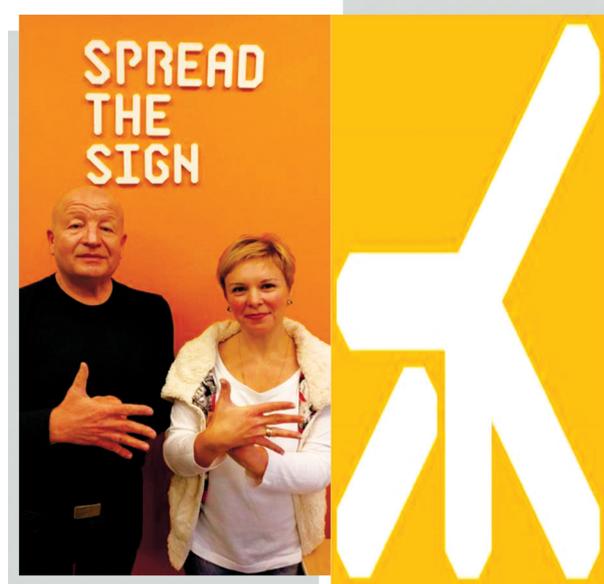

Выступление В. Ф. Мелеховца на презентации, посвященной памяти Н. Ф. Шарко, а также участники II Республиканского молодежного форума

V. F. Melekhovets makes a presentation dedicated to the memory of N. F. Charcot and participants of the II Republican Youth Forum

II Республиканский молодежный форум, который состоялся 14–16 февраля 2014 г., был посвящен 90-летию со дня рождения Героя Советского Союза Н. Ф. Шарко и прошел при участии В. А. Паленного (Россия), М. А. Андриенко, Т. А. Кривко и М. М. Лавицкого (Украина). Это был один из самых представительных форумов с обширной программой, который затронул аспекты исторического наследия, прав глухих и молодежного движения Белорусского, Украинского и Всероссийского обществ глухих. В форуме приняли участие ЦП ОО «БелОГ», а также представители управления специального образования Министерства образования Республики Беларусь, управления

научно-методического обеспечения специального образования Республиканского института профессионального образования, Института управления и социальных технологий Белорусского государственного университета, директора предприятий ОО «БелОГ», 35 делегатов от молодежи и др. Высокий уровень этого мероприятия отметил российский исследователь истории глухих, главный редактор журнала «В едином строю» В. А. Паленный. Он заявил, что «в России Министерство образования игнорирует молодежные форумы глухих» [9, с. 203–206; 10, с. 3]. Молодежь проявила интерес к изучению истории и культуры социума глухих Беларуси, о чем свидетельствовал проведенный открытый опрос среди участников форума. Тем самым было обращено внимание на эту актуальную проблему представителей Министерства образования Республики Беларусь.

Координатор проекта в Республике Беларусь В. Ф. Мелеховец и доцент Института инклюзивного образования БГПУ им. М. Танка И. К. Русакович, а также логотип Международного проекта «Распространим жест» (2016 г.)

The picture shows the project coordinator in the Republic of Belarus V. F. Melekhovets and Associate Professor of the Institute of Inclusive Education BSPU I. K. Rusakovich and the logo of the International Project “Spread the Gesture” (2016)

20–22 мая 2014 г. представители ОО «БелОГ» В. Ф. Мелеховец и А. С. Никитин приняли участие во II Международной конференции «Лингвистические права глухих» по проблеме «Жестовый язык в системе специального и профессионального образования». Доклады белорусских педагогов И. К. Русакович и В. Ф. Мелеховца,

Белорусские спортсмены в Национальном аэропорту после возвращения из Дефлимпийских игр (2013 г.)
 Belarusian athletes at the National Airport after returning from the Deaflympics (2013)

в которых был отражен опыт обучения студентов Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка и проведения эксперимента по апробации и внедрению жестового языка в специальном образовании Республики Беларусь, вызвали интерес у российских специалистов и представителей некоторых республик бывшего Советского Союза, где преподавание национального жестового языка как предмета отсутствовало [11, с. 14; 23].

С целью изучения международного опыта оказания услуг перевода на жестовый язык 27 ноября 2014 г. был проведен Международный семинар по теме «Лингвистические права: партнерство, сотрудничество переводчиков жестового языка и глухих» с участием профессиональных переводчиков Королевства Нидерландов. Участники семинара проявили интерес к докладам зарубежных гостей и обмену опытом с европейскими коллегами – членами Европейской ассоциации переводчиков жестового языка по предоставлению услуг перевода жестового языка на современном уровне [11; 12, с. 14].

В 2016 г. впервые в Республике Беларусь в рамках реализации Международного интернет-проекта «Распространим жест» были проведены лингвистические исследования, в результате чего создан корпус белорусского жестового языка (фонд составил более 15000 жестов): «Беларусь стала 26-м государством, жестовый язык которого начал разрабатываться для презентации на известном международном сайте www.spreadthesign.com» [13, с. 18; 14].

В 2011 и 2016 гг. проводились курсы повышения квалификации и курсы «Основы жестового языка» (2015 г.) на базе государственного учреждения образования «Республиканский институт повышения квалификации и переподготовки работников Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь». Курсовую подготовку получили 18 специалистов, а 36 прошли курсы повышения квалификации [4, с. 8].

В 2016 г. при участии редколлегии в составе членов ЦП ОО «БелОГ» С. К. Ганеевой, В. Ф. Мелеховца, С. П. Сапуто, Н. И. Солдатовой и В. Ю. Эйхарта был издан справочный материал «История Белорусского общества глухих» в 2 частях [9; 15].

Совместно с Минским городским исполнительным комитетом ОО «БелОГ» проводило работу по реализации первого проекта по созданию в Республике Беларусь центра приема и передачи СМС – сообщений от лиц с нарушением слуха [3].

ОО «БелОГ» продолжало сотрудничество с Белорусской спортивной федерацией глухих (БСФГ). Принятый в 2014 г. Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» в статье 19 «Паралимпийский комитет Республики Беларусь, организации, возглавляющие дефлимпийское движение Беларуси, специальное олимпийское движение Беларуси» содержал дефиниции основных терминов адаптивного спорта, нормы, регламентирующие правовой статус организаций,

возглавляющих дефлимпийское и специальное олимпийское движения, устранял различия в спортивных званиях и разрядах [16]. В проект «Спортивного кодекса» дополнительно было внесено предложение об установлении равенства социальных гарантий для всех спортсменов и их тренеров. С 26 июля по 4 августа 2013 г. на Дефлимпийских играх (игры глухих) в Софии (Болгария) приняли участие около 3000 спортсменов из 90 стран мира, они соревновались в двадцати видах спорта. Команда Беларуси в составе 48 спортсменов, выступившая в пяти видах спорта (баскетбол, борьба, волейбол, легкая атлетика, плавание), завоевала 27 медалей (12 золотых, 11 серебряных, 4 бронзовых). В неофициальном командном зачете она заняла четвертое место после команд России, Украины и Кореи. Это был лучший показатель белорусского дефлимпийского спорта, начиная с игр 1993 г., на которых белорусские спортсмены впервые выступили в качестве самостоятельной национальной команды. Согласно Указу Президента Республики Беларусь, для спортсменов, завоевавших медали на Дефлимпийских играх – 2013, и их тренеров были предусмотрены следующие вознаграждения: за золотую медаль – 50 000 долл. США, за серебряную – 30 000, за бронзовую – 20 000 долл. США [17–19].

24 сентября 2015 г. был издан Указ Президента Республики Беларусь № 401 «О подписании Республикой Беларусь Конвенции о правах инвалидов» [19]. 28 сентября 2015 г. в Нью-Йорке в здании Генеральной Ассамблеи ООН Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подписал Конвенцию о правах инвалидов, принятую 61-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 13 января 2006 г. Конвенция явилась первым важнейшим правозащитным договором XXI в., связанным с положением людей с ограниченными возможностями. Главная цель документа – защита инвалидов от дискриминации и продвижение равенства в области гражданских, культурных, экономических, политических и социальных прав. 18 октября 2016 г. Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов [21; 22].

Заключение. Количественный состав членов ОО «БелОГ» из числа инвалидов по слуху в 2010–2015 гг. уменьшился. Учитывая уменьшение численности членов общества, приоритетное значение придавалось профессиональной ориентации, росту и трудоустройству молодежи среди инвалидов по слуху.

Несмотря на сложное финансовое положение в производственном секторе ОО «БелОГ», вызванное последствиями финансового кризиса 2009 г., ЦП ОО «БелОГ» уделило особое внимание социокультурной деятельности общества, что позволило добиться успехов в развитии культуры глухих Беларуси, представленной на международном уровне, и значительных достижений белорусских спортсменов на Дефлимпийских играх – 2013.

Подписание такого международного правового документа XXI в., как Конвенция о правах инвалидов содействовало реализации лингвистических и социокультурных прав глухих, созданию доступной информационно-коммуникативной среды, расширению государственного сектора оказания услуг перевода на жестовый язык, проведению исследований белорусского жестового языка и подготовке переводчиков жестового языка с высшим образованием, изданию справочных материалов исторического наследия ОО «БелОГ» и др.

Список использованных источников

1. Положение о Белорусском Объединении Глухонемых : утв. постановлением СНК БССР, 3 авг. 1931 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. Правительства Белорус. ССР. Отд. 1. – 1931. – № 36. – Ст. 232.
2. Устав общественного объединения «Белорусское общество глухих» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belog.org/images/pdf/ustav.pdf>. – Дата доступа: 26.06.2020.
3. Отчёт Центрального правления общественного объединения «Белорусское общество глухих» за отчетный период 2006–2011 гг. // Текущий архив ЦП ОО «БелОГ».
4. От съезда к съезду в цифрах и фактах, 2011–2015 гг. : XVII съезд общественного объединения «Белорусское общество глухих» : справ. материал. – Минск : [б. и.], 2015. – 75 л.
5. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 1991 г., № 1224-XII // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1991. – № 34. – Ст. 611.
6. Об утверждении Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 янв. 2016 г., № 73 : [с изм. и доп. от 11 нояб. 2019 г., № 755] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600073>. – Дата доступа: 28.05.2020.

7. Комплексная программа развития социального обслуживания на 2011–2015 гг. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 июля 2010 г., № 1126 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 146. – 5/32266.
8. О Государственной программе по созданию безбарьерной среды жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2011–2015 гг. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 нояб. 2010 г., № 1602 : [в ред. постановлений Совмина от 09.07.2011 г., № 936, от 04.09.2014 г., № 864] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=C21001602>. – Дата доступа: 28.05.2020.
9. История Белорусского общества глухих : в 2 ч. / авт.-сост. С. К. Ганеева ; ред.: В. Ф. Мелеховец [и др.]. – Минск : ГУ БелИСА, 2016. – 2 ч.
10. Паленный, В. А. Форум в Беларуси / В. А. Паленный // В едином строю. – 2014. – № 3. – С. 3.
11. Пичугин, Я. Б. Жесты и образование / Я. Б. Пичугин // В едином строю. – 2014. – № 6. – С. 12.
12. Мелеховец, В. Ф. Переводчики встретились в Минске / В. Ф. Мелеховец // В едином строю. – 2015. – № 3. – С. 27.
13. Русакович, И. К. Международный образовательный проект «Распространим жест»: опыт разработки в Республике Беларусь / И. К. Русакович, В. Ф. Мелеховец // Вес. БГПУ. Сер. 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філасофія. – 2019. – № 1. – С. 16–21.
14. Словарь белорусского жестового языка на сайте проекта «Распространим жест» [Электронный ресурс] // Spreadthesign : междунар. интернет-словарь жестовых языков. – Режим доступа: <https://www.spreadthesign.com/be/>. – Дата доступа: 25.06.2020.
15. История Белорусского общества глухих : в 2 ч. / авт.-сост. С. К. Ганеева, ред. В. Ф. Мелеховец, С. П. Сапуто [и др.]. – Минск : ГУ БелИСА, 2016. – 1 ч.
16. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-3 : принят Палатой представителей 5 дек. 2013 г. : одобр. Советом Респ. 19 дек. 2013 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.pravo.by/upload/docs/op/H11400125_1390251600.pdf. – Дата доступа: 05.06.2020.
17. О некоторых мерах по подготовке белорусских спортсменов к Паралимпийским и Дефлимпийским играм : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 апр. 2007 г., № 181 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 92. – 1/8511.
18. Sofia 2013. Belarus – 48 Athletes [Electronic resource] // Deaflympics. – Mode of access: <https://www.deaflympics.com/games/2013-s/blr>. – Date of access: 05.06.2020.
19. Мелеховец, В. Ф. Материалы по истории и культуре Белорусского общества глухих [Электронный ресурс] / В. Ф. Мелеховец // Вебсайт Владимира Мелеховца. – Режим доступа: <http://vm.iatp.by/>. – Дата доступа: 20.04.2020.
20. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : принята резолюцией 61/106 Генер. Ассамблеи, 13 янв. 2006 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml. – Дата доступа: 28.05.2020.
21. О подписании Республикой Беларусь Конвенции о правах инвалидов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 сент. 2015 г., № 401 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.pravo.by/upload/docs/op/P31500401_1443214800.pdf. – Дата доступа: 28.05.2020.
22. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-podpisal-konventsiju-o-pravax-invalidov-12211. – Дата доступа: 18.12.2020.
23. Русакович, И. К. Анализ международного опыта в сфере защиты социальных, культурных и образовательных прав лиц с нарушением слуха (по материалам II Международной конференции «Лингвистические права глухих») / И. К. Русакович, В. Ф. Мелеховец // Спец. адукацыя. – 2015. – № 5. – С. 52–59.

References

1. Regulations on the Belarusian Association of the Deaf and Mute: approved. Decree of the Council of People's Commissars of the BSSR, August 3. 1931. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-krest'yanskogo Pravitel'stva Belorusskoi SSR. Otdel 1* [Collection laws and orders of workers and peasants. Government of Belarus. SSR. Dept. 1], 1931, no. 36, art. 232 (in Russian).
2. *Charter of the public association "Belarusian Society of the Deaf"*. Available at: <http://belog.org/images/pdf/ustav.pdf> (accessed 26.06.2020) (in Russian).
3. *The current archive of the public association "BelOG"*. Report of the Central Board of the Public Association "Belarusian Society of the Deaf" for the reporting period 2006–2011. (in Russian).
4. *From Congress to Congress in Figures and Facts 2011–2015 (reference material): XVII Congress of the public association "Belarusian Society of the Deaf", central board*. Minsk, 2015. 75 p. (in Russian).
5. On social protection of disabled people in the Republic of Belarus: Law of the Republic. Belarus, 11 nov. 1991, no. 1224-XII. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Respubliki Belarus'* [Bulletin of the Supreme Council of the Republic of Belarus], 1991, no. 34, art. 611 (in Russian).
6. On the approval of the State Program on Social Protection and Promotion of Employment of the Population for 2016–2020. Resolution of the Council of Ministers, January 30. 2016, no. 73 [as amended. And add. from 11 nov. 2019, no. 755]. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600073> (accessed 28.05.2020) (in Russian).
7. Comprehensive program for the development of social services for 2011–2015 : resolution of the Council of Ministers of the Republic. Belarus, July 20, 2010, no. 1126. *Natsional'nyi reestr pravovyykh aktov Respubliki Belarus'* [National register of legal acts of the Republic of Belarus], 2010, no. 146, 5/32266 (in Russian).

8. About the State Program for the Creation of a Barrier-Free Environment for the Life of Physically Weakened Persons for 2011–2015 : Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, 1 nov. 2010, no. 1602 [as amended by resolutions of the Council of Ministers dated 09.07.2011, no. 936, dated 04.09.2014, no. 864]. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <https://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=C21001602> (accessed 28.05.2020) (in Russian).

9. Ganeeva S. K. *History of the Belarusian Society of the Deaf*. Minsk, The Belarusian Institute of System Analysis and Information Support for Scientific and Technical Sphere, 2016, 2 vol. (in Russian).

10. Palennyi V. A. Forum in Belarus. *V edinom stroyu* [In a Single Formation], 2014, no. 3, p. 3 (in Russian).

11. Pichugin Ya. B. Gestures and education. *V edinom stroyu* [In a Single Formation], 2014, no. 6, p. 12 (in Russian).

12. Melekhovets V. F. Translators met in Minsk. *V edinom stroyu* [In a single formation], 2015, no. 3, p. 27 (in Russian).

13. Rusakovich I. K., Melekhovets V. F. International educational project “We will spread the gesture”: development experience in the Republic of Belarus. *Vestsi BGPU. Seryya 1, Pedagogika. Psikhologiya. Filasofiya* [BSPU News. Series 1, Pedagogy. Psychology. Philosophy], 2019, no. 1, pp. 16–21 (in Russian).

14. Dictionary of Belarusian Sign Language on the website of the project “Spread the Gesture”. *International Internet Dictionary of Sign languages Spreadthesign*. Available at: <https://www.spreadthesign.com/be/> (accessed 25.06.2020) (in Russian).

15. Ganeeva S. K., Melekhovets V. F., Saputo S. P. History of the Belarusian Society of the Deaf: publication in 2 parts. Minsk, GU BelISA Publ., 2016, 1 vol. (in Russian).

16. On physical culture and sports: Law of the Republic of Belarus, 4 Jan. 2014, no. 125-3: adopted by the House of Representatives on 5 Dec. 2013: approved Council Resp., 19 Dec. 2013. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: https://www.pravo.by/upload/docs/op/H11400125_1390251600.pdf (accessed 05.06.2020) (in Russian).

17. On some measures to prepare Belarusian athletes for the Paralympic and Deaflympic Games: Decree of the President of the Republic. Belarus, 11 Apr. 2007, no. 181. *Natsional’nyi reestr pravovyykh aktov Respubliki Belarus’* [National register of legal acts of the Republic of Belarus], 2007, no. 92, 1/8511 (in Russian).

18. Sofia 2013. Belarus – 48 Athletes. *Deaflympics*. Available at: <https://www.deaflympics.com/games/2013-s/blr> (accessed 06.05.2020).

9. Melekhovets V. F. Materials on the history and culture of the Belarusian society of the deaf. *Web site of Vladimir Melekhovets*. Available at: <http://vm.iatp.by/> (accessed 20.04.2020) (in Russian).

20. Convention on the Rights of Persons with Disabilities: adopted by the 61st session. Gener. Assembly, 13 Jan. 2006. *United Nations Organization*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (accessed 28.05.2020) (in Russian).

21. On the signing by the Republic of Belarus of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities: Decree of the President of the Republic of Belarus, 24 Sept. 2015, no. 401. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: https://www.pravo.by/upload/docs/op/P31500401_1443214800.pdf (accessed 28.05.2020) (in Russian).

22. The official Internet portal of the President of the Republic of Belarus. Available at: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-podpisal-kon (in Russian).

23. Rusakovich I. K., Melekhovets V. F. Analysis of international experience in the field of protection of social, cultural and educational rights of persons with hearing impairment (based on the materials of the II International conference “Linguistic rights of the deaf”). *Spetsyial’naya adukatsyya* [Special Education], 2015, no. 5, pp. 52–59 (in Russian).

Информация об авторе

Мелеховец Владимир Фёдорович – учитель-методист. Специальная общеобразовательная школа-интернат № 13 г. Минска для детей с нарушением слуха (ул. Ваупшасова, 23, 220070, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vlfdml@gmail.com

Information about the author

Vladimir F. Melekhovets – teacher-methodologist. Special comprehensive boarding school № 13 in Minsk for children with hearing impairment (23 Vaupshasova Str., Minsk 220070, Belarus). E-mail: vlfdml@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 94 (476.5)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-179-187>

Поступила в редакцию 29.06.2018
Received 29.06.2018

К. А. Соловьев

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Московский государственный строительный университет», Москва, Россия
ФГБОУ ВО «Московская государственная художественно-промышленная академия
им. С. Г. Строганова», Москва, Россия*

ПРОБЛЕМАТИКА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД II РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1921–1939 гг.) (НА ПРИМЕРЕ УСПЕНСКОГО ЖИРОВИЧСКОГО МОНАСТЫРЯ)

Аннотация. Статья посвящена проблемам этноконфессиональных отношений на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Учитывая тот факт, что 2019 г. был юбилейным для молодой независимой Республики Беларусь, а в 2020 г. отмечалось 75-летие Победы в Великой Отечественной войне, в экспертном сообществе России и Беларуси, в политических кругах, а также в среде национальной белорусской интеллигенции существуют противоположные точки зрения на то, как происходил процесс национального возрождения на территории современной Беларуси в период 1921–1939 гг., как строились взаимоотношения между польским правительством и польскими национальными объединениями на территории «восточных кресов» и белорусскими националистическими и русскими общественными эмигрантскими объединениями. Как правило, если государство, приверженное интегральному национализму, хочет оторвать часть народа от его исторических корней, то это происходит либо путём культурной, либо религиозной ассимиляции. Рассматриваются попытки подобной религиозной ассимиляции со стороны польских властей в период режима санации 1921–1939 гг. на примере существования на территории Польши православного Успенского Жировичского мужского монастыря.

Автор использовал сравнительный метод историзма в области религиоведения, а также метод «наследования культуры», применяемый в области социологии религии, благодаря которому показал, насколько велик соблазн проводить унификацию в многонациональном молодом государстве и превращать его в этнонациональное единое сообщество. Материалом для изучения данной проблематики послужили как послереволюционные эмигрантские исследования на эту тему, так и современные белорусские исследования, касающиеся истории развития межцерковных отношений на территории западнобелорусских земель в межвоенный период.

В процессе комплексного исследования данной проблематики автором был проведен геокультурный анализ развития Польского государства в области межнациональных и межрелигиозных отношений, основанный на польском варианте так называемого интегрального национализма. В статье также прослеживается тенденция к прекращению действия Рижского договора между РСФСР и Польским государством, которая стала активизироваться после 1926 г. Польское государство использовало эту тенденцию для насаждения на «восточных кресах» польских военных колонистов – осадников, которые являлись военно-политической опорой нового Польского государства. На примере существования на территории II Речи Посполитой православного Успенского Жировичского монастыря автор прослеживает, как православные христиане противостояли тенденциям этнокультурной ассимиляции.

Исследование показало, насколько необходимо невмешательство государства в дела церкви и как важно уходить от соблазна использовать «свою национальную» церковь в деле построения независимого и суверенного государства. Это серьёзная проблема, которая характерна для тех постсоветских государств, которые планируют построение своей национальной идентичности на принципах крайнего национализма.

Ключевые слова: Западная Беларусь, режим санации, ревендикция, парцелляция и комасация, уния, католическая церковь, Успенский Жировичский монастырь

Для цитирования: Соловьев, К. А. Проблематика этноконфессиональных отношений в Западной Беларуси в период II Речи Посполитой (1921–1939 гг.) (на примере Успенского Жировичского монастыря) / К. А. Соловьев // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 179–187. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-179-187>

Kirill A. Solovyov

*National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia
Moscow State Art and Industry Academy named after S. G. Stroganov, Moscow, Russia*

PROBLEMS OF ETHNO-CONFESSIONAL RELATIONS IN WESTERN BELARUS DURING THE SECOND POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH (1921–1939) (ON THE EXAMPLE OF THE ASSUMPTION ZHIROVITSKY MONASTERY)

Abstract. The Article by Kirill Solovyov, candidate of cultural studies, is devoted to the problems of ethno-confessional relations in the territory of Western Belarus during the interwar period. Introduction. Given the fact that 2019 was the anniversary

year for the young independent Republic of Belarus, and in 2020 the anniversary of the victory in the great Patriotic War in the expert community of Russia and Belarus, as well as in political circles and among the national Belarusian intelligentsia, you can find directly opposite points of view on how the process of national revival took place in the territory of modern Belarus in the period of 1921–1939, how the relations between the Polish government and Polish national associations on the territory of the “Kresov Vskhodnih” and Belarusian nationalist and Russian public emigrant associations were built. As a rule, if a State committed to integral nationalism wants to detach a part of the people from their historical roots, this happens either through cultural or religious assimilation. The article deals with attempts of such religious assimilation by the Polish authorities during the sanation regime of 1921–1939 for example, the existence in Poland of Orthodox Uspensky Zhirovichi men’s monastery. For a sufficient evidence base of the proposed research, the author used the comparative method of historicism in the field of religious studies and the method of “inheritance of culture”, which can be applied in the field of sociology of religion, thanks to which it is possible to show how great the temptation to unify in a multinational young state and turn it into an ethno-national unified community. Materials for the study of this problem were both post-revolutionary emigrant studies on this topic, and modern Belarusian studies concerning the history of inter-Church relations on the territory of the Western Belarusian lands in the interwar period. In the course of a comprehensive study of this problem the author conducted an interesting geocultural analysis of the development of the Polish state in the field of interethnic and interreligious relations which was based on the Polish version of the so-called integral nationalism. The article also traces the trend towards the termination of the Riga Treaty between the RSFSR and the Polish state which became more active after 1926. It should be noted that the Polish state used this trend to plant on the “Eastern borders” of the Polish military colonists – besiegers, who were the military and political support of the new Polish state. Using the example of the existence of the Orthodox Dormition Zhirovitsky monastery on the territory of the second Polish – Lithuanian Commonwealth, the author traces how Orthodox Christians resisted the tendencies of ethnocultural assimilation. The study has shown how necessary it is for the State to not interfere in the Affairs of the Church, and how important it is to avoid the temptation to use the “national” Church in building an independent and sovereign state. This is a serious problem that is typical for those post-Soviet States that plan to build their national identity on the principles of extreme nationalism.

Keywords: Western Belarus, sanation regime, revendication, parceling and commasation, Union, Catholic Church, assumption Zhirovitsky monastery

For citation: Solovyov K. A. Problems of ethno-confessional relations in Western Belarus during the second Polish-Lithuanian Commonwealth (1921–1939) (on the example of the assumption Zhirovitsky monastery). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 179–187 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-179-187>

Введение. 2019 год стал юбилейным для Республики Беларусь: 75-летие освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, 100-летие образования Белорусской Советской Социалистической Республики, 80-летие воссоединения Западной Беларуси с БССР. Эти знаковые для любого молодого суверенного государства события и их восприятие в политическом и социальном пространстве отражают и отношение к ним на государственном уровне. Неудивительно, что существуют полярные точки зрения на эти события истории белорусского государства в современном белорусском обществе. Не менее интересными являются и этноконфессиональные отношения внутри государства.

Современное конфессиональное пространство Республики Беларусь гетерогенно, т. е. достаточно разнородно. В современном белорусском государстве зарегистрировано более 3 тысяч религиозных организаций, а также 25 религиозных конфессий. Согласно социологическим данным, среди верующих около 76% – православные, около 14% – католики, менее 1% – протестанты. Существуют общины греко-католической церкви, мусульман-суннитов и шиитов. Не так давно зарегистрирована первая буддийская община в г. Минске. Социологические исследования в течение последних десяти лет показывают, что происходит увеличение доли верующих (до 76%), которые не испытывают никакой неприязни ни к каким религиям. В 1998 г. этот показатель составлял 50%, среди неверующих – 84%. Стабильно высокий уровень взаимной веротерпимости у представителей всех конфессиональных групп. Это важный момент для понимания современных тенденций в развитии белорусского общества. В этой связи на примере одного из православных монастырей Беларуси важно проследить развитие межконфессиональных и межэтнических отношений на территории II Речи Посполитой на землях Западной Беларуси в исторический период 1921–1939 гг.

Целью данного исследования является попытка на примере развития этноконфессиональных отношений в Западной Беларуси в межвоенный период показать, насколько хрупким может быть межнациональный мир в потенциально многоконфессиональной стране и как идея построения унитарного, национального государства может вступать в противоречие с многонациональным и многоконфессиональным характером возникшего в 1921 г. Польского государства. В свете развития этноконфессиональных проблем последних пяти лет на постсоветском пространстве данный анализ представляется весьма актуальным.

Основная часть. Революция 1917 г. разрушила Российскую империю. Революционные события явились началом своеобразного «крестного пути» Русской Православной Церкви и иных конфессий бывшей Российской империи. Подписанный 3 марта 1918 г. правительством Советской России в городе Брест-Литовске так называемый «мирный договор» с германской империей отторгал от российского государства огромные территории Прибалтики, Украины и современной Беларуси. Показательно, что «...подписанный договор полностью соответствовал германской концепции «Mitteleuropu», т. е. создания в Центральной и Восточной Европе государств, экономически и политически зависимых от Германии» [1].

На развалинах российского государства был создан ряд лимитрофных государств. Так, 25 марта 1918 г. Рада Белорусской Народной Республики провозгласила независимость Беларуси как суверенного государства. Однако лидеры БНР и Рада республики направили германскому императору Вильгельму II телеграмму, в которой просили «...закрепить независимость Белорусской Республики при помощи унии с Германской Империей» [2]. После Ноябрьской революции в Германии 3 ноября 1918 г. немецкие войска покинули территорию Беларуси, а 30–31 декабря 1918 г. в Смоленске было торжественно объявлено о создании Социалистической Советской Республики Белоруссия. Однако вскоре началась советско-польская война, которая изначально была авантюрой тогдашнего военного руководства РСФСР и преследовала цель установления советской власти в новообразованном Польском государстве. Война завершилась серьёзным поражением Красной Армии и 18 марта 1921 г. был подписан Рижский мирный договор между РСФСР и Польской республикой.

Согласно договору, к Польше отходили территории Западной Беларуси (Гродненская губерния, восточные районы Виленской и западные районы Минской губерний). Польские власти официально называли эту территорию «кресы восточные» (восточные окраины).

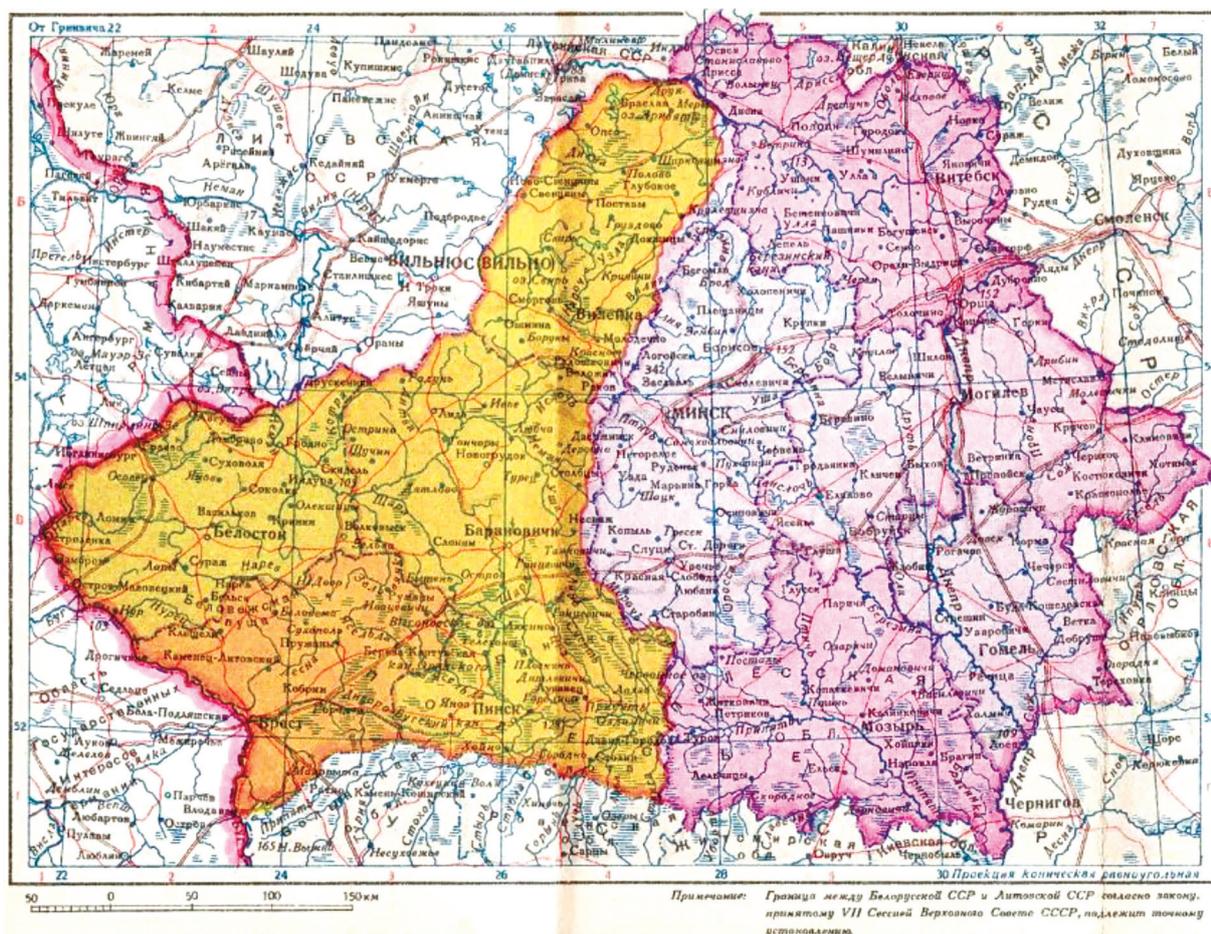

Рис. 1. Карта Беларуси 1938 г.

Fig. 1. Map of Belarus 1938

До 1926 г. польские власти придерживались условий Рижского договора, согласно которым «...Польское государство обязалось предоставить белорусам, украинцам и русским все права, которые обеспечивали бы свободное развитие культуры, языка и вероисповедания. Такие же права предоставлялись полякам на советской территории...» [9]. Однако позднее условия договора неоднократно нарушались с обеих сторон. Со стороны Советской России это обуславливалось верой в «мировую революцию», после которой все границы должны были быть ликвидированы, со стороны Польши – политическим режимом, который был установлен в Западной Беларуси с 1926 г. и получил название «санации».

В июле 1925 г. польский сейм принял «Закон о парцелляции и комасации». Он включал: 1) парцелляцию: продажу мелкими участками части помещичьей и государственной земли; 2) комасацию: хуторизацию и ликвидацию помещичьих сервитутов. Необходимо отметить, что Польское государство использовало парцелляцию для насаждения на «кресах восточных» польских военных колонистов – осадников, которые являлись военно-политической опорой нового Польского государства.

В связи с национальным характером государства, которое строили польские власти на основе так называемого интегрального национализма, наибольшим гонениям подвергалось национальное возрождение белорусского и русского народов и православная вера. До сих пор и в России, и в Беларуси существуют противоположные точки зрения на то, что происходило на западных территориях современной Беларуси. В частности, существует мнение что «...проблемы православной церкви в Польше не были связаны собственно с религиозными причинами» [3]. В этой связи необходимо отметить, что польские власти в 1935 г. инициировали создание в Западной Беларуси обществ православных поляков и помогали этим организациям, стимулируя использование польского языка в богослужении, поощряя пение польских патриотических песен после литургии. Подобные общества были созданы в Слониме, Белостоке, Волковыске, Новогрудке. При этом преследовались католические, православные и греко-католические священники, этнические белорусы, использовавшие в проповедях белорусский язык и пытавшиеся бороться с ассимиляцией: «Таким образом, проблемы православных белорусов в межвоенной Польше были вызваны не их конфессиональной принадлежностью, а, как и у белорусов-католиков, национальной идентификацией, сопротивлением ассимиляции» [18, с. 255–257]. Данная точка зрения весьма популярна в среде как российской, так и современной белорусской либеральной интеллигенции. Однако ее можно подвергнуть сомнению с помощью конкретных примеров из жизни православных приходов и монастырей Западной Беларуси в период 1921–1939 гг. Для расширения влияния католической церкви на территории Западной Беларуси в те годы проводилась так называемая ревендикция, т. е. возвращение католикам культовых зданий, которые раньше принадлежали им, однако после подавления восстания 1863–1864 гг. были превращены в православные храмы. Необходимо отметить, что ревендикция затрагивала не только территорию Западной Беларуси, но и всё тогдашнее Польское государство. К июню 1936 г. на территории Западной Беларуси в костелы было превращено около 1300 православных храмов. С 1926 г. римско-католическая религия вводилась в качестве обязательного предмета во всех школах страны. Выпускалось около 300 наименований католических газет и журналов, которые имели большие тиражи и должны были содействовать расширению сферы влияния католицизма.

Показательно, что даже правительство Белорусской Народной Республики в изгнании в 1921 г. в своём мемориале Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси Тихону отмечало: «Всем белорусам в польской дельнице грозит национальная смерть» [4, с. 93]. Виленские «Белорусские ведомости» 10 октября 1921 г. писали так о национальном унижении белорусов: «Отношение к белорусам со стороны многих начальников и определённой части общественности очень пренебрежительное. Нас считают то москалями, то большевиками, то вообще людьми второго сорта...» [12, с. 28–31].

«Первый пункт программы польской национальной политики на белорусских землях, разработанной чиновником Министерства иностранных дел Польши Арцишевским в 1921 г., предусматривал проведение размежевания между белорусами-католиками и белорусами-православными. Первых надлежит ограждать от белорусизации и окружать атмосферой польской культуры. Вторых

Рис. 2. Свято-Успенский Жировичский мужской монастырь

Fig. 2. Holy Dormition Zhirovichi Monastery

надлежит предохранять от русификации, привлекая для этого белорусские силы» [13]. Таким образом, польское правительство рассматривало католиков-белорусов как потенциальных поляков, а православных белорусов старалось оторвать от всего русского и использовало белорусских националистов для того, чтобы белорусифицировать эту часть населения. Логично, что следующим этапом должно было стать обращение этой части населения в греко-католическую веру или же создание так называемой национальной Белорусской Православной Автокефальной Церкви. Весьма интересно мнение польских чиновников, которые были призваны проводить в жизнь государственную политику ассимиляции. Как отмечал белостокский воевода Осташевский, «...сознательный белорусский элемент придерживается прорусской ориентации. В первом ряду стоят здесь давние русские симпатии, вместо них мы должны выработать симпатии к Польше. Эти прорусские взгляды старается поддерживать православное духовенство, русские националисты, расселившиеся в восточных уездах воеводства, и (почему-то) советская пропаганда (радио, коммунистические ячейки и т. д.). Рано или поздно белорусское население подлежит полонизации. Желательно, однако, этот процесс ускорить, иначе могут возникнуть различные недоразумения, мы должны одолеть древнюю белорусскую культуру» [11].

В связи с этим возникает необходимость, на примере древнего Успенского Жировичского православного монастыря в Западной Беларуси, показать, как на деле пытались реализовывать культурную и религиозную ассимиляцию на территории «кресов восточных» польские националисты и почему проблемы православия на территории Западной Беларуси были гораздо шире, нежели считают современные сторонники белорусского демократического движения.

Свято-Успенский Жировичский мужской монастырь возник на территории Великого Княжества Литовского в начале XV столетия. Для современной Православной Церкви в Беларуси эта обитель является подобием Свято-Успенской Троице-Сергиевой Лавры на территории современной России или Благовещенской Супрасльской Лавры на территории Польши. Значение этой обители для духовного и нравственного самосознания православных белорусов трудно переоценить.

В 1410 г. пастухам, пасшим в поле стада православного дворянина Пересвит-Солтана, было явление небольшой иконы Матери Божией в ветвях грушевого дерева. Посетив место явления иконы, помещик дал Богу обет возвести на этом месте храм. После сооружения деревянного храма постепенно возникло селение и образовался приход, а затем и общежитие чернецов, которые решили посвятить свою жизнь Богу в монашеском подвиге. В 1610 г. смоленский каштелян Иван Мелешко, перешедший из кальвинизма в унию, перевёл в монастырь общину монахов-василиан из Вильно. Это было время, когда стараниями иезуитов в период контрреформации многие бывшие православные дворяне, перешедшие в XVI столетии в кальвинизм, насильно либо уговорами, переводились либо в римский католицизм, либо в унию [5, с. 179–187]. Первым униатским игуменом Жи-

ровичского монастыря был будущий униатский архиепископ Иосафат Кунцевич. С 1644 г., от короля Владислава II, и до 1784 г., до короля Станислава-Августа Понятовского, Жировичская обитель стала одним из важнейших мест поклонения Богоматери на землях Речи Посполитой. В 1651 г. Король Ян-Казимир, посетив обитель, даровал городу Жировичи магдебургское право. Однако в начале XIX столетия, как отмечал известный католический бытописатель Валерьян Харкевич, «Жировичская обитель бывшая оплотом церковной унии на Беларуси стала как бы и её “гробом”» [6, с. 9]. В 1839 г. стараниями униатского митрополита Иосифа (Семашко) и императора Николая Павловича Брестская уния на белорусских землях была упразднена. С 1845 г. Литовская духовная семинария была переведена из Жирович в Вильно, в монастыре осталось только Духовное училище. В таком положении этот древний монастырь находился до начала XX столетия.

Для православных христиан период существования II Речи Посполитой (1921–1939 гг.) был наиболее сложным. Можно отметить, что иногда это было более тяжёлое бремя, нежели вхождение этих территорий в Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское, или в I Речь Посполитую.

Польское государство считало, что молодой стране необходима независимая от Москвы Православная церковь: «Министр культов откровенно заявил русским епископам, что вмешательство иностранных церковных властей в церковную жизнь Польши крайне нежелательно» [16].

В 1922 г. была объявлена автокефалия Православной Церкви в Польше. Несогласные с проводимыми мероприятиями иерархи и священнослужители отстранялись от служения, подвергались арестам, высылались в центральные районы Польского государства. 13 ноября 1924 г. патриарх Константинополя дал благословение на автокефалию польской церкви. С середины 1930-х гг. впервые в истории в православных храмах молебны начали проводиться на польском языке. 12 апреля 1924 г. в Польской Православной Церкви был принят новый календарь – так называемый новоюлианский. В 1925 г. Польское государство подписало с Римским Престолом договор – конкордат, который стал регулировать взаимоотношения между светской властью и Католической Церковью в Польше. Конкордат устанавливал автономию Католической Церкви в Польше и обеспечивал ее поддержку со стороны Польского государства. В свою очередь Польское государство административными мерами стало воздействовать на православных и, в частности, на Успенский Жировичский монастырь. 4 ноября 1924 г. послы Белорусского клуба подали в сейм срочную петицию, в которой требовали: «...прекращения вмешательства светской власти в дела Православной Церкви, как противоречащего конституции» [16]. В 1925 г. епископ гомельский Тихон (Шарапов) – настоятель Успенского Жировичского монастыря – смог тайно вывезти из Москвы Образ Жировичской Богоматери, который с 1915 г. находился в Соборе Василия Блаженного, а позднее – в Екатерининской пустыне города Видное. Это событие стало знаковым для всех православных жителей Западной Беларуси. Однако Католическая Церковь не оставляла попыток насильно закрыть православный Жировичский монастырь и приходские православные храмы в Западной Беларуси. В 1930 г. по инициативе Слонимского католического духовенства были возбуждены дела о ревендикции 500 православных храмов. Католикам удалось закрыть 300 храмов и перевести их в католичество: «Многие богослужебные здания захватывались католиками самовольно, а государственные органы никак не реагировали на факты грубого нарушения законодательства. Многие из захваченных храмов не использовались по прямому назначению или обслуживали незначительное количество прихожан, в то время как православные были лишены возможности удовлетворения своих религиозных чувств...» [9].

Ряд храмов около Жирович и сам Успенский Жировичский монастырь были объявлены насильно отобранными у униатов в 1839 г. Их потребовали возвратить. Однако новый настоятель обители епископ гродненский Алексей (Громадский) распорядился, чтобы все православные приходы на гродненской земле организовали паломничества в монастырь. Конфискация монастыря в пользу унии не состоялась. Тогда местные власти решили прибегнуть к хитрости: «Учительница начальной школы Жирович привела большую группу школьников в обитель для ознакомления с архитектурными памятниками и ... *православием* (!). Попросив ключи от храмов, она потом не вернула ключи от Крестовоздвиженской церкви, передав их католическому священнику Жирович, который начал совершать в Крестовоздвиженском храме римские мессы» [17, с. 407–415].

После того, как в 1924 г. Польская Православная Церковь перешла на новоюлианский календарь, местные власти угрозами стали насильно давить на приходы с целью перехода на новый календарь. Однако оппозиция календарной реформы нашла поддержку среди польских парламентариев православного вероисповедания, которые внесли в сейм меморандум с резким протестом против насилия над верой и совестью православных граждан Польши. Эти акции возымели должное действие: «...впредь власти были вынуждены придерживаться гибкой линии. Там, где народ был против календарной реформы, продолжалось богослужение по юлианскому стилю» [7]. Необходимо отметить, что до 2013 г. подобная позиция оставалась господствующей для Польской Православной Церкви и во многом способствовала тому, что в 2013 г. в Польской Православной Церкви начался переход на юлианский календарь. Потерпев поражение, польские националисты прибегли к новым попыткам полонизации церковной жизни в Беларуси. В 1924 г. недалеко от Жировичского монастыря в имени Альбертин графов Пусловских около г. Слонима был основан так называемый новый униатский монастырь.

Основали монастырь иезуиты. В Альбертине была организована семинария и типография, которая издавала на белорусском языке ежемесячник «Да Злучэння» – «Беларускі рэлігійны часопіс». Альбертинские иезуиты служили по православному обряду, носили бороды, православные богослужебные одежды, использовали церковнославянский язык богослужения, а также русский и белорусский во время проповедей. В Альбертине помимо мужской обители действовал и униатский филиал римско-католического женского ордена «Монахинь Святейшего Сердца Иисуса»: «На 1932 г. в Альбертине было около 50 миссионеров и 300 активных прихожан...». Однако уния вместо процессов полонизации или белорусизации богослужения стала проводить политику «украинизации». Это вызвало разочарование в унии и вынудило националистов пытаться привлечь православных непосредственно в римский католицизм либо полонизировать православные общины. В 1932 г. польский сейм принял закон об обучении в школах на польском, русском и белорусском языках в восточных воеводствах страны. В 1935 г. в Белостоке была образована ассоциация «Коло православных поляков имени маршала Ю. Пилсудского», которая проводила активную полонизацию русского и белорусского населения региона. Однако «Русское национальное объединение», православные приходы и монастыри, в том числе и Жировичский, выступили резко против полонизации православного богослужения. Тогда власти пошли другим путём. Было предписано совершать богослужения в православных храмах на церковнославянском языке, но «...с произношением, характерным для данной местности, так называемой “вымовой”» [18, с. 255–257]. В 1927 г. настоятелем Успенского Жировичского монастыря стал архимандрит Поликарп (Сикорский), который отличался крайним украинским национализмом. Ректор Виленской Духовной семинарии протоиерей Иосиф Дзичковский вспоминал, что в бытность архимандрита Поликарпа настоятелем Виленского Свято-Духова монастыря он отличался нетерпимостью и шовинизмом. Позднее, в бытность настоятелем Жировичского монастыря, он при каждом храме демонстративно обходил икону Казанской Богоматери, изрекая при этом: «Цэ не можна, цэ кацапска» [19]. Несмотря на все эти сложности и трудности, благодаря таким подвижникам веры, как архимандрит Антоний (Мельников), епископ Пантелеймон (Рожновский), епископ Тихон (Шарапов) и епископ Алексий (Громадский) Свято-Успенская обитель в Жировичах оставалась православным оплотом западных областей Беларуси.

Рис. 3. Костёл Пресвятой Девы Марии, д. Альбертин (Гродненская обл., Слонимский район, Беларусь)

Fig. 3. Church of the Blessed Virgin Mary, village Albertin (Grodno region, Slonim district, Belarus)

Заклучение. Таким образом, необходимо отметить, что приведённые примеры трудных и сложных взаимоотношений между православными, католиками и униатами, которые определяли этноконфессиональное развитие в восточных областях II Речи Посполитой в межвоенный период, свидетельствуют о том, насколько важно невмешательство государства в дела церкви, как важен равноправный диалог между различными конфессиями в светском государстве и как необходимо уходить от соблазна использовать «свою национальную» церковь в деле построения независимого и суверенного государства.

Список использованных источников

1. Дыбковская, А. История Польши с древнейших времён до наших дней / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын. – Варшава : Науч. изд-во ПВН, 1995. – 380 с.
2. Мартос, А. (архиепископ). Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос (архиепископ). – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата, 1990. – 152 с.
3. 8 мифов о «воссоединении» Западной и Восточной Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belprauda.org/8-mifov-o-vossoedinenii-zapadnoj-i-vostochnoj-belarusi/>. – Дата доступа: 27.03.2020.
4. Шевченко, К. В. Русский мир в борьбе за выживание: западнобелорусские земли в составе Польши в 1919–1939 гг. / К. В. Шевченко // Унив. вестн. – 2016. – № 1 (17). – С. 91–111.
5. Solov'ev, K. A. Реформационное движение в Великом Княжестве Литовском и борьба протестантизма с православием / К. А. Solov'ev // Slavica Gandensia. – 2001. – № 28. – Р. 179–187.
6. Matka Boska Kozielska / zebrał i oprac. A. Podsiad ; rys hist. W. Kozłowskiego. – Warszawa : Inst. Wydawniczy Pax, 1990. – 151 s.
7. Свитич, А. К. Православная Церковь в Польше и её автокефалия / А. К. Свитич. – Буэнос-Айрес : Наша страна, 1959. – 231 с.
8. Новые мученики российские : первое собр. материалов / сост. протопресвитер М. Польский. – Jordanville : Holy Trinity monaste, 1949. – 287 p.
9. Навіцкі, У. І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX ст. / У. І. Навіцкі // Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск, 1998. – Гл. 5. – С. 155–234.
10. Протьюко, Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. С. Протьюко. – Минск : Тесей, 2002. – 687 с.
11. Болтрык, М. Як разбуралі цэрквы : пераклад / М. Болтрык. – Мінск : Ортапрэс, 1999. – 38 с.
12. Кандрусевіч, Т. Каталіцкая царква ў кантэксце рэлігійнай сітуацыі ў Беларусі / Т. Кандрусевіч // Беларус. думка. – 2009. – № 5. – С. 28–31.
13. Міхалік, Л. Лёсы каталіцкага духавенства ў першай палове XX стагоддзя на тэрыторыі Беларусі / Л. Міхалік // Няхай сведчанне іх веры не забудзецца: лёс каталіцкага касцёла на Беларусі ў 1917–1953 гг. / Юбіл. кам. Канф. каталіц. біскупаў Беларусі, Каміс. па справах Новых Мучанікаў. – Непакалянаў, 2000. – С. 13–28.
14. Венгер, А. Рим и Москва: 1900–1950 / А. Венгер ; пер. с фр. ; предисл. Н. А. Струве. – М. : Рус. путь, 2000. – 616 с.
15. Лебедев, А. Д. Политика советской власти в отношении Римско-католической церкви в БССР (1917–1929 гг.) / А. Д. Лебедев // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. – Минск, 2009. – Вып. 8, ч. 1. – С. 74–79.
16. Дубянецкі, Э. С. Міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў 20-я гады XX стагоддзя : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Э. С. Дубянецкі ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 1995. – 19 с.
17. Коўкель, І. І. Аб паходжанні тэрміна «Заходняя Беларусь», яе тэрыторыі, нацыянальным і канфесійным складзе насельніцтва (1921–1939 гг.) / І. І. Коўкель // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 16–18 нояб. 1999 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: У. Д. Розенфельд [и др.]. – Гродно, 2000. – С. 407–415.
18. Лісейчыкаў, Д. Беларуская дыяспара і нацыянальна-дзяржаўнае развіццё Польшчы ў 1921–1926 гг. / Д. Лісейчыкаў // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 16–18 нояб. 1999 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: У. Д. Розенфельд [и др.]. – Гродно, 2000. – С. 255–257.
19. Мартос, А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Минск: Белорус. Экзархат Русской Православной Церкви, 1990. – 152 с.
20. Традиционные вероисповедания и новые религиозные движения в Беларуси : пособие для рук. учреждений образования, педагогов, воспитателей / А. И. Осипов [и др.] ; науч. ред. и сост. А. И. Осипов. – Минск : Беларусь, 2000. – 255 с.
21. Дьяченко, О. В. Миссионерская деятельность пятидесятнической церкви в Беларуси / О. В. Дьяченко. – Могилев : Изд-во МГУ, 1999. – 113 с.
22. Братский вестник. – 1977. – № 2.
23. Савинский, С. Военный вопрос в евангельско-баптистском братстве в первые годы советской власти / С. Савинский // Религия и право. – 1998. – № 1–2. – С. 14–16.
24. Митрохин, Л. Н. Баптизм: история и современность : (филос.-социол. очерки) / Л. Н. Митрохин. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1997. – 477 с.

References

1. Dybkovskaya A., Zharyn M., Zharyn Ya. *History of Poland from the earliest times to the present day*. Warsaw, Scientific Publishing House PVN, 1995. 380 p. (in Russian).
2. Martos Afanasij (Archiepiskop). *Belarus in historical, state and Church life*. Minsk, Publishing House of the Belarusian Exarchate, 1990. 152 p. (in Russian).
3. *8 myths about "the reunion" Western and Eastern Belarus*. Available at: <https://belprauda.org/8-mifov-o-voossoedinenii-zapadnoj-i-vostochnoj-belarusi/> (accessed 27.03.2020) (in Russian).
4. Shevchenko K. V. Russian world in the struggle for survival: Western Belarusian lands as part of Poland in 1919–1939. *Universitetskii vestnik* [University Bulletin], 2016, no. 1 (17), pp. 91–111 (in Russian).
5. Solov'ev K. A. Reformation movement in the Grand Duchy of Lithuania and the struggle of Protestantism with Orthodoxy. *Slavica Gandensia*, 2001, no. 28, pp. 179–187 (in Russian).
6. Podsiad A. (ed). *Matka Boska Kozielska* [Mother of God Kozielska]. Warszawa, Instytut Wydawniczy Pax, 1990. 151 p. (in Polish).
7. Svitich A. K. *The Orthodox Church in Poland and its autocephaly*. Buenos Aires, Nasha strana Publ., 1959. 231 p. (in Russian).
8. Pol'skii M. (comp.). *New Russian martyrs: first collection of materials*. Jordanville, Holy Trinity monaste, 1949. 287 p. (in Russian).
9. Navitski U. I. Changing the confessional policy of the state 20s – 30s XX century. *Kanfessii na Belarusi (kanets XVIII–XX st.)* [Confessions in Belarus (late XVIII–XX centuries)]. Minsk, 1998, pp. 155–234 (in Belarusian).
10. Prot'ko T. S. *Formation of the Soviet totalitarian system in Belarus (1917–1941)*. Minsk, Tesei Publ., 2002. 687 p. (in Russian).
11. Boltryk M. *How churches were destroyed*. Minsk, Ortapres Publ., 1999. 38 p. (in Belarusian).
12. Kandrusovich T. The Catholic Church in the context of the religious situation in Belarus. *Belaruskaya dumka* [Belarusian thought], 2009, no. 5, pp. 28–31 (in Belarusian).
13. Mikhalik L. The fate of the Catholic clergy in the first half of the twentieth century in Belarus. *Nyakhai svedchanne ikh very ne zabudzetsya: les katalitskaga kastela na Belarusi u 1917–1953 gg.* [May the testimony of their faith not be forgotten: The fate of the Catholic Church in Belarus in 1917–1953]. Nepakalyanay, 2000, pp. 13–28 (in Belarusian).
14. Wenger A. *Rome et Moscou: 1900–1950*. Paris, Desclée de Brouwer, 1987. 684 p. (in French).
15. Lebedev A. D. The policy of the Soviet government in relation to the Roman Catholic Church in the BSSR (1917–1929). *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly* [Scientific works of the Republican Institute of Higher Education]. Minsk, 2009, iss. 8, pt. 1, pp. 74–79 (in Russian).
16. Dubyanski E. S. *Interethnic relations in Belarus in the 1920s 20th century*. Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 1995. 19 p. (in Belarusian).
17. Koukel' I. I. On the origin of the term “Western Belarus”, its territory, national and religious composition of the population (1921–1939). *Etnosotsial'nye i konfessional'nye protsessy v sovremennom obshchestve: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferenii, Grodno, 16–18 noyabrya 1999 g.* [Ethnosocial and confessional processes in modern society: materials of the International scientific conference, Grodno, November 16–18, 1999]. Grodno, 2000, pp. 407–415 (in Belarusian).
18. Liseichykau D. The Belarusian Diaspora and the National-State Development of Poland in 1921–1926. *Etnosotsial'nye i konfessional'nye protsessy v sovremennom obshchestve: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferenii, Grodno, 16–18 noyabrya 1999 g.* [Ethnosocial and confessional processes in modern society: proceedings of the International scientific conference, Grodno, November 16–18, 1999]. Grodno, 2000, pp. 255–257 (in Belarusian).
19. Martos A. *Belarus in historical, state and church life*. Minsk, Belarusian Exarchate of the Russian Orthodox Church, 1990. 152 p. (in Russian).
20. Osipov A. I. (ed.). *Traditional faiths and new religious movements in Belarus*. Minsk, Belarus' Publ., 2000. 255 p. (in Russian).
21. D'yachenko O. V. *Missionary activity of the Pentecostal Church in Belarus*. Mogilev, Mogilev State University publishing house, 1999. 113 p. (in Russian).
22. *Bratskij vestnik* [Fraternal Herald], 1977, no. 2 (in Russian).
23. Savinskii S. Military issue in the Evangelical-Baptist brotherhood in the first years of Soviet power. *Religiya i pravo* [Religion and Law], 1998, no. 1–2, pp. 14–16 (in Russian).
24. Mitrokhin L. N. *Baptism: history and modernity*. St. Petersburg, Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1997. 477 p. (in Russian).

Информация об авторе

Соловьев Кирилл Алексеевич – кандидат культурологии, доцент. ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет» (Ярославское шоссе, 26, офис 508, 129337, Москва, Российская Федерация); ФГБОУ ВО «Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова» (Волоколамское шоссе, 9, офис 408, 125080, Москва, Российская Федерация). E-mail: solovyev.cyrill@yandex.ru

Information about the author

Kirill A. Solovyov – Ph. D. (Cultural Studies), Associate Professor. National Research Moscow State University of Civil Engineering (26 Yaroslavl highway, office 508, Moscow 129337, Russia); Moscow State Art and Industry Academy named after S. G. Stroganov (9 Volokolamsk highway, office 408, Moscow 125080, Russia). E-mail: solovyev.cyrill@yandex.ru

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 811.161.3'06
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-188-199>

Поступила в редакцию 01.02.2021
Received 01.02.2021

Юйцинь Пань¹, А. А. Лукашанец²

¹ Яньаньский университет, Яньань, провинция Шэньси, Китай

² Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь,

**ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛАРУСИ И БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК
В МИРЕ В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»**

Аннотация. Рассматривается влияние процессов глобализации на динамику языковых ситуаций и функционирование национальных языков в современном мире. В результате анализа предлагается расширенное определение современной языковой ситуации в Республике Беларусь как эндоэзогенное близкородственное государственное белорусско-русское двуязычие (сбалансированное в правовом плане и несбалансированное, неравновесное в функционально-коммуникативном), осложненное языками национальных меньшинств и национальных диаспор, а также существенным расширением присутствия во внутринациональном белорусском языковом пространстве мировых языков. Показаны специфика языковой ситуации в Беларуси и место в ней белорусского языка на общем славянском фоне.

На примере языковой ситуации в Республике Беларусь и белорусского языка показано влияние крупнейшего международного мегапроекта «Один пояс и один путь» на динамику языковых ситуаций в отдельных национальных социумах и включение национальных белорусского и китайского языков в мировое языковое пространство.

Ключевые слова: языковая ситуация, коммуникативное пространство, глобализация, белорусский язык, китайский язык, инициатива «Один пояс и один путь»

Для цитирования: Юйцинь Пань. Динамика языковой ситуации в Беларуси и белорусский язык в мире в контексте инициативы «Один пояс и один путь» / Юйцинь Пань, А. А. Лукашанец // Вестн. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 188–199 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-188-199>

Yuqin Pan¹, Aleksandr A. Lukashanets²

¹ Yan'an University, Yan'an, Shaanxi (Province), China

² Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**DYNAMICS OF THE LANGUAGE SITUATION IN BELARUS AND THE BELARUSIAN LANGUAGE
IN THE WORLD IN THE CONTEXT OF THE “ONE BELT AND ONE WAY” INITIATIVE**

Abstract. This paper focuses on the impact of globalization on dynamics of language situations and national language functions in today's world. The results obtained propose that the definition of modern language situation in the Republic of Belarus should be expanded as endogenous/exogenous closely related state Belarusian-Russian bilingualism (balanced in legal terms and unbalanced, unequal in functional and communicative terms), complicated by the languages of national minorities and national diasporas, and significant expansion of the presence of world languages in the Belarusian national language space. This paper shows the characteristics of language situation in Belarus and the status of Belarusian in the general Slavic background.

Taking the language situation of the Republic of Belarus and the Belarusian language as an example, this paper illustrates the impact of the largest international megaproject “one belt and one way” on the dynamics of the language situations, connecting the national languages of Belarus and China into the world language space.¹

Keywords: language situation, communication space, globalization, Belarusian, Chinese, project “one belt and one way”

For citation: Yuqin Pan, Lukashanets A. A. Dynamics of the language situation in Belarus and the Belarusian language in the world in the context of the “one belt and one way” initiative. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 188–199 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-188-199>

Введение. Проблема влияния современных процессов глобализации и международной интеграции на современные языковые ситуации в различных странах, а также на системы национальных языков и особенности их функционирования в сферах внутринациональной коммуникации является одной из актуальных проблем современной славистики и мировой лингвистики. Это обусловлено масштабами и сущностью глобализации и интеграционных процессов в современном мире, реализацией крупнейших международных инициатив и формированием единой мировой финансово-экономической системы: «Глобализация – мировой процесс политического, экономического, культурного и духовного объединения и взаимопроникновения – находит свое проявление во всех сферах жизни современного общества» [1]. Таким образом, современные процессы глобализации и международной интеграции пронизывают все сферы жизни современного общества и находят непосредственное отражение в языковой сфере, оказывают влияние как на системы национальных языков, так и на их функционирование, прежде всего, в самих национальных социумах.

Влияние процессов глобализации на системы национальных языков, в том числе славянских, связано в первую очередь с активным проникновением в национальные лексиконы иноязычных заимствований (преимущественно англо-американизмов) и их включением в словообразовательный процесс.

Второй аспект влияния процессов глобализации на языковую сферу национальных социумов, менее очевидный на первый взгляд, но не менее «опасный» с точки зрения сохранения национальными языками своей полнофункциональности, связан с активным проникновением мировых языков (в первую очередь английского) в различные сферы внутринациональной коммуникации. Этот аспект влияния процессов глобализации на языковую сферу особенно актуален для славянских стран, в которых присутствие английского и других мировых языков в ряде коммуникативных сфер становится все более заметным [2].

Наконец, следует отметить еще один, до сегодняшнего дня практически не рассматривавшийся, феномен влияния процессов глобализации на языковую сферу. Вовлечение различных стран в реализацию крупных совместных международных проектов порождает интерес к другим языкам и культурам и их практическую востребованность в инациональных социумах, что приводит к существенному расширению их присутствия в языковом и культурном пространстве других стран и других национальных социумов. Яркий пример – реализация инициированного Китаем крупнейшего международного проекта «Один пояс и один путь».

Целью данной статьи является исследование особенностей современной языковой ситуации в Республике Беларусь и ее динамики в условиях глобализации, а также влияние инициативы «Один пояс и один путь» на включение китайского языка в коммуникативное, культурное и образовательное пространство Республики Беларусь и белорусского языка – в культурное и образовательное пространство Китая.

Задачи исследования – раскрытие характера и сущности современной языковой ситуации в Беларуси на общеславянском фоне; характеристика места и роли китайского языка в коммуникативном, культурном и образовательном пространстве Беларуси, а также места и роли белорусского языка в образовательном пространстве Китая.

Методом исследования явился социолингвистический метод в совокупности с сопоставительным анализом фактических, в том числе количественных данных.

Республика Беларусь и белорусский язык (история и современность). Республика Беларусь – сравнительно небольшое по размерам и численности населения славянское государство в Восточной Европе. Согласно переписи 2019 года в стране проживало 9 413 446 человек (по состоянию на 1 января 2020 года – 9 408 400 человек). В целом Беларусь занимает 93-е место по количеству населения и 84-е по территории в мире. Население Беларуси составляет 0,1 % населения Земли и около 1,3 % населения Европы.

Истоки белорусской государственности восходят к X веку нашей эры. Первым государственным объединением на территории Беларуси считается Полоцкое княжество. Позднее белорусские земли входили в состав различных крупных государственных объединений: Киевской Руси, Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой – объединенного конфедеративного государства Польши и ВКЛ, Российской империи. В XX веке Беларусь входила в состав СССР в качестве одной из союз-

ных республик. Только в самом конце XX века, в 1991 году, после распада СССР Республика Беларусь окончательно оформила свою независимость и вошла в XXI столетие как суверенное государство.

Современная Беларусь – страна с высоким уровнем урбанизации. Доля городских жителей составляет 78 % от общей численности населения.

По своему национальному составу Беларусь, как и подавляющее большинство современных славянских стран (таблица), является преимущественно мононациональным государством. По данным переписи населения 2019 года, основное этническое население страны – белорусы по национальности – составляет 84,9 %, русские – 7,5 %, поляки – 3,1 %, украинцы – около 1,7 %. Всего же в Беларуси проживают представители около 140 национальностей и народностей.

Соотношение численности титульной нации и государственных языков в славянских странах
The ratio of the number of the titular nation and state languages in the Slavic countries

№ пп.	Славянская страна	Титульная нация, %	Государственный язык
1.	Болгария (2011)	84,4	болгарский
2.	Беларусь (2019)	84,9	белорусский + русский
3.	Босния и Герцеговина (2013)	50,11	боснийский + сербский + хорватский
4.	Польша (2002)	96,74	польский
5.	Россия (2010)	80,9	русский
6.	Северная Македония (2002)	64,13	македонский + албанский
7.	Сербия (2011)	83,0	сербский
8.	Словакия (2002)	85,3	словацкий
9.	Словения (2002)	83,1	словенский
10.	Украина (2001)	77,82	украинский
11.	Хорватия (2011)	90,42	хорватский
12.	Черногория (2011)	44,98	черногорский
13.	Чехия (2008)	94,1	чешский

Белорусский язык – национальный язык белорусов – относится к славянским языкам индо-европейской семьи языков. Вместе с украинским и русским он образует восточнославянскую подгруппу славянских языков. К западнославянской подгруппе относятся современные польский, чешский и словацкий языки, а также верхне- и нижнелужицкий языки, носители которых проживают на территории современной Германии; к южнославянской – болгарский, македонский, сербский, хорватский, словенский, боснийский и черногорский языки. Все славянские языки характеризуются достаточно высокой степенью сходства. Наиболее близкими к белорусскому являются русский, украинский, а также польский языки.

Белорусский язык относится к числу распространенных письменных языков в мире и занимает 69-е место по количеству носителей: Беларусь – 6 340 000 (не следует путать с числом носителей белорусского языка как родного), Россия – 316 000 (2010 г.), Польша – 26 700 (2013 г.), Украина – 55 000 (2003 г.), Литва – 7110 (2014 г.), Казахстан – 8657 (2009 г.), Латвия – 35 500 (2000 г.)

Основное место распространения белорусского языка приходится на этническую территорию проживания белорусов – Республику Беларусь. По данным переписи населения 2019 года, 5 094 298 жителей Беларуси указали в качестве родного языка белорусский и 3 983 765 – русский [3]. Также значительные группы носителей белорусского языка издавна проживают прежде всего в сопредельных странах, а также на территории других стран, в том числе США и Канады. Кроме того, в последнее время в связи с усилением миграционных процессов наблюдается тенденция к увеличению числа белорусов в соседних странах.

Генетически белорусский язык восходит к единому для всех славян праславянскому языку.

В X–XIII веках н. э. существовал единый для всех восточных славян письменный язык (древне-русский). Письменность на территории проживания предков современных белорусов распространилась с принятием на этих землях христианства.

Уже в XIII веке н. э. формируется отдельный книжно-письменный белорусский язык (старо-белорусский).

В XIV–XVII веках – это официальный (государственный) язык ВКЛ.

Белорусский язык относится к числу славянских языков с очень давней печатной традицией. Первая книга на белорусском языке была напечатана в 1517 году. В 1517–1519 годах белорусский просветитель и гуманист Франциск Скорина напечатал на белорусском языке 23 книги Библии. Таким образом, белорусский язык стал вторым славянским (после чешского) и четвертым европейским (после немецкого, итальянского и чешского) языком, на котором были напечатаны книги Библии. В последующие годы книгопечатание получило очень широкое распространение на территории Беларуси, а белорусская печатная книга, в том числе и учебного характера, была востребована за пределами Беларуси. Показательно, что всего на белорусских землях в Великом Княжестве Литовском было осуществлено 17 (некоторые исследователи называют цифру 18) изданий кириллических букварей, в польском государстве – восемь, а в Московской Руси – пять [4].

В XXI век белорусский язык вошел как высокоразвитый литературный язык, который может успешно обслуживать все сферы общения современного белорусского общества. Это национальный язык белорусов, язык титульной нации и государственный язык страны. Он обладает богатым словарным составом, разработанной научной терминологией, устойчивой письменной традицией и развивается в соответствии с общими тенденциями языкового развития в мире. По числу носителей относится к наиболее распространенным языкам мира.

Белорусский язык и языковая ситуация в Республике Беларусь на славянском фоне. Белорусский язык сегодня является важнейшим компонентом современной языковой ситуации в Беларуси, а также занимает определенное место в языковых ситуациях других стран. Например, национальный белорусский язык имеет статус государственного языка в Беларуси, регионального языка в Польше, языка национального меньшинства в Украине и Чехии.

Между тем место и роль белорусского языка как реального средства коммуникации в современном белорусском обществе весьма неоднозначны, что обусловлено не только особенностями существующей языковой ситуации, но также и историческими путями ее формирования.

Официально в Республике Беларусь установлено государственное белорусско-русское двуязычие. Таким образом, белорусское законодательство конституционно закрепляет статус двух наиболее распространенных в современном коммуникативном пространстве страны близкородственных славянских языков [5; 6]. При этом следует особо подчеркнуть близкородственный характер государственного двуязычия в нашей стране.

Вместе с тем реально языковая ситуация в Беларуси является гораздо более сложной и может быть определена как *эндоэкзогенное близкородственное двуязычие, осложненное языками национальных меньшинств и национальных диаспор, а также расширением присутствия мировых языков.*

Определение *эндоэкзогенное государственное двуязычие* означает, что в современном коммуникативном пространстве страны в разных сферах общения используются различные подсистемы двух государственных языков. Кроме того, в некоторых сферах общения в той или иной степени используются языки национальных меньшинств и национальных диаспор, а также мировые международные языки. Поэтому в правовом отношении это *сбалансированное близкородственное двуязычие* (оба наиболее распространенных языка имеют одинаковый законодательный статус государственных). В функциональном плане это *несбалансированное, неравновесное близкородственное двуязычие* (оба государственных языка в разной степени востребованы в различных сферах общения).

Языковая ситуация в Беларуси существенно отличается от языковых ситуаций в других славянских странах (таблица). Так, большинство славянских стран, в том числе и новых, характеризуется государственным (официальным) одноязычием. Это Польша, Чехия, Болгария, Украина, Россия, Словакия, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория. Лишь в двух славянских странах официально (законодательно) закреплено государственное двуязычие: Республика Беларусь (близкородственное) и Северная Македония (неродственное). Наконец, только в одном молодом славянском государстве (Боснии и Герцеговине), возникшем в конце XX века, закреплено государственное близкородственное трехязычие (де-факто официальными языками в Боснии и Герцеговине являются близкородственные боснийский, сербский и хорватский языки).

Уникальность современной языковой ситуации в Беларуси, таким образом, заключается в следующем:

а) государственное двуязычие существует в преимущественно мононациональной стране (основное этническое население страны – белорусы по национальности – составляет 84,9 %);

б) государственное двуязычие является близкородственным (государственные белорусский и русский языки являются наиболее близкородственными славянскими языками);

в) государственное двуязычие имеет глобальный характер (фактически отсутствуют одноязычные – белорусскоязычные – анклавы);

г) язык титульной нации и национального большинства (белорусский) реально занимает второстепенные позиции в официальных и неофициальных сферах общения.

Таким образом, основной парадокс современной языковой ситуации в Беларуси заключается в том, что язык национального большинства не является преимущественным языком общения в большинстве официальных и неофициальных сфер общения.

Белорусский национальный язык в XXI веке функционирует в Беларуси в нескольких разновидностях [7]:

- литературный язык 1 (литературный стандарт);
- литературный язык 2 («тарашкевица»);
- белорусские народные говоры;
- социальные диалекты;
- смешанная устная речь («трасянка»).

Важной особенностью современной языковой ситуации в Беларуси следует считать наличие двух вариантов литературно-письменного языка, а также тенденции к формированию новых подсистем и функциональных стилей белорусского языка.

Белорусский литературный язык (литературный стандарт) – высшая форма существования национального языка, которая имеет общенациональную значимость, характеризуется полифункциональностью и разнообразием письменных и устных жанров. Именно литературный белорусский язык является языком официальных документов, обязателен для использования в официальных сферах и изучения в школе. Система литературного языка и его нормы зафиксированы в нормативных словарях и грамматиках. Он функционирует в устной и письменной разновидностях, имеет длительную письменную традицию и строгие нормы орфографии. Литературная разновидность белорусского языка как государственного теоретически не имеет функциональных и социальных ограничений. Он достаточно широко используется во многих современных коммуникативных сферах, таких, как школьное образование, средства массовой информации, сфера звуковой и визуальной информации, художественное творчество и т. д., а также в той или иной степени присутствует в остальных сферах общения современного белорусского общества.

Сегодня нормативную базу белорусского литературного языка составляют «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» ў 5 т., 6 кн. (Мн., 1977–1984), «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (Мн., 1994; 3-е выд. – Мн., 2002), «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (Мн., 2016), акадэмічныя «Граматыка беларускай мовы» ў 2 т. (Мн., 1962–1964) і «Беларуская граматыка» ў 2 ч. (Мн., 1985–1986), нарматыўны «Слоўнік беларускай мовы» (Мн., 2012), цикл граматычных слоўнікаў «Граматычны слоўнік назоўніка», «Граматычны слоўнік дзеяслова», «Граматычны слоўнік прыметніка, займенніка, лічэбніка, дзеяслова» (Мн., 2012), «Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы» (Мн., 2017), энцыклапедыя «Беларуская мова» (Мн., 1994), Закон Рэспублікі Беларусь «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» (Мн., 2008), а такжэ разнаобразныя энцыклапедычныя, русско-белорускія і беларуско-рускія двуязычныя, тэрміналагічныя словары і т. д. Эты і другія фундаментальныя труды не толькі забяспечылі беларускому мову статус аднаго з найбольш даследаваных славянскіх моваў, но і высокі прэстыж акадэмічнага мовазнаўства ў славянскім свеце.

Второй вариант белорусского литературного языка («тарашкевица») получил распространение в коммуникативном пространстве Беларуси в конце XX века. Этот вариант письменного белорусского языка ориентирован на письменную традицию 20-х гг. XX века и письменную практику белорусскоязычного зарубежья. Он характеризуется особенностями фонетики и произно-

шения, словарного состава, морфологических, синтаксических и словообразовательных норм, а также часто рассматривается как параллельный, альтернативный вариант современного белорусского литературного языка.

С точки зрения места в системе разновидностей национального белорусского языка, нормативности и функционирования (наличие письменной и устной разновидностей, а также наличие значительного пласта письменных текстов, в том числе и современных), «тарашкевицу» можно рассматривать как своеобразный социально-культурный диалект, который занимает определенное место в общем коммуникативном пространстве страны.

Важной составной частью белорусскоязычного языкового пространства по-прежнему остаются *народные говоры* (фактически остатки системы традиционных народных белорусских говоров) – важная часть национального белорусского языка. На сегодняшний день народные говоры ограничены в своем использовании и функционально, и социально. Элементы народных говоров sporadически используются в устной речи, как правило, в сфере бытового общения преимущественно в сельской местности жителями пожилого возраста, а также встречаются в речи сельских жителей более молодого возраста и тех городских жителей, которые не утратили связей со своей малой родиной. Тем не менее и в XXI веке народные говоры оказывают определенное влияние на общую языковую стихию белорусского общества, используются в текстах художественной литературы, фольклоре и способствуют обогащению словарного состава литературного языка.

Реальностью языковой жизни Беларуси в XXI веке становятся и *социальные диалекты* (студенческий и молодежный сленг, компьютерный жаргон и т. д.). Если до недавнего времени эта разновидность национального языка была несвойственна белорусской действительности, то сейчас можно с определенной уверенностью говорить о формировании данной подсистемы белорусского национального языка. Элементы этих разновидностей национального белорусского языка в последнее время начинают активно проникать в язык СМИ, в сферу интернет-коммуникации, язык художественной литературы и т. д.

Наконец, говоря о системе национального белорусского языка в начале XXI века, нельзя обойти вниманием и такой феномен устной речи, как «*трасянка*» (разновидность смешанной устной речи, характеризующейся наличием элементов другой языковой системы). Для современного белорусского языкового пространства к «трасянке» в данном случае относится «преимущественно белорусская речь с элементами русского языка». В современной двуязычной языковой практике данная разновидность неофициальной устной речи получила достаточно широкое распространение и, по сути, сближается с так называемым городским просторечием.

Говоря о месте белорусского языка в современном двуязычном коммуникативном пространстве Беларуси, следует отметить и такую тенденцию, обусловленную в значительной степени процессами глобализации, как его активное проникновение в новые сферы коммуникации. Ярким примером этого может служить конфессиональная сфера и современное киберпространство. Сегодня реальным фактом языковой жизни Республики Беларусь является достаточно интенсивное включение белорусского языка в практическое богослужение в католическом костеле и, более постепенно, в православной церкви. Этому существенно способствует и активный перевод на белорусский язык текстов Святого Писания, а также другой религиозной литературы. Все это реально повышает престиж и функциональную значимость государственного белорусского языка в обществе, способствует формированию нового функционального (конфессионального) стиля современного белорусского языка, в котором отчетливо разграничиваются два подстиля: христианский православный и христианский католический. Постепенно белорусский язык начинает также проникать и в другие религиозные конфессии Беларуси.

Весьма важной и чрезвычайно востребованной новой сферой языковой жизни мирового сообщества в XXI веке стала сфера интернет-коммуникации, которая интенсивно расширяется и становится реальным вызовом для многих национальных языков мира, поскольку, по мнению специалистов, только полноценное присутствие национальных языков в киберпространстве является необходимым условием для их сохранения вообще. В этой связи следует отметить, что согласно исследованиям специалистов белорусский язык относится к числу национальных языков мира, которые достаточно комфортно чувствуют себя в киберпространстве [8]. Сегодня интенсивно

развивается белорусскоязычное внутринациональное информационное интернет-пространство, а также расширяется белорусскоязычный сегмент мирового киберпространства.

Таким образом, в период существования независимого белорусского государства белорусский национальный язык не только получил статус государственного, но и прошел значительный путь в плане увеличения количества своих разновидностей (подсистем) и функциональных стилей, а также расширения сфер функционирования. На сегодняшний день им в той или иной степени пользуются самые широкие слои населения для обеспечения коммуникативных потребностей.

Для более полного понимания реального места белорусского языка в современной языковой ситуации необходимо сравнить его с местом другого государственного языка – русского, который является важнейшей составной частью языковой ситуации в Республике Беларусь как государственный и преимущественный язык общения в большинстве сфер официального и неофициального общения.

В коммуникативном пространстве Беларуси русский национальный язык также представлен несколькими (но не всеми!) своими разновидностями:

- а) литературным языком (в устной и письменной формах);
- б) социальными диалектами (криминальный жаргон, студенческий и молодежный сленг и т. д.);
- в) городским просторечием (в отличие от русского просторечия в России в Беларуси эта разновидность национального русского языка представляет собой скорее устную русскую речь с элементами белорусской речи – своеобразная белорусская «русская трясанка»).

Практически не востребована в белорусском языковом пространстве такая важная разновидность русского национального языка, как русские народные говоры.

Русскоязычная компетенция граждан Республики Беларусь поддерживается системой школьного образования и его активным функционированием во всех сферах общения, прежде всего, в сфере государственного управления, образования, науки и т. д.

Фактологической базой поддержания русскоязычной компетенции служат авторитетные справочники и пособия по русскому языку, изданные в Российской Федерации, в том числе в Институте русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук.

Функционирование русского языка в ситуации близкородственного белорусско-русского двуязычия в Беларуси обеспечивается комплексом переводных русско-белорусских и белорусско-русских словарей, в том числе терминологических (см., например, [9]).

Для обеспечения нужд обучения русскому языку в стране созданы национальные комплекты учебников и учебных пособий по русскому языку для всех уровней образования.

Русский язык в Беларуси испытывает определенное влияние белорусского языка. Это находит свое отражение на всех уровнях языковой системы: произношения, лексики, словоупотребления, лексической сочетаемости и даже орфографии, что позволяет говорить о возможном формировании в будущем отдельного национального (белорусского) варианта русского языка.

Таким образом, в общем виде современную языковую ситуацию в Республике Беларусь определяет соотношение двух близкородственных государственных белорусского и русского языков в различных коммуникативных сферах, а основной задачей гармонизации языковой сферы в стране должно стать обеспечение двуязычной компетенции белорусского социума, паритетного использования государственных языков во всех сферах официального общения, а также гарантирование каждому гражданину Беларуси возможности получать необходимую для него информацию на любом государственном языке.

Современные процессы глобализации и динамика языковой ситуации в Беларуси. Вместе с тем современные глобализационные процессы современности, а также вовлечение Беларуси в осуществление крупнейших международных мегапроектов современности оказывают существенное влияние как на языковую ситуацию непосредственно в самой Беларуси, так и место белорусского языка в мире. Наглядным примером такого влияния может служить участие Беларуси в реализации инициативы «Один пояс и один путь».

Прежде всего, необходимо отметить, что геополитическое положение Беларуси, которая находится фактически на стыке западной и восточной цивилизаций, обуславливает актуализацию разнонаправленных (как с Запада, так и с Востока) процессов глобализации, а также разновек-

торность языкового взаимодействия и расширения. При этом, как представляется, следует говорить о трех наиболее значимых для языковой жизни страны глобализационных языковых тенденциях.

1. *Расширение языкового многообразия в Беларуси.*

С расширением международных связей Республики Беларусь, а также включением в реализацию крупнейших международных проектов и инициатив все больше языков мира становятся актуальными для белорусского общества. Это особенно очевидно в образовательной сфере, где постоянно увеличивается количество иностранных языков как учебных предметов. Например, только Минский государственный лингвистический университет сейчас осуществляет подготовку по 24 иностранным языкам: английскому, немецкому, французскому, испанскому, португальскому, итальянскому, шведскому, польскому, нидерландскому, китайскому, корейскому, японскому, арабскому, турецкому, персидскому, венгерскому, литовскому, финскому, чешскому, иврит, урду и др.

В то же время расширение международного политического, экономического, культурного и образовательного сотрудничества приводит к повышению интереса к белорусскому языку и белорусской культуре в других странах. Например, сегодня белорусский язык изучается в университетах Белостока, Варшавы, Кракова и Люблина (Польша), Праги и Брно (Чехия), Вильнюса (Литва), Киева (Украина), Братиславы и Прешова (Словакия), Вены (Австрия), Будапешта (Венгрия), Белграда (Сербия), Токио (Япония), Лейпцига и Ольденбурга (Германия), Харбина (Китай) и др. Поэтому вхождение белорусского языка в образовательное пространство других стран становится одним из государственных приоритетов в гуманитарной сфере, на что указывает включение в подпрограмму «Образование» государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (2021–2025) научно-исследовательского проекта «Разработать научно-методические основы преподавания белорусского языка как иностранного в аспекте уровневой концепции владения языком» (научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор А. М. Волочко). Целью этой программы является разработка теоретических основ преподавания белорусского языка как иностранного в аспекте уровневой концепции владения языком и соответствующего учебно-методического обеспечения коммуникативно ориентированных методик обучения белорусскому языку иностранцев.

2. *Включение английского языка в сферы внутринациональной коммуникации (англизированная интервенция).* Эти процессы затрагивают сферы образования, науки, бизнеса и т. д., что, с одной стороны, способствует расширению языковой компетенции белорусского общества и расширяет возможности международного сотрудничества в различных сферах, но, с другой стороны, таит в себе опасность вытеснения национального языка на этнокультурную периферию [2, с. 7].

3. Заметной тенденцией в языковой сфере белорусского общества также становится *постепенное вхождение китайского языка в современное языковое пространство Беларуси.* Этому способствует в первую очередь инициированный в 2013 году Китаем современный мегапроект «Один пояс и один путь», в реализацию которого активно включена и Республика Беларусь. Как отмечает Н. П. Баранова, «появление китайского языка в учебных заведениях страны – отражение специфики и особенностей современных общецивилизационных процессов, последовательного продуктивного развития белорусско-китайских отношений».

Недавно был дан новый импульс продвижению китайского языка в системе белорусского образования. Речь идет о подключении Беларуси к реализации инициативы «Один пояс, один путь». Успешность нашего участия в ней во многом будет зависеть от владения белорусскими специалистами китайским языком, готовности белорусской стороны использовать его как средство двустороннего информационного обмена в профессиональных контактах, от эффективного обеспечения различных видов коммуникации, а также, как убедительно свидетельствует сегодняшний день, от эффективного использования как средства познания в процессе образования. Соответственно, перед белорусской школой были поставлены задачи научить учащихся основам общения, обеспечить на этапе завершения школьного образования такой уровень владения разговорными нормами китайского языка, который позволит им в будущем успешно продолжать осваивать его в сфере избранной профессиональной деятельности.

В целях реализации поставленных задач еще в 2006 г. было заключено Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Государственной канцелярией Китайской Народной Республики по распространению китайского языка за рубежом [10, с. 31].

Знакомству с историей Китая, его культурой и традициями, а также изучению китайского языка в Беларуси во многом способствуют Институты Конфуция, созданные практически во всех ведущих университетах страны: «Большую работу по повышению мотивации школьников и студентов к изучению китайского языка и культуры проводят институты Конфуция. В последние годы их число в нашей стране увеличилось, обогатилось содержание деятельности, вырос контингент обучающихся. Сегодня только в Институте Конфуция МГЛУ успешно и увлеченно трудятся 16 волонтеров из Китая, из них 10 – в регионах республики: в Воложине (гимназия № 1), Гродно (гимназия № 1 имени академика Карского), Борисове (средняя школа № 12 и гимназия № 3), Молодечно (гимназия № 6 и гимназия № 10), Смолевичах (средняя школа № 2), Барановичах (средняя школа № 12), в Могилеве (гимназия № 3 и Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского государственного университета имени А. Кулешова). Просьбы о направлении волонтеров продолжают поступать из самых разных уголков Беларуси» [10, с. 32].

Китайский язык в современном языковом пространстве Беларуси. В настоящее время китайский язык является весьма существенным компонентом языковой ситуации в Республике Беларусь, а его присутствие в различных сферах коммуникации (устная и визуальная информация, образование, культура, деловая коммуникация и т. д.) становится все более заметным.

1. *Устная и визуальная информация.* Наглядным примером реального использования китайского языка в визуальной и звуковой информации является Национальный аэропорт «Минск-2», где вся информация для пассажиров последовательно дублируется на четырех языках: государственных белорусском и русском, а также английском и китайском.

2. *Образование (школьное и высшее).* В настоящее время китайский язык уверенно вошел в сферу среднего и высшего образования Беларуси, что подтверждает востребованность национальных кадров со знанием этого языка. Более того, с каждым годом увеличивается количество учащихся и студентов, изучающих китайский язык, а также постоянно расширяется сеть учреждений образования, в которых китайский язык включен в учебные программы как предмет изучения. Так, по словам министра образования Республики Беларусь, «в 2018/2019 учебном году в белорусских учреждениях высшего образования Республики Беларусь получали образование 3242 студента из КНР. Наиболее популярными направлениями обучения среди китайских граждан являются педагогика, иностранные языки, международные отношения, логистика, медицина, а также сфера культуры и искусств... В свою очередь, в Китае ежегодно проходят обучение около тысячи белорусских граждан. В качестве учебной дисциплины в Республике Беларусь китайский язык изучается в 14 вузах и 25 учреждениях общего среднего образования. Белорусские абитуриенты имеют возможность сдать централизованное тестирование по китайскому языку» [11, с. 4]. Также, по различным данным, в 2019/2020 учебном году в 30 школах Минска, областных и некоторых районных центрах китайский язык как обязательный предмет изучали 1188 учеников, в 100 школах более 4700 учеников изучали китайский язык факультативно. По данным на начало 2020/2021 учебного года, в 34 учебных заведениях Беларуси китайский язык изучается как основной предмет, в 44 – факультативно и еще в 39 – факультативно (платно).

Китайский язык изучается и во многих университетах Беларуси. Распространению китайского языка в сферу высшего образования способствует также интенсивный обмен студентами между нашими странами.

3. *Научно-производственная сфера.* Включению китайского языка в научно-производственную сферу в значительной степени способствует создание Белорусско-Китайского индустриального парка «Великий камень», на территории которого будут размещены производственные и жилые зоны, офисные и торгово-развлекательные комплексы, финансовый и научно-исследовательский центры. Проект развивается в рамках межгосударственного китайско-белорусского сотрудничества и подписанных соответствующих межправительственных документов. На сегодняшний день рабочими в индустриальном парке являются русский, китайский и английский языки. Также для сотрудников парка организованы курсы по изучению китайского языка.

Все более тесными становятся научные связи между Национальной академией наук Беларуси и академическими научными центрами Китая. Например, подписаны соглашения о сотрудничестве между НАН Беларуси и Китайской академией наук (2005), договор о научном сотрудничестве между НАН Беларуси, БРФФИ и Китайской академией общественных наук (2015), меморандум о намерениях в области научного сотрудничества между НАН Беларуси и Шанхайской академией общественных наук (2015), договор о научно-техническом сотрудничестве между НАН Беларуси и Академией наук провинции Шаньдун (2016), соглашение о намерениях по созданию Центра науки и техники в Китайско-Белорусском высокотехнологическом аэрокосмическом центре исследований и разработок в Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень» (2019) и т. д. [12].

Успешная реализация этих соглашений требует и соответствующей языковой компетенции всех сотрудничающих сторон (не только владения английским языком как языком-макропосредником, но и вовлечения в данную сферу международной научной деятельности как китайского, так и государственных белорусского и русского языков).

4. *Сфера культуры.* В настоящее время практически при всех университетах Беларуси созданы и действуют Институты Конфуция – международные культурно-образовательные центры по распространению китайской культуры и китайского языка за рубежом. Также в Беларуси часто выступают китайские художественные коллективы, проводятся разнообразные культурные мероприятия. Так, в 2011, 2012, 2015 и 2017 гг. проходили обменные Дни культуры, во время которых белорусская общественность имела возможность познакомиться с культурой и искусством современного Китая. В 2019 году в Минске с большим успехом прошли гастроли Пекинского оперного театра «Рейн Саншайн» («The Dtijing Suny Opera Theather»), основанного в 2016 году известным певцом-баритоном Лю Кэцином. 2 сентября 2019 года состоялось торжественное открытие очередных дней культуры Китая в Беларуси, во время которого был показан оперный спектакль «Военачальницы семьи Ян» [13]. Также в 2019 году в рамках «Года образования Беларуси в Китае» на базе Минского государственного лингвистического университета прошел первый республиканский фестиваль-конкурс китайской культуры «Легенды Поднебесной». В этом конкурсе, который проводился с целью углубления культурных связей между Беларусью и КНР в рамках инициативы «Один пояс и один путь», приняли участие более 100 студентов и школьников из разных городов Беларуси. Как отметила при открытии конкурса первый секретарь по делам образования посольства КНР в Беларуси Ли Вэньхуа, в настоящее время «наблюдается позитивная тенденция развития китайско-белорусских отношений», а у двустороннего сотрудничества имеется «огромный потенциал и прекрасные перспективы». Она также подчеркнула, что «для развития двусторонних отношений необходимо больше специалистов, которые знают язык другой стороны» [14].

Изучение белорусского языка в Китае. Современные процессы глобализации, участие в реализации крупных международных проектов, расширение двухстороннего сотрудничества между КНР и Республикой Беларусь способствуют не только распространению китайского языка и китайской культуры в Беларуси, но и продвижению белорусского языка и белорусской культуры в Китай, так как «в связи с реализацией стратегии «Один пояс и один путь» Китай придает большое значение увеличению количества изучаемых иностранных языков в стране, поскольку спрос на специалистов, владеющих малыми языками, становится все более востребованным» [15, с. 297].

Известно, что инициатива «Один пояс и один путь» объединяет более 60 стран мира. И Республика Беларусь, которая по своему географическому положению является важнейшим стратегическим узлом этой инициативы, приобретает особый интерес с точки зрения языковой подготовки китайских специалистов, в том числе и со знанием белорусского языка. Так, в последнее время в Китае начали работу 11 Центров изучения Беларуси и были открыты специальности и факультативы по белорусскому языку. В 2019 году в рамках Года образования Беларуси в Китае такой Центр открыт в Пекинском университете иностранных языков, который должен стать «благоприятной платформой для развития исследований, посвященных Беларуси, а также первым шагом по обучению специалистов в области белорусского языка». Здесь ведется «активная подготовка специалистов и создание учебных пособий для китайской аудитории», а в 2019 году

произведен набор студентов по специальности «Русский и белорусский языки». Учебная программа предполагает, что «студенты, изучающие русский язык на первом курсе бакалавриата, на втором приступают к изучению белорусского языка как дополнительной специальности. На третьем году обучения студенты поедут учиться в МГЛУ для углубленного изучения белорусского языка, а на четвертом вернуться в Китай, чтобы завершить обучение и защитить дипломную работу на белорусском или русском языке» [15, с. 298].

Таким образом, благодаря инициативе «Один пояс и один путь» белорусский язык в XXI веке получает шанс существенно расширить географию своего присутствия в мировом языковом пространстве, что будет способствовать повышению его престижа и в своей стране.

Заключение. Современные процессы глобализации и международной интеграции, расширение двусторонних связей, вовлечение различных стран в реализацию крупнейших международных проектов и инициатив оказывают непосредственное влияние на языковую сферу как в глобальном масштабе, так и на динамику языковых ситуаций отдельных стран и функционирование отдельных национальных языков.

Проведенное исследование показало, что вовлечение Республики Беларусь в реализацию китайской инициативы «Один пояс и один путь» приводит к заметным сдвигам в общем характере языковой ситуации в стране, что находит свое проявление в следующем:

- а) существенном расширении языковой компетенции белорусского общества;
- б) усилении роли английского языка как языка-макропосредника в современном белорусском коммуникативном пространстве;
- в) усложнении общей языковой ситуации в Республике Беларусь (в части «...расширение присутствия во внутринациональном белорусском языковом пространстве мировых языков»): китайский язык начинает занимать устойчивое место в ряде коммуникативных сфер белорусского общества (информационное пространство, образовательная, научно-техническая сфера и т. д.);
- г) повышении международного веса и престижа белорусского языка (белорусский язык активно включается в образовательное пространство Китая и других стран).

Таким образом, вопросы гармонизации языковой сферы современного белорусского социума и обеспечения паритетного функционирования белорусского языка как государственного должны решаться не только исходя из непосредственно внутринациональных интересов, так и с учетом его международного престижа и востребованности.

Список использованных источников

1. Глобализация. Процесс и последствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.calc.ru/Globalizatsiya-Protssess-I-Posledstviya.html>. – Дата доступа: 25.01.2021.
2. Лукашанец, А. Праявы моўнай глабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні: сутнасць, маштаб і ўплыў на сістэму / А. Лукашанец // Глобалізацыя і славянскае словаўтварэнне = Globalization and Slavic Word Formation : XVI Міжнар. з'езд славістаў (Сербія, Бялград, 19–27.08.2018) : тэмаг. блок / [А. А. Лукашанец і інш. ; навук. рэд. А. А. Лукашанец] ; Нац. акад. навук Беларусі, Беларус. кам. славістаў, Каміс. па славян. словаўтварэнні. – Мінск, 2019. – С. 4–15.
3. Белстат: для 61,2 % белорусов родной язык – белорусский [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/belstat-dlja-612-belorusov-rodnoj-jazyk-beloruskij-406281-2020/>. – Дата доступа: 27.01.2021.
4. Нікалаеў, М. В. Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага / М. В. Нікалаеў // Гісторыя беларускай кнігі : у 2 т. / пад агул. рэд. М. В. Нікалаева. – Мінск, 2009. – Т. 1. – С. 225–233.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
6. Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь : Закон Рэсп. Беларусь, 26 студз. 1990 г., № 3094-XI : у рэд. ад 13 ліп. 1998 г. № 187-3 // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 1998. – № 28. – Арт. 461.
7. Лукашанец, А. А. Государственные языки / А. А. Лукашанец // Республика Беларусь – 25 лет созидания и свершений : в 7 т. – Минск, 2020. – Т. 1 / ред.: В. П. Андрейченко [и др.]. – С. 553–595.
8. Kornai, A. Digital language death / A. Kornai // PLoS ONE. – 2013. – Vol. 8, № 10. – P. e77056. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0077056>
9. Русско-белорусский толковый словарь по металлургии и литейному производству / Нац. акад. наук Беларуси [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 739 с.
10. Баранова, Н. П. Китайский язык в системе образования Республики Беларусь / Н. П. Баранова // Выш. шк. – 2019. – № 6 (134). – С. 31–34.
11. Карпенко, И. В. Проведение Года образования Беларуси в Китае как залог интенсивного развития двух государств / И. В. Карпенко // Выш. шк. – 2019. – № 6 (134). – С. 3–5.

12. Карта сотрудничества [Электронный ресурс] // Национальная академия наук Беларуси. – Режим доступа: <https://nasb.gov.by/rus/activity/mezhdunarodnye-svyazi/map/index.php>. – Дата доступа: 28.01.2021.
13. Дни культуры Китая стартуют в Беларуси 31 августа [Электронный ресурс] // Белорусско-Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству. – Режим доступа: <http://www.belaruschina.by/ru/news/2019/August/30August-2038.html>. – Дата доступа: 28.01.2021.
14. В Беларуси состоялся первый фестиваль китайской культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/42135512-v-belarusi-sostoyalsya-pervyy-festival-kitayskoy-kultury/>. – Дата доступа: 28.01.2021.
15. Чжао Синь. Состояние и развитие белорусского языка в Китае (на примере обучения в ПУИЯ) / Чжао Синь // Мова, літаратура і культура ў адукацыйнай прасторы Беларусі і Кітая : зб. навук. арт. / Нац. ін-т адукацыі [і інш.]. – Мінск, 2020. – С. 296–299.

References

1. *Globalization. Process and consequences*. Available at: <https://www.calc.ru/Globalizatsiya-Protsess-I-Posledstviya.html> (accessed 25.01.2021) (in Russian).
2. Lukashanets A. Manifestations of language globalization in Slavic word formation: essence, scale and influence on the system. *Globalizatsiya i slavyanskoe slovoobrazovanie: XVI Mizhnarodny z'ezd slavistov (Serbiya, Bjalgrad, 19–27.08.2018)* [Globalization and Slavic word formation: XVI International Congress of Slavists (Belgrade, 19–27.08.2018)]. Minsk, 2019, pp. 4–15 (in Belarusian).
3. Belstat: For 61.2% of Belarusians, the native language is Belarusian. *BELTA*. Available at: <https://www.belta.by/society/view/belstat-dlja-612-belorusov-rodnoj-jazyk-belorusskij-406281-2020/> (accessed 27.01.2021) (in Russian).
4. Nikalaeu M. V. Book culture of the Grand Duchy of Lithuania. *Gistoryya belaruskaj knigi* [History of the Belarusian book]. Minsk, 2009, vol. 1, pp. 225–233 (in Belarusian).
5. *Constitution of the Republic of Belarus (with changes and additions adopted at the republican referendums on November 24, 1996 and October 17, 2004)*. 10nd ed. Minsk, National Center for Legal Information of the Republic of Belarus, 2014. 62 p. (in Russian).
6. On languages in the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus. Belarus from January 26. 1990 № 3094-XI: ed. from 13 July. 1998 № 187-3. *Vedamasti Natsyyanal'naga skhodu Respubliki Belarus'* [Bulletin of the National Assembly of the Republic of Belarus], 1998, no. 28, art. 461 (in Belarusian).
7. Lukashanets A. A. State languages. *Respublika Belarus' – 25 let sozidaniya i svershenii* [Republic of Belarus – 25 years of creation and achievements]. Minsk, 2020, vol. 1, pp. 553–595 (in Russian).
8. Kornai A. Digital language death. *PLoS ONE*, 2013, vol. 8, no. 10, p. e77056. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0077056>
9. *Russian-Belarusian explanatory dictionary on metallurgy and foundry production*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2020. 739 p. (in Russian).
10. Baranova N. P. Chinese in the education system of the Republic of Belarus. *Vysheishaya shkola* [Higher School], 2019, no. 6 (134), pp. 31–34 (in Russian).
11. Karpenko I. V. Carrying out the Year of Education of Belarus in China as a guarantee of intensive development of the two states. *Vysheishaya shkola* [Higher School], 2019, no. 6 (134), pp. 3–5 (in Russian).
12. Map of cooperation. *National Academy of Sciences of Belarus*. Available at: <https://nasb.gov.by/eng/activity/mezhdunarodnye-svyazi/map/index.php> (accessed 28.01.2021).
13. Days of Chinese culture start in Belarus on August 31. *Belarusian-Chinese Intergovernmental Committee on Cooperation*. Available at: <http://www.belaruschina.by/ru/news/2019/August/30August-2038.html> (accessed 28.01.2021) (in Russian).
14. *The first festival of Chinese culture took place in Belarus*. Available at: <https://news.rambler.ru/other/42135512-v-belarusi-sostoyalsya-pervyy-festival-kitayskoy-kultury/> (accessed 28.01.2021) (in Russian).
15. Zhao Xin. The state and development of the Belarusian language in China (on the example of studying at PUIA). *Mova, litaratura i kul'tura u adukatsyynaj prastory Belarusi i Kitaya: zbornik navukovykh artykulau* [Language, literature and culture in the educational space of Belarus and China: a collection of scientific articles]. Minsk, 2020, pp. 296–299 (in Russian).

Информация об авторах

Пань Юйцинь – кандидат филологических наук, преподаватель. Институт иностранных языков Яньаньского университета (ул. Шэндилю, 580, 716000, Яньань, провинция Шэньси, Китайская Народная Республика). E-mail: vera830901@hotmail.com

Лукашанец Александр Александрович – академик, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alukashanets@tut.by

Information about the authors

Yuqin Pan – Ph. D. (Philol.), Lecturer in the Institute of foreign languages, Yan'an University (580 Shengdilu Str., Yan'an, Shaanxi province 716000, China). E-mail: vera830901@hotmail.com

Aleksandr A. Lukashanets – Academician, D. Sc. (Philol.), Professor, Chief Researcher of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: alukashanets@tut.by

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 766:005.92(476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-200-206>

Поступила в редакцию 17.04.2020
Received 17.04.2020

Г. А. Гонжуров

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

**ГРАФИКА ЕДИНИЦ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (1991–2019 гг.)**

Аннотация. Рассматривается такое комплексное явление в современной прикладной графике Беларуси, как графика единиц документооборота (1991–2019 гг.). В указанный период белорусские бланки ценных бумаг, документы, печати и т. д. анализировались преимущественно в сфере визуальной защиты документов. Вместе с тем высокие эстетические качества, а также ряд уникальных свойств государственной прикладной графики как результат особого синтеза художественности и функциональности, сочетания возможностей разных видов творчества (графики, типографики, полиграфического мастерства, гравюры, оттиска и др.) позволяют рассматривать их с позиции искусствоведения. Можно утверждать, что сегодня белорусские документы, бланки, печати и т. д. сформировались как комплексное явление и приобрели индивидуальный художественный стиль. Постоянный поиск новых визуальных решений, смыслов и культурных концептов сформировал уникальную для нас традицию оформления произведений государственной прикладной графики Беларуси. Проведен художественный анализ основных единиц государственного документооборота, выявлены закономерности стилиобразующих решений их визуальных образов, разработана периодизация и дана классификация этого явления культуры. Основываясь на полученных результатах, представлена общая схема классификации произведений государственной прикладной графики Республики Беларусь (1991–2019 гг.).

Ключевые слова: графика, прикладная графика, паспорт, государство, искусствоведение, художественное оформление, документооборот, Республика Беларусь, визуальный язык

Для цитирования: Гонжуров, Г. А. Графика единиц государственного документооборота Республики Беларусь (1991–2019 гг.) / Г. А. Гонжуров // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 200–206
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-200-206>

Hieorhij A. Hanžuraŭ

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

**GRAPHICS OF UNITS OF THE STATE DOCUMENT OF TURNOVER
OF THE REPUBLIC OF BELARUS (1991–2019)**

Abstract. We consider such a complex phenomenon in the modern applied graphics of Belarus as the schedule of workflow units (1991–2019). During this period, Belarusian forms of securities, documents, seals, etc. were analyzed mainly in the field of visual protection of documents. At the same time, high aesthetic qualities, as well as a number of unique properties of state applied graphics, as a result of a special synthesis of artistry and functionality, a combination of the possibilities of different types of creativity (graphics, typography, printing skills, engravings, prints, etc.) allow us to consider them from the perspective of art. It can be argued that today Belarusian documents, letterheads, seals, etc. formed as a complex phenomenon and acquired an individual artistic style. The ongoing search for new visual solutions, meanings and cultural concepts has formed a unique tradition for us to design works of state applied graphics in Belarus. An artistic analysis of the basic units of the state document flow was carried out, patterns of style-forming decisions of their visual images were revealed, periodization was developed and a classification of this cultural phenomenon was given. Based on the results obtained, a general classification scheme is presented for the works of state applied graphics of the Republic of Belarus (1991–2019).

Keywords: graphics, applied graphics, passport, state, art history, art decoration, flow of documents, Republic of Belarus, visual language

For citation: Hanžuraŭ H. A. Graphics of units of the state document of turnover of the Republic of Belarus (1991–2019). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 200–206 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-200-206>

Введение. После принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь в 1990 г. началась разработка собственного визуального языка единиц государственного документооборота [1]. Перед отечественными художниками встала задача сформировать знаково-символьную систему как графическое воплощение белорусской государственности и этнической идентичности. Одновременно эволюционировала и совершенствовалась система художественных образов, с помощью которых Беларусь смогла вписаться в общемировую канву проектирования произведений прикладной графики (документы, бланки, печати и др.).

Концептуальное осмысление графики, создаваемой для государственной документации, представлено в исследованиях советского периода «Цеховая графика» (1969 г.) и «Шрифт в промышленной графике» (1973 г.) [2; 3]. Значительный антропологический опыт раскрывается в монографии А. Байбурина «Советский паспорт: история – структура – практики» (2017 г.) [4]. В современной научной практике исследуется визуальная защита белорусских документов, бланков, печатей и др., которые анализируются с позиции технических наук. Примером такого подхода служат работы Л. Корочкина¹ [5]. Из искусствоведческих исследований можно выделить статью Л. Корочкина и Н. Сильвановича [6] о современных методах художественного оформления документов и ценных бумаг. Иллюстративный материал по теме исследования взят из открытых справочников и ресурсов сети Интернет. Среди физических носителей можно выделить «Атлас паспортов» в 10 томах, выпускаемый белорусской компанией ООО «Регула», которая специализируется на производстве оборудования для проверки подлинности документов, а также веб-сайты предприятий отечественного РУП «Минская печатная фабрика» Гознака и РУП «Издательство «Белорусский Дом печати» [7].

Основная часть. Традиция художественного оформления государственных документов, бланков и печатей Беларуси начала формироваться в 1918 г. Памятниками этого исторического периода белорусской государственности (март–декабрь 1918 г.) являются дипломатический и гражданский паспорта, гербовая печать и почтовые марки [8, с. 54–80]. В стадии проекта остались чертежи государственных наград белорусского архитектора Л. Дубейковского². Автором почтовых марок являлся латвийский художник Р. Зариньш³. Авторство остальных произведений на сегодняшний день не установлено⁴, что представляет интерес для историко-искусствоведческого исследования.

Следует отметить, что на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. господствовали польский документооборот и соответствующие денежные знаки. В БССР и других советских республиках с 1930-х гг. созданием государственных бумаг централизованно занимались художники советского Гознака, распространяя единую художественную концепцию на все республики, входившие в состав СССР [4, с. 91]. Наибольшее влияние на советскую систему художественного оформления документов, банкнот и государственных наград оказал главный художник Гознака И. Дубасов (1897–1988), который долгие годы создавал эскизы и оригиналы многих советских денежных знаков, государственных наград и почтовых марок.

На современном этапе создание, производство и выпуск всех бланков ценных бумаг, документов, печатей и др. регулируется РУП «Минская печатная фабрика» Гознака⁵, в структуру которого

¹ Автор более 50 научных работ, двух монографий, 10 авторских свидетельств и 20 патентов в области защиты бланков ценных бумаг и документов.

² Белорусский архитектор, инженер-строитель, педагог (1869–1940 гг.). Выпускник Академии архитектуры в Париже (1909 г.). Работал в стилях неоготики, модерна.

³ Латвийский художник (1869–1939 гг.). График, популяризатор латышского народного искусства, автор рисунка герба и денежных знаков Латвии (1921 г.).

⁴ В Украине в эти годы работал художник Г. Нарбут (1886–1920 гг.), который создал проект украинского герба, почтовых марок и денежных знаков, сформировав тем самым фундамент художественной системы прикладной графики Украины.

⁵ В структуру входят четыре отдельных предприятия, каждое из которых осуществляет разработку в узкоспециализированных областях: РУП «Криптотех» Гознака, РУП «Издательство «Белбланкавыд», РУП «Бобруйская укрупненная типография имени А. Т. Непогодина», УП «Бумажная фабрика» Гознака. В дополнение к ним функционирует РУП «Издательство «Белорусский Дом печати».

входит несколько предприятий. Информация о художниках, работающих на этих предприятиях, в свободном доступе не представлена, известны лишь некоторые авторы, например, И. Гридин¹.

Бланки ценных бумаг, документы, печати и др. представляют собой комплексное явление, художественное оформление которого чрезвычайно разнообразно, и образуют три группы.

Первая группа – *государственные бланки*. В соответствии с функциональным назначением и выявленными закономерностями в художественном облике бланки можно сгруппировать следующим образом: свидетельства, аттестаты, дипломы, трудовая книжка, лицензии, билеты на авто-, железнодорожный транспорт, лотерейные билеты. Данная группа является самой большой по количеству входящих в нее произведений государственной прикладной графики, но в то же время характеризуется умеренным художественным оформлением. Так, тиснение государственного герба на обложках выполнено без позолоты, цветные геометрические узоры внутри документов имеют пониженную контрастность для удобства заполнения документа текстовой информацией, а маловыразительные в образно-художественном отношении рисунки видны только в УФ-лучах. Во многом это обусловлено узким функциональным назначением данных документов.

Вторая группа – *удостоверение личности* – включает паспорт, вид на жительство, удостоверение беженца и др. Выявлена следующая тенденция: чем шире функциональность документа, тем разнообразнее в его оформлении используемые художественные образы. Так, например, применяются уникальные геометрические сетки и узоры, графические знаки, характерные только для Беларуси и выделяющие ее в международном сообществе; наблюдается богатое повествование внутренних рисунков, видимых только в УФ-свете. Наиболее выразительными примерами оформления являются дипломатический паспорт образца 1993 г., проездной документ образца 1996 г. и национальное удостоверение личности моряка образца 1996 г. Отдельно следует отметить крупный рисунок национального орнамента, видимого в УФ-лучах, на типовых страницах военного билета.

Анализируя весь спектр художественных решений, лежащих в основе белорусских удостоверений личности, можно выделить доминирующие по графическому и смысловому наполнению произведения. Среди них основополагающими в документальной иерархии являются бланки паспортов. Они наиболее интересны для рассмотрения с позиции искусствоведения, так как имеют насыщенное художественно-графическое оформление. По словам А. Байбурина, паспорт одновременно совмещает в себе и предметность, и символичность, и ритуализованные практики [4, с. 3]. Существуют три разновидности белорусских паспортов: *гражданский*, *служебный* и *дипломатический*. Внешне они отличаются по цвету обложки (синяя, бордовая, зеленая) и названию. Основные версии документов – образцы 1993, 1996 и 2010 гг. Ряд паспортов образца 1993 г. имеет более разнообразное внутреннее графическое оформление.

Сравним художественное оформление форзацев и типовых страниц гражданского и дипломатического паспортов образца 1993 г. В основе их образно-символьных решений лежат абсолютно разные элементы. В первом случае на переднем форзаце изображен государственный герб (1991–1995 гг.) в обрамлении геометрического орнамента, в ключевых узлах которого лежит орнаментальная восьмиконечная розетка. На типовых страницах размещен контурный симметричный рисунок розетки в овале, характеризующийся плавностью линии и растительными мотивами. Здесь следует отметить схожесть формы контура с растительными мотивами слуцких поясов. Использование данного компонента молодой республикой свидетельствует о преемственности связей с искусством и культурой белорусского шляхетского прошлого. Тема слуцких поясов глубоко проработана отечественными искусствоведами Л. Якуниной, Б. Лазуко, И. Скворцовой и др. Прослеживается совпадение растительного рисунка на типовых страницах гражданского паспорта образца 1993 г. с иллюстрацией в книге Л. Якуниной «Слуцкія паясы» (1960 г.) [9, ил. XLI]. И это явление не единично. В исследованиях Б. Лазуко описываются варианты «переложения» орнаментации слуцких поясов на формы современных бытовых предметов, в которые положен принцип цитирования, предусматривающий выделение в первообразе наиболее выразительных и отличительных черт, что обуславливает передачу характерной образности пояса, его узнаваемой стилистики [10, с. 75].

¹ Белорусский художник «Белорусского Дома печати» (1929 г.). Мастер плаката. Автор многочисленных произведений белорусской почтовой графики.

Поверх геометрически-растительной композиции наложен рисунок, видимый только в УФ-лучах. Он представлен в виде двух листов папоротника. Скрупулезность проработки его образа выражена в зашифрованном в волокнах листа микротексте, состоящем из фамилий авторов паспорта: художника И. Гридина и руководителя разработки Б. Кутового¹.

Таким образом, в основе визуального решения гражданского паспорта образца 1993 г. лежат растительные мотивы слущких поясов, фольклорная мифопоэтика, отображенная в виде листьев папоротника с добавлением геометрических орнаментальных образов из народного декоративно-прикладного искусства.

В художественном оформлении дипломатического паспорта образца 1993 г. используется комплекс визуальных образов национальной культуры. Передний форзац документа кардинально отличается от гражданского паспорта. Государственный герб (1991–1995 гг.) обрамляет сложный защитный узор без привязки к национальным художественным образам. Более богато решены и типовые страницы. На них представлен мифопоэтический сюжет, образы которого характерны для белорусской культуры. В основе защитного паттерна лежит образ шестиконечного креста Ефросиньи Полоцкой. Центральный щит заполнен строгим ромбовидным орнаментом и обрамлен государственной символикой (1991–1995 гг.). Завершается композиция художественными образами народной культуры – стилизованными под вышивку васильками, расположенными внизу страницы. Развитию сюжета способствует изображение, видимое в УФ-лучах. Вся страница, кроме центрального щита, заполнена паттерном, состоящим из текста с названием страны на белорусском и английском языках. В нижней части страницы расположены профильные образы белорусской фауны – зубры, которые «шагают» сквозь поле «вышитых» васильков. На примере данного образа наблюдается концептуальная связь оформления бланков документов и денежных знаков того периода. Изображение зубра позаимствовано с купюры достоинством 100 рублей образца 1992 г. Таким образом, на страницах паспорта представлен особый мифопоэтический сюжет, состоящий из художественных образов народной культуры и животного мира Беларуси.

В связи с изменением государственной символики в 1995 г. встал вопрос о переформатировании знаково-графических элементов всех произведений государственной прикладной графики. При оформлении паспортов образца 1996 г. была внедрена новая семиотическая система. В результате все разновидности паспорта (гражданский, служебный и дипломатический) имели однородное оформление, переосмысливалась лишь их художественно-графическая составляющая. Незначительные правки в оформление вносились на протяжении всего второго периода (1996, 2003 и 2010 гг.) для совершенствования внешнего облика документа и повышения степени его защиты. В центре типовых страниц паспорта изображен геометрический орнамент, являющийся частью государственного флага. Рисунок, видимый только в УФ-лучах, на всех паспортах приведен к единому виду и представлен двумя листьями папоротника с небольшими дополнениями в типографике. В нем раскрывается своеобразный мифопоэтический сюжет, характерный для белорусской народной культуры, где на счастье и удачу человек носит с собой листья папоротника внутри небольшой книжки, наподобие гербария. На заднем форзаце разработана новая усложненная композиция с симметричными элементами геометрического орнамента – две восьмиконечные розетки розового и фиолетового цвета в обрамлении защитной сетки в виде пересекающихся окружностей. Данный образ можно рассматривать как декоративное украшение документа, которое не несет в себе метафорических смыслов о связи человека-гражданина со своей Родиной-страной.

Переосмысленное художественное оформление паспортов образца 1996 г. можно считать концептуально более цельным, с выверенной семиотической системой визуальных образов, которые дублируются и на произведения других групп, например, на бланках свидетельства о государственной регистрации индивидуального предпринимателя и др.

Доминирующее положение паспорта в ряду других государственных документов и бланков отразилось и в инсталляционной деятельности. В 2016 г. в выставочной галерее «У» в Минске

¹ Генеральный директор РУП «Издательство «Белорусский Дом печати» (1985–2007 гг.), выпускник Львовского полиграфического института (1960 г.), лауреат двух почетных грамот ВС БССР. Имеет почетное звание «Заслуженный работник промышленности Республики Беларусь». Кавалер ордена Трудового Красного Знамени.

прошла персональная выставка художника А. Слободчиковой¹ под названием «9 месяцаў, 22 дні», на которой одним из объектов экспонирования являлась инсталляция с гражданским паспортом автора образца 1993 г. [11].

Третья группа представлена *государственными печатями, штампами* и др. Их художественное оформление зависит от сферы применения. Как известно, выпуском печатей занимаются специальные штемпельно-граверные мастерские. Выделяют три вида печатей: гербовую, простую и штамп. Цвет мастики законом не стандартизирован, однако рекомендуется использовать синие или фиолетовые оттенки. В специальных ведомствах в гербовой печати допускается применение красной или зеленой мастики. В целом графический облик оттисков сложно назвать богатым и разнообразным: в гербовой печати доминирует антиква с контурным изображением государственного герба. В простых печатях и штампах оттиск представляет собой простую типографику. Для разнообразия художественного образа печатей можно предложить использование изображений областных, районных или городских гербов в простых печатях в зависимости от расположения и регистрации государственных органов и субъектов хозяйствования. Это повысит художественную уникальность оттисков, внесет визуальное разнообразие в документооборот и будет способствовать культурному просвещению.

Исходя из накопленного фактического материала и прослеживаемых закономерностей использования тех или иных художественных образов, разработана следующая периодизация явления.

1. *Интенсивное формирование национальных художественно-символьных решений* (1991–1995 гг.). С 1991 по 1993 г. действовала отсрочка на изготовление произведений государственной прикладной графики, закрепленная Законом Республики Беларусь «О названии Белорусской Советской Социалистической Республики» [12]. В этот период велась усиленная работа во всех сферах государственной прикладной графики. Над созданием произведений работала специально сформированная государственная комиссия, в которую входили художники, искусствоведы, историки и др. Спешка при разработке была обусловлена переходным периодом, который составлял всего два года, и схожестью пластической образности с государственным гербом Литвы, из-за чего необходимо было как можно быстрее представить отличительный графический эталон белорусского государственного герба (1991–1995 гг.). В результате недостаточное внимание было уделено разработке малых форм, а именно гербовой печати. Очевидно, что к эталону необходимо было разработать отдельное дополнение миниатюрного изображения герба, которое было бы адаптировано к небольшому отображению на оттисках. На этом этапе в разработке произведений участвовали отечественные художники Е. Кулик², В. Круковский³, М. Купава⁴ и др.

2. *Переосмысление, выработка и закрепление традиции исполнения произведений государственной прикладной графики* (1996–2019 гг.). Данный период характеризуется принятием новых государственных символов (1995 г.), в результате чего возникает необходимость в кардинальном переосмыслении сформированной ранее художественно-семиотической модели. На этом этапе все произведения государственной документации подвергаются художественной корректировке и переработке. Изменяется колористическая модель произведений – к доминирующему красному добавляется зеленый цвет, их дополняют белые акценты. В течение первых лет данного периода уточняется и совершенствуется графический эталон нового государственного герба в различных исполнениях (цветной, монохромный, контурный). Происходят изменения и в изображении государственного флага (уточняются положение и масштаб орнаментальной части, цвета стандар-

¹ Белорусский художник-живописец, художник-перформер. Выпускница МХУ имени Глебова (1998 г.). Выпускница БГАИ (2004 г.). Член БСХ (2005 г.). Участница многочисленных персональных и коллективных выставок в Беларуси и за рубежом. Работает в сферах инсталляции, живописи, графики, коллажа.

² Белорусский художник-график (1937–2002 гг.). Выпускник МХУ (1957 г.). Выпускник БГТХИ (1963 г.). Участник республиканских и всесоюзных выставок (с 1963 г.). Работал в области станковой и книжной графики.

³ Белорусский художник-плакатист (1937 г.). Участник выставок (с 1970 г.). Выпускник ВГПИ имени С. М. Кирова (1972 г.). Член БСХ (1975 г.). Художественный редактор журналов «Маладосць», «Мастацтва Беларусі», «Спадчына».

⁴ Белорусский художник (1946 г.). Выпускник БГТХИ (1976 г.). Член БСХ (1978 г.). Работает в области книжной и станковой графики, акварели, живописи и эклибриса. Автор художественного оформления более 30 книг и альбомов. Участник более 70 национальных, персональных и международных выставок.

тизируются согласно мировым цветовым моделям). Эталонные графические образы хранятся в Национальной библиотеке в цифровом виде. Главным художником в это время является И. Гридин. К середине периода постепенно формируется единая художественная модель произведений, распространяющаяся на все производства отечественного Гознака и «Белорусского Дома печати». Последние годы периода характеризуются сокращением разновидностей произведений государственной прикладной графики, поскольку они постепенно переводятся в электронный вид, в результате чего теряют свой художественный образ и физический облик.

3. *Полный переход к художественно-цифровым технологиям в условиях цифровизации и глобализации (2020–2050 гг.)*. Данный период можно отнести к футурологии в области белорусской прикладной графики. Повсеместное распространение информационных технологий преобразовывает устоявшиеся произведения и понятия. Художественное оформление пластиковых документов становится вторичным. Преобладают упрощенная семиотическая система и типографика. Контурный рисунок государственного герба перестает играть главенствующую роль в качестве первично считываемой информации с обложки документа. Изменяется формат удостоверений личности и государственных документов в целом. Пронумерованные и сшитые страницы бланков книжки заменяются пластиковой ID-картой, которая одновременно может играть роль паспорта внутри страны, международного водительского удостоверения, трудовой книжки, ученического, студенческого, читательского билета и др. Вместо рисунка герба, как правило, на ID-картах изображается флаг страны для графического упрощения и ускорения считывания визуальной информации третьим лицом. В результате государственная прикладная графика идет по пути оцифровки, трансформируясь в компьютерную графику и цифровые технологии. Вместе с тем нельзя утверждать, что пластиковые документы просуществуют продолжительное время. Жизнь стремительно изменяется, и к середине XXI в. удостоверение личности может лишиться физической обложки. Уже сегодня компетентным структурам следует рассмотреть идею создания национальной системы художественного оформления в информационной среде удостоверения личности, всевозможных видов государственных документов и бланков (дипломов, аттестатов, трудовых книжек и т. д.).

Заключение. Таким образом, на основании анализа вышеизложенных фактов можно сделать следующие ключевые выводы. *Во-первых*, выявлена тенденция к сокращению визуального разнообразия в единицах документооборота из-за постепенного их перехода в электронный вид, что в свою очередь требует создания аутентичной графической системы уже в веб-среде. *Во-вторых*, необходимо обратить внимание на маловыразительность в образно-художественном отношении рисунков, видимых в УФ-свете, в таких важных государственных бланках, как трудовая книжка, дипломы, свидетельства, водительское удостоверение и т. д. *В-третьих*, введение ряда геральдических символов в оттиски простых печатей повысит художественное разнообразие визуальной культуры белорусского документооборота и косвенно будет выполнять образовательную функцию. *В-четвертых*, актуальными остаются проблемы разработки художественных образов изображений, видимых в УФ-свете. Удачными примерами можно назвать разработку растительных мотивов в паспорте и народного орнамента в военном билете, формирующих аутентичную связь современной белорусской культуры с «кодом» нации. *В-пятых*, такая консервативная, конфиденциальная, охраняемая и имеющая отношение к государственной безопасности область творчества нуждается в современных подходах к художественному оформлению типовых страниц и обложек. В качестве примера подойдет прием сторителлинга (концепции повествования в рамках одной темы через художественные образы). На данный момент преобладает знаково-символьный характер изображений.

Высокие эстетические качества и ряд уникальных свойств государственной прикладной графики как результат особого синтеза художественности и функциональности, сочетания возможностей разных видов творчества позволяют утверждать, что сегодня художественное оформление единиц белорусского документооборота сформировалось как комплексное явление и приобрело индивидуальный художественный стиль. Непрерывающийся поиск новых художественных решений, смыслов и культурных концептов сформировал уникальную для нас традицию оформления произведений государственной прикладной графики Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О государственном суверенитете Республики Беларусь : Декларация Респ. Беларусь, 27 июля 1990 г., № 193-XII // Ведомости Вярх. Савета Рэсп. Беларусь. – 1991. – № 31. – Арт. 536.
2. Цеховая графика : [рекомендации] / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т техн. эстетики Гос. ком. Совета Министров СССР по науке и технике. – М. : [б. и.], 1969. – 75 с.
3. Шрифт в промышленной графике : [практик. пособие для художников-конструкторов] / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т техн. эстетики Гос. ком. Совета Министров СССР по науке и технике. – М. : [б. и.], 1973. – 59 с.
4. Байбури́н, А. Советский паспорт: история – структура – практики / А. Байбури́н. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 486 с.
5. Корочкин, Л. С. Способы защиты и идентификации документов : учеб.-метод. пособие / Л. С. Корочкин. – Минск : БГТУ, 2018. – 85 с.
6. Корочкин, Л. Современные методы дизайна банкнот и документов / Л. Корочкин, Н. Сильванович // Банк. весн. – 2004. – № 6. – С. 47–50.
7. Атлас паспортов : [200 док. в одном томе] : в 10 т. / сост.: В. Г. Станкевич, И. П. Шумский. – Минск ; М. : Регула, 2002–2019. – 10 т.
8. Arche Пачатак : навуковы, навукова-папулярны і літаратурна-мастацкі часопіс / заснавальнік Таварыства з абмежаванай адказнасцю «Гайсак». – Мінск : Гайсак, 2018. – № 2. – С. 54–80.
9. Якуніна, Л. І. Слуцкія паясы / Л. І. Якуніна. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1960. – 237 с.
10. Лазука, Б. А. Слуцкія паясы: адраджэнне традыцый [Выяўленчы матэрыял] / Б. А. Лазука. – Мінск : Беларусь, 2013. – 126 с.
11. Персанальная выстава Антаніны Слабодчыкавай «9 месяцаў, 22 дні» [Электронны рэсурс] // Галерэя сучаснага мастацтва «Ў». – Рэжым доступу: <http://ygallery.by/exhibitions/ypadzemka/0010585>. – Дата доступу: 08.08.2019.
12. О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР : Закон Респ. Беларусь, 19 сент. 1991 г., № 1085-XII // Ведомости Вярх. Савета Рэсп. Беларусь. – 1991. – № 30. – Арт. 490.

References

1. On the state sovereignty of the Republic of Belarus: Declaration of the Republic of Belarus, 27 July 1990, no. 193-XII. *Vedamastsi Vyarkhounaga Saveta Respubliki Belarus'* [Journal of the Republic of Belarus of the Supreme Council], 1991, no. 31, p. 536 (in Russian).
2. All-Union Scientific Research Institute of Technical Aesthetics of the State Committee of the Council of Ministers of the USSR for Science and Technology. *Guild graphics*. Moscow, 1969. 75 p. (in Russian).
3. All-Union Scientific Research Institute of Technical Aesthetics of the State Committee of the Council of Ministers of the USSR for Science and Technology. *Font in industrial graphics*. Moscow, 1973. 59 p. (in Russian).
4. Baiburin A. *Soviet passport: history – structure – practices*. St. Petersburg, Publishing House of the European University, 2017. 486 p. (in Russian).
5. Korochkin L. S. *Methods of protection and identification of documents*. Minsk, Belarusian State Technological University, 2018. 85 p. (in Russian).
6. Korochkin L. Modern methods of design of banknotes and documents. *Bankauski vesnik* [Banking Bulletin], 2004, no. 6, pp. 47–50 (in Russian).
7. Stankevich V. G., Shumskii I. P. (comp.). *Atlas of passports*. Minsk, Moscow, Regula Publ., 2002–2019. 10 vol. (in Russian).
8. *Arche Pačatak : navukovy, navukova-papularny i litaraturna-mastacki časopis* [Arche Beginning : scientific, popular scientific and literary and art magazine]. Minsk, Hajsak Publ., 2018, no. 2, pp. 54–80 (in Belarusian).
9. Yakunina L. I. *Slutsk belts*. Minsk, Publisher Academy of Sciences of BSSR, 1960. 237 p. (in Belarusian).
10. Lazuka B. A. *Slutsk belts: revival of traditions*. Minsk, Belarus' Publ., 2013. 126 p. (in Belarusian).
11. Personal exhibition of Antonina Slobodchikova “9 months, 22 days”. *Gallery of contemporary art “Ў”*. Available at: <http://ygallery.by/exhibitions/ypadzemka/0010585> (accessed 08.08.2019) (in Russian).
12. On the name of the Belarusian Soviet Socialist Republic and amendments to the Declaration of the Supreme Council of the Belarusian Soviet Socialist Republic on state sovereignty of the Belarusian Soviet Socialist Republic and the Constitution (Basic Law) of the Belarusian SSR: Law of the Republic of Belarus, 19 September 1991, no. 1085-XII. *Vedamastsi Vyarkhounaga Saveta Respubliki Belarus'* [Journal of the Republic of Belarus of the Supreme Council], 1991, no. 30, art. 490 (in Russian).

Информация об авторе

Гонжуров Георгий Александрович – магистр искусствоведения, аспирант. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: gongzhurov.george@gmail.com.

Information about the author

Hieorhij A. Hanžuraŭ – MA (Arts.), Postgraduate Student. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: gongzhurov.george@gmail.com.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА
LITERARY SCIENCE

УДК 821.162.1 (092)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-207-214>

Паступіў у рэдакцыю 06.11.2020
Received 06.11.2020

М. М. Хмяльніцкі

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

**БЕЛАРУСЬ ЯК МАЛАЯ ГІСТАРЫЧНАЯ РАДЗІМА
Ў ТВОРЧАСЦІ ПОЛЬСКІХ ПАЭТАЎ 1918–1939 ГГ.
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ПАЭЗІІ К. ВЯЖЫНСКАГА І С. БАЛІНСКАГА)**

Анотацыя. Стат'я посвячана выяўленню месца і ролі Беларусі як малой родины в творчестве польских поэтов Казимира Вежинского и Станислава Балинского (1918–1939 гг.). Раскрыты аксиологические координаты, идейно-творческие приоритеты лирического героя, охарактеризованы формы и уровни художественного воплощения темы малой исторической родины (хронотоп, реалии, образы-символы, прецедентные имена, пейзаж, художественный язык) в поэзии исследуемых авторов. Творчество К. Вежинского и С. Балинского проанализировано через призму литературной и фольклорно-мифологической традиций, межкультурного диалога. Определена специфика художественного отражения Беларуси и белорусов в поэзии К. Вежинского и С. Балинского (влияние белорусско-польского пограничья, связь истории с современностью, фольклорный компонент, мифологический дискурс, реалистический пейзаж, романтическая образность и др.).

Ключевые слова: традиция, белорусско-польское пограничье, автобиографизм, образ-символ, мотив, фольклор, мифология, белорусские реалии, романтизм, дискурс

Для цитирования: Хмяльніцкі, М. М. Беларусь як малая гістарычная радзіма ў творчасці польскіх паэтаў 1918–1939 гг. (на прыкладзе паэзіі К. Вяжынскага і С. Балінскага) / М. М. Хмяльніцкі // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 207–214. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-207-214>

Mikalai M. Khmialnitski

Belarusian State University, Minsk, Belarus

**BELARUS AS A SMALL HISTORICAL HOMELAND IN THE WORKS OF POLISH POETS OF 1918–1939
(BASED ON THE POETRY OF K. VYAZHINSKY AND S. BALINSKY)**

Abstract. The article is devoted to the place and role of Belarus as the small historical homeland in the works of the Polish poets Kazimir Vyazynski and Stanislaw Balinski (1918–1939). The axiological coordinates, ideological and creative priorities of the lyrical hero are revealed. The forms and levels of the theme of the small historical homeland artistically embodied in the poetry of the studied authors such as chronotope, realities, images-symbols, precedent names, landscape, and artistic language have been characterized. The works by K. Vyazhinsky and S. Balinsky are analyzed through the prism of the literary and folklore-mythological traditions and intercultural dialogue. The specifics of the artistic depiction of Belarus and the Belarusians in the poetry of K. Vyazhinsky and S. Balinsky such as the influence of the vicinity of the Belarusian-Polish border, the connection of history with modernity, folklore component, mythological discourse, realistic landscape, romantic imagery, etc. are described.

Keywords: tradition, vicinity of the Belarusian-Polish border, autobiography, image-symbol, motive, folklore, mythology, Belarusian realities, discourse

For citation: Khmialnitski M. M. Belarus as a small historical homeland in the works of Polish poets of 1918–1939 (based on the poetry of K. Vyazhinsky and S. Balinsky). *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 207–214 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-207-214>

У часы Вялікага Княства Літоўскага была створана адметная сацыякультурная прастора, якая на працягу многіх стагоддзяў вызначала характар дзяржаўнага патрыятызму, спецыфіку літаратурнага развіцця ў гісторыі народаў, якія жылі на гэтай тэрыторыі. Урадженцы польска-беларуска-літоўскага памежжа сваімі творчымі дасягненнямі спрыялі культурнаму ўзаемадзеянню паміж народамі. Нягледзячы на працэсы паланізацыі і русіфікацыі, беларусы, паводле трапнага выказ-

вання У. Мархеля, не «пазбавіліся гістарычных уяўленняў пра сваю першасную радзіму, пра сваю тутэйшасць» [1, с. 5]. Не забываючы пра супярэчнасці і складанасці наступных стагоддзяў, адзначым, што ўсё прагрэсіўнае аб'ядноўвала суседнія народы, спрыяла культурным дасягненням, узбагачала нацыянальнае пісьменства, стварала літаратурна-творчыя мадэлі будучыні.

Многія польскія паэты 1918–1939 гг. – Л. Падгорскі-Аколаў, К. Вяжынскі, С. Балінскі, Я. Булгак, Ю. Чаховіч, Ч. Мілаш, Т. Буйніцкі, К. Ілаковіч і інш. – успрымалі памежныя землі як Літву гістарычную. Іх творчасць тэматычна была звязана і з Беларуссю, якую яны, у адпаведнасці з традыцыяй, паэтызавалі як біяграфічную і геаграфічную Аркадыю.

Беларусь як малая гістарычная айчына стала аб'ектам мастацкага адлюстравання ў паэтычнай спадчыне Казіміра Вяжынскага (Kazimierz Wierzyński, 1894–1969) – польскага паэта, публіцыста, аднаго з заснавальнікаў літаратурнага аб'яднання «Скамандр». Аўтарскай любоўю і шчырасцю прасякнута ўсё, што малявалі яго памяць і ўяўленне: паданні і легенды беларускай зямлі, яе славуная гісторыя, тутэйшая прырода, калыханкі маці... А. Лойка слушна адзначыў: «З вершаў яго (Вяжынскага. – М. Х.) відаць, як ён любіў міцкевічаўскую Літву, тая блізкія і яму мясціны, што па-над Віленкай і Нёманам» [2, с. 21]. Пра гэта красамоўна сведчыць знакавы ў творчасці К. Вяжынскага верш «Дарога да Навагрудка» («Droga do Nowogródka»), у якім аўтар скардзіцца на тое, што шлях з Варшавы ў старажытны правінцыяльны горад нялёгка, але разуменне таго, што гэта радзіма вялікага Міцкевіча, надае сілы і натхненне паэту:

Koła po same osie w płachetkach piasku grzęzną.
Po drodze zajazd czeka gościnnie w Nowogródku [3, с. 132].

(Колы па самыя восі у гурбах пяску грузнуць. / Па дарозе чакае гасцінны заезны двор у Навагрудку¹).

К. Вяжынскі не раз у вершы адзначае той факт, што навагрудская зямля апета міцкевічаўскім геніем: гэта і «лясныя вочы, азёры з балад» («oko leśne, jeziora balladowe»), «зьялены слуп месяца» («zielony słup księżycusa»), «рамантычная глыбіня бароў» («głęb bogów romantyczna»), «туганавіцкі парк» («tuhanowicki park»), «начное чарадзеіства» («czarodziejstwo nocne»), «стойкі водар гэтай зямлі» («woń tej ziemi czerstwa»).

Малая радзіма ўзгадваецца лірычнаму герою К. Вяжынскага праз «ружовыя акуллары» дзяцінства, вобразы якога ніколі не сцерці з яго памяці:

Tak jest tu wszędzie bez ciebie nieswojo,
Że mi częstokroć po nocach się śni
Twa droga w prochu. Lipy z boku stoją,
Widać sad, studnię i otwarte drzwi [3, с. 7].

(Тут паўсюль без цябе нязвыкла, / Што мне частакроць па начах сніцца / Твая дарога ў пыле. / Убаку ліпы стаяць, / Відно сад, студню і расчыненыя дзверы).

Лірычны герой адчувае асаблівую сувязь з родным домам, традыцыямі тутэйшай зямлі, адарванасць ад якой становіцца прычынай экзістэнцыяльнага непакую, адчування сябе бяздомным і самотным у віры сучаснасці:

Możliwe jednak, żeś zapomniiał o mnie,
Bo dość minęło, by zapomnieć – lat,
Ale ty, domie, nie wiesz jak bezdomnie
Bywa bez ciebie! Pusty cały świat [3, с. 7].

(Аднак магчыма, што ты забыўся пра мяне, / Бо мінула дастаткова гадоў, каб забыць, / Але ты, дом, не ведаеш, як бяздомна / Бывае без цябе! Пусты цэлы свет).

Жаданне вярнуцца ў бацькоўскі дом, дзе панавалі гармонія, любоў, павага, гасціннасць, не адпускае дваццацітрохгадовага паэта ў сталічнай Варшаве:

Otworzyć, wrócić! Tam gdzie kroki moje
Schodzą się zewsząd i nie wiedzieć skąd.
Okna, zegary, lustra i pokoje,
Sprzęty przy ścianach, każdy szary kąt [3, с. 8].

(Адкрыць, вярнуцца! Дзесяці там мае крокі / Сыходзяцца адусюль і няведама адкуль. / Вокны, гадзіннікі, люстры і пакоі, / Рэчы каля сцен, кожны шэры кут).

¹ Тут і далей, калі не ўказана крыніца, падрадкавы пераклад аўтара артыкула.

Па старой традыцыі над брамай дома вісеў абраз, які павінен быў абараняць тых, хто жыве тут, а падкова на парозе – сімвалізаваць і прыносіць сям’і шчасце:

Niech ci poszczęści, niech cię przyipiłnuje
Szczerńiały w ramach ponad bramą Bóg!
Bądź zdrów, mój domie! Schylam się, całuję
Twój nabijany podkowami próg [3, с. 8].

(Няхай табе паішчасціць, няхай цябе ўсцеражэ / Пачарнелы ў рамцы па-над брамаю Бог! / Будзь здаровы, мой доме! Кланяюся, цалую / Твой з прыбітымі падковамі парог).

Верш К. Вяжынскага «У нас у Літве» («U nas na Litwie») перадае ўспаміны лірычнага героя аб часах бесклапотнага дзяцінства і юнацтва, праведзеных на малай радзіме:

Dawniej, u nas na Litwie, na łąkach wiosennych
Łowiłem w trawie małe, zielonawe żabki,
Szukałem gniazd kukułczych na zegarach sennych
I żał mi było myszy, gdy wpadły do łapki [3, с. 74].

(Колісь у нас, на Літве, на лугах вясновых / Жабкі лавіў я, малыя, зялёныя, лоўка, / Гнёзды куклюжы шукаў у гадзінніках сонных, / А мышэй шкадаваў, што трапляліся ў мышалоўкі [2, с. 135] (пераклад А. Лойкі)).

Малая айчына для лірычнага героя К. Вяжынскага атаясамліваецца з родным домам, калыханкай маці, бусянкай на страце стадолы, садам, паездкамі ў святы з бацькамі ў Вільню:

Słodko było usypiać przy «czarnym baranie»,
Gdy księżyc niepojęty, poprzez mgły firanek
Fantastyczne tapety rozwijał na ścianie
I wchodził z srebrną lampą na oszklony ganek.

<...> Bocian miał u nas gniazdo na dachu stodoły,
Pamiętam ogród, klomby, altanę liściastą,
Potem jeździliśmy już do Wilna, do szkoły,
Kończyło się to wszystko, zaczynało miasto [3, с. 75].

(І засынаў я соладка там пад казкі, / Як незразумелая поўня праз імглу фіранкі / На сцяне абояў развінала фантастычныя пазкі / І са срэбнай лямпай на зашклёным спынялася ганку. // <...>А бусел гняздом нам аздобіў дах стадолы, / Сад памятаю, клумбы, альтанкі холад, / Потым мы ездзілі ў Вільню ўжо, у школу, / Літва канчалася, а пачынаўся горад [2, с. 136] (пераклад А. Лойкі)).

Лірычны герой К. Вяжынскага сумуе па той прычыне, што скончылася ідылія яго даўняга жыцця, але ўяўленне часта пераносіць яго ў тыя час і прастору, і гэта дае яму сілы на будучыню:

Skończyło się to wszystko najdroższe na ziemi,
Jedyne me wesele, jedno szczęście moje,
Stałem wtedy przy oknie i łzami rzewnymi
Płakałem i tęskniłem – i jeszcze tam stoję [3, с. 75].

(Скончылася ўсё тое дарагое на зямлі, / Адзіная мая радасць, адно шчасце маё, / Стаў я тады пры акне і горкімі слязамі / Плакаў і нудзіўся – і ўсё яшчэ там стаю).

У вершы «Асенняя Літва» («Litwa Jesienna») К. Вяжынскага паўстаюць непаўторныя восеньскія краявіды памежжа: рознакаляровы лес у карагодзе з ветрам, сосны ў тумане, чырвань шыпыны, куст воўчых ягад:

Chyba tu razem zeszły się wszystkie jesienie,
Sosny w mgle, jak w burzanach, stanęły faliście
I za ręce się wzięły gałęzie i liście,
Głogi ostre, czerwone i lśniące derenie [3, с. 92].

(Хіба што збегліся восені ўсе, як яцвягі, / Сосны ў тумане, нібы ў бурунах хвалістых, / За рукі ўзяліся з галлём галлэ, ліст з лістам / Вострых шыпын, рознакалерных воўчых ягад [2, с. 136] (пераклад А. Лойкі)).

Літва-Беларусь ва ўспрыманні К. Вяжынскага – легендарны край са слаўным мінулым, якое жыве ў руінах замкаў, нагадваючы сучаснікам пра гістарычную радзіму, агульную для народаў былога Вялікага Княства Літоўскага:

W ruinach zamków starych zlatują się sowy,
W dziuplach, które przez wieki dla siebie ustrzegły,
Siedzą ślepe i drapią pazurem swym cegły
I długo myślą głową w kapuzie brązowej [3, c. 92].

(А ў замках старых, зруйнаваных злятаюцца совы, / І ў дуплах, якія ў стагоддзі свае запрэгли, / Сляпыя сядзяць, пазурамі царапаюць цэглу / З думкай бясконцай каптурных сваіх галоваў [2, с. 136] (пераклад А. Лойкі)).

Лірычны герой К. Вяжынскага не раз прызнаецца ў любові да зямлі продкаў, з якой ён вядзе ва ўяўленні доўгія размовы і якая ратуе яго ад усёахопнай тугі (напрыклад, як у вершы «Размова з пушчай» («Rozmowa z puszcza»)):

Przyszłaś, ziemio ojczysta, zasypałaś oczy
Ostatnią ciepłą garścią mego uwielbienia.
Jeszcze słyszę jak szum twój nade mną się toczy,
Nad światem, nad urodą, nad nędzą istnienia [3, c. 99].

(Прыйшла ты, бацькоўская зямля, засыпала вочы / Апошній цёплай жменнай майго ўлюбавання. / Яшчэ чую, як шум твой нада мной шапоча, / Над светам, над прыгажосцю, над убоствам існавання).

Асабліваю цікавасць у разрэзе нашай тэмы ўяўляе кніга К. Вяжынскага «Курганы» («Kurhany», 1938), якую вызначаюць гісторыясофская рэфлексія, экскурс у рэчпаспалітаўскія часы, акцэнт на міфатворчасці, трывалай сувязі мінулага і сучаснасці. У цэнтры аўтарскай увагі знаходзяцца вядомыя дзеячы сусветнай і польскай культур і літаратур – Шэкспір, Міцкевіч, Шапэн, Выспанскі. Цыкл складаецца з васьмі вершаў-паэм, напоўненых трывожнымі бачаннямі, катастрафічнымі матывамі (відавочна, услед за віленскімі паэтамі-жагарыстамі); яны перадаюць самотнасць лірычнага героя, прычынай якой з’яўляецца яго «боль распяцця на ростанях» («ukrzyżowany na rozstajach ból» [4, с. 7]).

У аснове цыкла «Курганы» К. Вяжынскага – чаргаванне карцін прыроды, эпізодаў жыцця знакамітых асоб, успамінаў пра падзеі мінулага, якія аб’яднаны паэмна-наратаўнай інтанацыяй аўтара. Паэт здзяйсняе экскурс у мінуўшчыну, прыгадваючы старажытныя беларускія і літоўскія замкі, якія калісьці ён бачыў і гераічная даўніна якіх неаднойчы натхняла і яго:

Na stromej wieży stoją i ku ziemi patrzą
Jak stygną moje słowa, uśpione kurhany,
Miecz zardzewiały w każdym leży pogrzebany,
Próchnieją żółte czaszki [4, c. 23].

(На стромкай вежы стаяць і на зямлю пазіраюць, / Як стогнуць мае словы, сонныя курганы, / Меч заржавелы ў кожным ляжыць, пахаваны, / Парахнеюць жоўтыя чарапы).

Асаблівая старонка ў спадчыне польскіх паэтаў XX ст. – апісанні рэк беларуска-літоўска-польскага памежжа, традыцыя ўслаўлення якіх бярэ свае вытокі ў творчасці рамантыкаў. У гэтым кантэксце яскравым прыкладам з’яўляецца верш К. Вяжынскага «Над Нёманам» («Nad Niemnem»). «Хатняя рака» Міцкевіча для лірычнага героя твора – увасабленне высокай красы роднай зямлі, да якой ён звяртаецца ў сваіх думках-малітвах. Але славы Нёман – яшчэ і прычына разважанняў аб шляхах-дарогах народаў, якія не адно стагоддзе жылі на гэтай тэрыторыі. Аўтар узгадвае іх гісторыю, імкнецца разабрацца ў сучаснай сітуацыі, адшукаць цэласнасць унутранага «я». Першая страфа верша – паэтычнае апісанне славунай ракі з яе «чадам рамантычных зарасцяў» [2, с. 137], далей – разважанні-рэфлексіі, «ландшафт душы» лірычнага героя і аўтара:

Pogubiony miliardem niepochwytnych ziaren,
Unoszę się i padam kurzawą na drodze.
Zadudniły racice wypłoszonych saren,
Jastrząb wisi bez ruchu. Skąd ja tu przychodzę? [4, c. 178].

(«Згублены зёрн няўхвотных мільярдам марна, / Пылю дарожным пылам, ім жа ападаю. / ...Капытмі задуднелі спуджаныя сарны, / Ястраб завіс без руху. Скуль іду, гадаю?...» [2, с. 137]).

Характар пераемнасці, формы і падыходы асэнсавання мінулага ў паэзіі К. Вяжынскага сведчылі пра тое, наколькі для яго была важнай ідэя захавання традыцый у XX ст.

Глыбокая сувязь з прасторай беларуска-польска-літоўскага памежжа прадвызначыла самабытны характар творчасці Станіслава Балінскага (Stanisław Baliński, 1898–1984), «прыроджанага паэта настальгіі» (Е. Квяткоўскі). Будучы пісьменнік правёў дзяцінства на Навагрудчыне, увабраўшы прыгажосць яе краявідаў і славетную гісторыю. У яго вершах дасведчаны чытач знойдзе беларускія матывы і вобразы, мастацкае ўслаўленне «крэсавай» прыроды, жыцця і традыцый шляхецкіх двароў.

С. Балінскаму было проста наканавана стаць паэтам: яго прадзеда – вядомы вучоны, прафесар Віленскага ўніверсітэта Анджэй Снядэцкі, маёнтак якога знаходзіўся на тэрыторыі Ашмянскага раёна; па лініі бацькі – Антоні Эдвард Адынец, філамат, літаратар, сябар Адама Міцкевіча (у эміграцыі С. Балінскі захоўваў сямейную рэліквію – іх эпісталарый). Г. Бэрэнт адзначыла наступныя важныя фактары жыцця і творчасці гэтага паэта: «Балінскія перабраліся ў Варшаву з усходніх крэсаў. Але сям’я працягвала жыць мінулым. Сюды быў перанесены і лад жыцця з Літвы. У інтэлектуальна-творчым варшаўскім салоне падтрымліваліся пракаветныя традыцыі, ажывала памяць аб продках і сваяках: Юндзілах, Адынцах, Снядэцкіх. Для Станіслава Балінскага, народжанага ў Варшаве, навагрудска-віленская зямля была сапраўды першай айчынай. Адчуванне сітуацыі існавання ў іншых каардынатах, быцця не на радзіме прадвызначылі ўсё яго жыццё, асабліва ў эміграцыі. Адарванасць ад месцаў, звязаных з гісторыяй роду, успаміны дзяцінства нарадзілі напружанне, якое падчас эміграцыі моцна абумовіла настальгічную танальнасць яго вершаў» [4].

Літаратурная кар’ера С. Балінскага распачалася ў 1920-х гг.: у гэты перыяд ён пачаў актыўна друкавацца ў розных перыядычных выданнях, стаў членам знакамітага аб’яднання «Скамандр», выдаў першую кнігу вершаў «Вечар на Усходзе» («Wieczór na Wschodzie», 1928). Этнакультурны ландшафт беларуска-польскага памежжа, рамантычная (міцкевічаўская) і рэалістычная (ажэшкаўская) традыцыі, скамандрыцкі вопыт эксперыментавання, жыццё ў Варшаве, удзел у ваенных кампаніях – вось тыя падзеі і фактары, якія знайшлі мастацкае адлюстраванне і асэнсаванне ў паэзіі С. Балінскага.

Беларусь, яе мінулае і сучаснасць неаднойчы станавіліся аб’ектам лірычна-філасофскіх рэфлексій С. Балінскага. Так, напрыклад, у вершы «І ў гэтым сакрэты» («Sekrety tej ziemi») польскі паэт называе яе краем «вячорным, салодкім, бо ціхім, умудроным, бо пакорным», зямлёй легендаў, «сапфірнага Нёмна» [2, с. 180]. Лірычны герой С. Балінскага ўслаўляе мужнасць, нязломнасць, трыушчасць і свабодалюбства жыхароў гэтай зямлі: «Яго можа вораг спаліць, знішчыць, выбіць, / Дзяцей павывозіць, разбурыць сялібы, / Загадам пякельным змяніць іх у пустыню, / Яго ж не зламаць, яго сіла не згіне. / У пень карчаваны стакроць, ажывае – / Шуміць па-беларуску, па-польску спявае» [2, с. 180]).

У вершы «Зямля з Яшунаў» («Ziemia z Jaszun») С. Балінскі ўзгадвае сямейнае паданне пра сваю прабабулю Людвіку Снядэцкую, якая апынулася ў далёкай Турэччыне і вымушана была застацца там жыць. Пакутуючы ад ростані з родным домам на берэзе ракі Мерачанкі, яна ў адным са сваіх лістоў прасіла сваякоў прыслаць з радзімы жменьку зямлі і засушаную кветку незабудкі. Пасля смерці Людвікі Снядэцкай сваякам перадалі яе сакваяж, у якім знаходзіліся торбачка з зямлёй і засушаная незабудка. С. Балінскі, калі вяртаўся з Навагрудка ў Варшаву, атрымаў наказ ад радні пакласці іх на магілу прабабулі:

Powiedziano, gdym wracał latem z Nowogródka:
«Może wyślą cię kiedy (masz okazji tyle)
Jako kuriera na Wschód – złóż na jej mogile» [6, с. 87].

(Сказалі, калі вяртаўся ўлетку з Навагрудка: / «Можа пашлюць цябе калі-небудзь (маеш столькі аказій) / Як кур’ера на Усход – пакладзі на яе магілу»).

На жаль, лірычнаму герою (зрэшты, як і самому аўтару твора) не ўдалося трапіць у Турэччыну, але гэта «апошняя рамантычная непатрэбная рэч» («ostatni romantyczny przedmiot niepotrzebny») вандравала з ім у часы цяжкіх жыццёвых дарог і ваеннага ліхалецця, каб пасля на чужыне стаць сімвалам еднасці з роднай зямлёю і ратаваць яго ад настальгіі:

Ja do ziemi wileńskiej nie wiem, kiedy wróćę,
Więc daj mi garść tej ziemi. Drugą – tobie rzucę.
Rzucę w przestrzeń bez gwiazdy, w przeszłość bez kompasu,
Jak przez most zawieszony nad głębinami czasu [6, c. 92].

(Я ў віленскую зямлю не ведаю, калі вярнуся, / То дай мне жменю гэтай зямлі. Другую – кіну табе. / Кіну ў прастору без зоркі, у мінулае без компаса, / Як праз мост, падвешаны над глыбінямі часу).

Зямля продкаў («залацістая айчына») для лірычнага героя С. Балінскага з'яўляецца ўвасабленнем гармоніі і радасці існавання, да яе ён імкнецца ў сваіх думках-успамінах, адрасуе ёй надзвычай эмацыянальныя і шчырыя словы (напрыклад, верш «О мой край» («О краю мой»)):

Płynę do ciebie po nocu,
Kraju mój, śpiewny, uroczy,
Tam chmurki drżały z czułością,
A wiatr kołysał serdecznie –
O kraju mój, tyś mą miłością
Wiecznie [6, c. 171].

(Плыву да цябе праз ноч, / Мой край, спеўны, чароўны, / Там хмаркі дрыжэлі з чуласцю, / А вецер люляў сардэчна – / О мой краю, ты – мая любоў / Навекі).

Лірычны герой С. Балінскага вельмі дакладна прыгадвае дэталі жыцця з маленства і юнацтва: «наш дом і алешыны» («nasz dom i olszyny»), «бэз у ліловай блекласці» («bzy w liliowej poświecie»), «старая цэркаўка і млыны» («cerkiewka stara i młyny»), «таямнічыя балоты і могілкі, каля іх стары дуб» («tajemnicze moczary i cmentarz, przy nim dąb stary»), «напалеонаўскі гасцінец, зарослы лазняком» («napoleoński gościniec, zarosły wikliną»)… Адчуванне еднасці з зямлёю продкаў – у крыві героя, і няма на свеце сілы, якая можа прымусіць яго забыць пра свае карані. Гэтая думка, якая ўзмацняецца дзякуючы лексічнай градацыі і анафары, галоўная ў творы:

Można mnie stamtąd wyrzucić,
Można mi kazać nie wrócić,
Można mnie z żywych wymazać,
Ale jak można zakazać
Tęsknoty? [6, c. 67].

(Можна мяне адтуль выкінуць, / Можна мне загадаць не вяртацца, / Можна мяне з жывых выкрасліць, / Але як можна забараніць / Тугу?).

Лірычнаму герою згадваюцца і шчаслівыя хвіліны першага кахання, якое ён спазнаў падчас побыту ў бацькоўскіх мясцінах (верш «Вішні» («Wiśnie»)):

Kiedy u nas na Litwie
Pierwsza wiśnia zakwitnie,
Pierwsza wiśnia jak płatek marzenia,
Spotykamy się z sobą,
Ze mną ty, a ja z tobą,
Zakochani z pierwszego wejrzenia [6, c. 34].

(Калі ў нас ў Літве / Першая вішня зацвіце, / Першая вішня як пялётак мараў, / Сустрэкаемся з сабой, / Ты са мной, а я з табой, / Закаханыя з першага погляду).

Як вядома, пасля заключэння Рыжскай дагавора 1921 г. была ўсталявана новая дзяржаўная мяжа, у выніку чаго насельніцтва памежных тэрыторый было падзелена на «сваіх» і «чужых». У творах С. Балінскага знайшлі мастацкае ўвасабленне, а таксама гістарычнае і ідэйна-філасофскае асэнсаванне тэма падзеленасці народаў, матыў мяжы. Дастаткова прыгадаць верш «Апошняя мяжа» («Ostatnia granica»), у якім аўтар перадае складаную драматургію гэтай падзеі:

To jest ostatnia granica,
Linja o brzegu zielonym,
Strumień, którego dziś stopą,
Do gwałtów i lęków zdolną,
Zwycięzcom i zwyciężonym
Przekroczyć jeszcze nie wolno [6, c. 34].

(Гэта апошняя мяжа, / Лінія з зялёным берагам, / Струмень, якога цяпер стапой, / Звольнай на гвалты і страхі, / Пераможцам і пераможаным / Пераступіць яшчэ не можна).

З кожным новым зборнікам у паэзіі С. Балінскага ўзмацняўся элегічны настрой, станавіўся больш адчувальным рэфлексійны складнік. Лірычны герой «Элегіі аб роднай зямлі» («Elegia o ziemi rodzinnej») з сумам успамінае колішнія ліпеньскія вакацыі, праведзеныя ў бацькоўскім доме, разумеючы немагчымасць вяртання ў мінулае:

Gdzie jesteście białe domy, zielone ogrody,
Łąki szare, stawy siwe – gdzie jesteście?
Pod powieką was widzę, jak we śnie,
Długie, długie kresowe wody [6, с. 34].

(Дзе вы, белыя дамы, зялёныя сады, / Шэрыя лугі, сівыя ставы – дзе вы? / Пад павекамі вас бачу, як у сне, / Доўгія, доўгія воды крэсавыя).

С. Балінскі падае дакладную дату свайго побыту ў бацькоў, выразна супрацьпастаўляючы тагачасны стан і сучасныя рэаліі:

Na polance stanę aksamitnej,
W słońca rannego obłoku;
Tutaj zbierało się grzyby
W tysiąc dziewięćset cztertnastym roku [6, с. 34].

(На паляны стану аксамітнай, / У воблаку ранішняга сонца; / Тут збіралі грыбы / У тысяча дзевяцьсот чатырнаццацім годзе).

Лірычны герой С. Балінскага ўпэўнены: успаміны пра зямлю продкаў яшчэ доўгі час будуць з'яўляцца для яго крыніцай натхнення, жыццёвых сіл на чужыне:

Będę łowił te blade wspomnienia,
Które, będąc jeszcze chłopcem,
Odkładałem przezornie na przyszłość,
By ten kraj mi się nie stał zbyt obcy [6, с. 34].

(Буду лавіць гэтыя дарагія ўспаміны, / Якія, яшчэ будучы хлопцам, / Адкладваў прабачліва на будучыню, / Каб гэты край не стаў мне празмерна чужым).

Паэзія С. Балінскага – яшчэ адзін варыянт мастацкага адлюстравання малой гістарычнай радзімы, характэрнай адметнасцю якога з'яўляецца не толькі паэтызацыя яе прыгажосці і самабытнасці, але і сцвярджэнне думкі аб немагчымасці вяртання ў родны дом у выніку вядомых грамадска-палітычных падзей.

Праведзены аналіз творчай спадчыны К. Вяжынскага і С. Балінскага засведчыў, што тэма малой гістарычнай радзімы з'явілася вызначальным маркерам іх жыццёва-светапогляднай ідэалогіі і творчай стратэгіі. Грамадска-палітычныя падзеі, гісторыка-культурныя акалічнасці першай трэці ХХ ст. у значнай ступені абумовілі праблемна-тэматычныя прыярытэты паэзіі гэтых пісьменнікаў, ураджэнцаў сумежжа: у іх выразна прысутнічае залежнасць творчай самарэалізацыі ад далучанасці, пачуцця любові да малой гістарычнай радзімы. Паэтызацыя часоў супольнага жыцця палякаў, беларусаў і літоўцаў, зварот да матыву новай дзяржаўнай мяжы, якая раз'яднала не толькі суседнія народы, але і сем'і, патрыятычны пафас, спавядальнасць інтанацый, багатая апісальнасць, экспрэсія, рамантычная танальнасць – вось тыя ідэйна-мастацкія каардынаты, якія вызначылі мастацкі свет паэзіі К. Вяжынскага і С. Балінскага. Аднак у К. Вяжынскага дамінуе адметнае асэнсаванне гісторыка-культурнай прасторы, роднага дома як крыніцы натхнення, паэтызацыя прыроды памежнага рэгіёна; у паэзіі С. Балінскага прысутнічае выразны матыву жыцця на чужыне, адарванасць ад бацькаўшчыны, што становіцца прычынай экзістэнцыяльнай тугі, інтэнсіўных аўтарскіх успамінаў.

Творы К. Вяжынскага і С. Балінскага 1918–1939 гг., прысвечаныя малой гістарычнай радзіме, розныя па часе напісання, па індывідуальна-лірычнай манеры, ракурсах бачання і асэнсавання мінулага і сучаснасці, але ў адзінстве сваёй тэмы гучаць настолькі арганічна, што могуць успрымацца як своеасаблівы патрыятычны дыптых.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Мархель, У. І. Прысутнасць былога : нарысы, артыкулы, эсэ / У. І. Мархель. – Мінск : Выд. М. М. Трафімчук, 1997. – 192 с.
2. Напярэймы: ад Буга да Варты : анталогія пол. паэзіі XX ст. : [у 2 т. / пер. і прадр. А. Лойкі]. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – Т. 1. – 386 с.
3. Wierzyński, K. Wybór poezji / K. Wierzyński. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1991. – 554 s. – (Biblioteka Narodowa. Seria 1 ; № 275).
4. Wierzyński, K. Kurhany / K. Wierzyński. – Warszawa : J. Mortkiewicz, 1938. – 49 s.
5. Berent, A. Los poety emigranta [Electronic resource] / A. Berent. – Mode of access: <http://www.strony.ca/Strony63/articles/a6303.html>. – Date of access: 07.02.2020.
6. Baliński, S. Wiersze zebrane, 1927–1947 / S. Baliński. – Londyn : Stow. Pisarzy Pol., 1948. – 306 s.

References

1. Markhel' U. I. *Presence of the past : outline, articles, essays*. Minsk, M. M. Trafimchuk Publ., 1997. 192 p. (in Belarusian).
2. *Towards: From Bug to Warta: anthology of 20th century Polish poetry. Vol. 1*. Minsk, Entsylapedyks Publ., 2003. 386 p. (in Belarusian).
3. Wierzyński K. *Wybór poezji* [Selected poetry]. Wrocław, Warszawa, Kraków, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991. 554 p. (in Polish).
4. Wierzyński K. *Kurhany* [Mounds]. Warszawa, J. Mortkiewicz, 1938. 49 p. (in Polish).
5. Berent A. *The fate of the emigrant poet*. Available at: <http://www.strony.ca/Strony63/articles/a6303.html> (accessed 07.02.2020) (in Polish).
6. Baliński S. *Wiersze zebrane 1927–1947* [Collection of poems, 1927–1947]. Londyn, Stowarzyszenie Pisarzy Polskich, 1948. 306 p. (in Polish).

Информация об авторе

Хмельницкий Николай Николаевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой. Белорусский государственный университет (пр. Независимости, 4, 220050, Минск, Республика Беларусь). E-mail: KhmelnickiNN@bsu.by

Information about the author

Mikalai M. Khmialinitski – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Head of the Department. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220050, Belarus). E-mail: KhmelnickiNN@bsu.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА

LAW

УДК 342
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-215-224>

Поступила в редакцию 20.01.2021
Received 20.01.2021

Г. А. Василевич

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

НАУКА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Анализируется влияние науки конституционного права на формирование конституционных правоотношений в государстве. Отражена роль ученых в выявлении тенденции развития государства и права. Подчеркивается роль Конституции как основополагающего акта, как акта, интегрирующего всю национальную правовую систему. Высказываются предложения по совершенствованию системы сдержек и противовесов. Подчеркивается, что развитие конституционного права испытывает влияние европейского правового пространства. Европейская интеграция выступает в качестве важнейшего фактора процесса дальнейшего развития и совершенствования национальных правовых систем. Особую угрозу стабильности государству создают раскол общества, отсутствие единства народа в решении базовых вопросов (собственность, политический плюрализм, реальное обеспечение прав и свобод независимо от политических взглядов). Совпадение конституционной реальности и конституционных норм – важнейшее условие и проявление единства государства и граждан.

Ключевые слова: Конституция, права и свободы, конституционные преобразования

Для цитирования: Василевич, Г. А. Наука конституционного права как основа развития государственно-правовой системы / Г. А. Василевич // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 215–224. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-215-224>

Grigori A. Vasilevich

Belarusian State University, Minsk, Belarus

SCIENCE OF CONSTITUTIONAL LAW AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF THE STATE LEGAL SYSTEM

Abstract. The article analyzes the influence of the science of constitutional law on the formation of constitutional legal relations in the state. The role of scientists in identifying trends in the development of the state and law is reflected. The role of the Constitution as a fundamental act, as an act integrating the entire national legal system, is emphasized. Suggestions are made to improve the system of checks and balances. It is emphasized that the development of constitutional law is influenced by the European legal space. European integration is the most important factor in the process of further development and improvement of national legal systems. A special threat to the stability of the state is created by the split of society, the lack of unity of the people in solving basic issues (property, political pluralism, the real provision of rights and freedoms regardless of political views). The coincidence of constitutional reality and constitutional norms is the most important condition and manifestation of the unity of the state and citizens.

Keywords: Constitution, rights and freedoms, constitutional transformations

For citation: Vasilevich G. A. Science of constitutional law as a basis for the development of the state legal system. *Vesti Natsyunal'nai akademii nauk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 215–224 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-215-224>

Введение. Наука как система знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления является движущей силой человеческой цивилизации. Юридическая наука самым непосредственным образом влияет на характер и глубину отношений между индивидуумами, обществом и государством. Можно отметить многих ученых, включая ученых-правоведов, чьи труды оказали революционное влияние на общественное развитие. Назовем мыслителей прошлого –

Дж. Локк и Ш. Монтескье (авторы концепции разделения властей), Ч. Беккариа (определил концептуальные подходы по противодействию преступности, ответственности за эти деяния), Г. Кельзен (автор правового позитивизма), И. А. Ильин (продолжил разработку учения о естественном и позитивном праве) и др. В недавний советский и нынешний период заметен вклад в развитие юридической науки таких ученых, как С. С. Алексеев, С. А. Авакьян, Н. С. Бондарь, Г. А. Гаджиев, В. Д. Зорькин, Ю. А. Тихомиров, М. Н. Марченко, Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев и др. Из белорусских ученых можно упомянуть А. М. Абрамовича, С. А. Балашенко, Д. М. Демичева, С. Г. Дробязко, В. Н. Годунова, А. А. Головкин, Н. В. Сильченко, А. Г. Тиковенко, С. А. Калинина, Н. А. Карпович, Т. И. Макарову, Т. Н. Михалеву, Л. М. Рябцева, С. М. Сивца, В. К. Ладутько, М. Ф. Чудакова, О. И. Чуприс, В. И. Шабайлова, Н. Г. Юркевича, В. Ф. Чигира и многих других. В каждой отрасли права есть своя плеяда молодых, а также среднего и старшего возраста ученых, формировавших и формирующих наше представление о том, как необходимо развивать национальную правовую систему, что надо в ней улучшить, чтобы жизнь граждан страны была более комфортной, обеспечивались их права и свободы.

Основная часть. Наука конституционного (государственного) права прошла в своем развитии несколько этапов. Ее становление началось еще в *дореволюционный* период. Среди известных ученых-государствоведов, работавших в конце XIX – начале XX в., можно назвать И. А. Ильина, Н. М. Коркунова, Н. И. Лазаревского, Л. В. Тихомирова, Н. И. Палиенко, Б. Н. Чичерина и др. Они выработали и определили основные понятия государственного права, в том числе идеи народовластия, государственного суверенитета, формы правления (монархии, республики) и др.

В *советский (послереволюционный)* период наука конституционного права и ее представители исходили из необходимости признания марксистско-ленинской теории как основного инструмента решения всех задач и оценок происходящих в обществе явлений. Доминировал явно классовый подход.

В период основания в 1921 г. Белорусского государственного университета, а в 1922 г. – Института белорусской культуры в нашу республику прибыла группа видных ученых из России. Среди них были такие ученые-государствоведы, как В. Н. Дурденевский и Г. С. Гурвич, специализировавшиеся соответственно в области государственного права буржуазных стран и советского государственного права. Особого внимания в этот период заслуживают труды Г. С. Гурвича «История Советской Конституции» (1923), «Принцип автономизма и федерализма в советской системе» (1924).

На первых этапах развития науки конституционного (государственного) права трудности заключались не только в необходимости формирования науки с классовых позиций, но и в отсутствии (или неразработанности) юридической терминологии на белорусском языке. Способствовало разработке юридической терминологии создание актов ЦИК, Правительства, Совета труда и обороны СССР с 1923 г. на белорусском языке (эти акты публиковались на языках всех союзных республик).

Развитию белорусской науки конституционного (государственного) права значительно способствовала работа над проектом второй Конституции БССР, которая была принята в 1927 г. Эта Конституция, хотя и отражала классовый характер, однако содержала некоторые интересные «надклассовые» положения, например, об официальном статусе четырех языков – белорусском, русском, польском, еврейском. Создание нового Основного Закона требовало переосмысления закономерностей развития государственной и общественной жизни, тенденций государственного строительства.

В 1922 г. вышла в свет книга Г. Е. Поречина «Советские республики в их взаимоотношениях», а в 1928 г. им же написана «Наша Конституция», в которой автор проанализировал новый Основной Закон. Следует отметить, что в условиях советской власти, допускавшей существование лишь коммунистической идеологии, исследование Г. Е. Поречина основывалось на марксистско-ленинском учении о государстве и праве, как возведенной в закон воле государственного класса (пролетариата), руководящей роли коммунистической партии.

Кроме того, появились научные статьи, посвященные новой Конституции БССР, например, И. И. Крыльцова «Новая Конституция Белорусской ССР» (1928). Однако, как отмечается в исследовании

дованиях белорусских ученых-историков, в связи с идеологической кампанией конца 1920-х гг. против «национал-демократизма» количество научных исследований по праву в этот период сократилось вследствие различного рода преобразований научных учреждений Академии наук БССР.

В период *Великой Отечественной войны*, а затем и некоторого *послевоенного* этапа, когда ощущалась острая нехватка научных кадров, исследования, воплощенные в публикациях авторов, были минимальными.

Только с конца 1950-х гг. начинается новый период активного научного творчества. Появляются труды, которые по многим позициям являются классическими либо вызывают пристальное внимание современных исследователей в силу того, что проблемы современного общества в той или иной степени затрагивались предшественниками.

Среди таких авторов можно назвать С. Р. Вихарева, Л. А. Рудзицкого, В. А. Дорогина, А. А. Головки, А. Т. Лейзера. Например, С. Р. Вихарев занимался вопросами суверенитета союзной республики [1], А. А. Головки уделял значительное внимание деятельности коллегиальных представительных органов, демократическим институтам [2], А. Т. Лейзеров имел много публикаций по проблемам гласности, а свою докторскую диссертацию посвятил конституционному принципу гласности.

Советские (белорусские) ученые и в условиях монополии коммунистической партии трудились плодотворно. Были выдвинуты и развиты идеи общенародного государства, принципы организации и деятельности представительных органов, органов территориального общественного самоуправления, правового статуса граждан.

В 1980–1990-е гг. многие ученые-конституционалисты радикально изменили свои взгляды, разделив позиции учета объективных закономерностей развития государства и общества. При этом, правда, были попытки отрицать все достигнутое.

В *современный* период (после принятия новой Конституции в 1994 г.) наука конституционного права развивается в русле общепризнанной идеи верховенства и торжества Конституции как ядра всей правовой системы. Ученые и практики спорят о содержании Основного Закона, демократичности его норм. Представители науки стремятся оперативно реагировать на потребности общественного развития и высказывать свои рекомендации. Научные исследования направлены на развитие политической системы общества, конституционного строя, гражданского общества, правового статуса личности, нахождение оптимального баланса интересов государства, общества и отдельного человека. Перед наукой конституционного права стоят огромные задачи, обусловленные особым, главенствующим местом конституционного права среди иных отраслей права.

В сфере конституционного права активно работают такие представители белорусской науки, как Д. М. Демичев, В. Н. Кивель, Л. М. Рябцев, А. Г. Тиковенко, С. П. Чигринов, О. В. Чмыга, А. В. Шавцова, а также многие другие белорусские ученые и преподаватели, с трудами которых следует ознакомиться, изучая конституционное право. В Беларуси существует плеяда исследователей, которые активно занимаются конституционным правом зарубежных стран, среди них – профессор М. Ф. Чудаков [3], доценты Н. М. Кондратович [4] и Т. С. Масловская [5].

С принятием в 1994 г. новой Конституции начался активный этап формирования собственной национальной правовой системы: формирование предусмотренных в Конституции органов государственной власти, принятие актов национального законодательства, базирующихся на конституционных принципах и нормах, развитие правовой идеологии и правового сознания. Конституция стала важнейшей отправной точкой для проведения большой работы по созданию качественно новых отношений между государством и гражданами, по выстраиванию отношений с другими государствами дальнего и ближнего зарубежья. В упомянутый период автор этих строк также активно занимался проблемами обеспечения непосредственного действия конституционных норм, государственно-правовых преобразований [6–8]. Зарубежные специалисты имеют возможность ознакомиться с политико-правовой системой Беларуси благодаря изданию монографии на английском языке, посвященной конституционному праву Беларуси [9]. Важную роль в формировании конституционного правового сознания играют учебники по конституционному праву Республики Беларусь. Среди них выделим издания Д. М. Демичева [10], В. Н. Кивеля [11],

А. П. Петрова [12], Г. А. Василевича [13]. Эти учебные издания рассчитаны на активное творческое осмысление правовых процессов развития белорусского государства и права.

Основной функцией государства и его органов является управление. В этой связи в науке справедливо ставится вопрос: «На какой основе оно осуществляется – путем жесткого режима или либерально, коллегиально или авторитарно, субъективистски или на научной основе?» [14, с. 9]. «Рецепт» известного российского ученого, сотрудника Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации профессора Ю. А. Тихомирова состоит в том, чтобы управление осуществлялось на основе права. Это предполагает не только уяснение, что такое право – продукт деятельности государственных органов, должностных лиц, но и выработку критериев эффективности правового регулирования, установление оптимальной процедуры подготовки, принятия и введения в действие законов и иных нормативных правовых актов, исключение пробелов, противоречий (коллизий) в законодательстве, обеспечение ясности изложения правовых норм, их однозначного понимания и применения.

Основную управленческую функцию выполняет Конституция Беларуси. Конституция (юридическая и фактическая) служит прогрессу общества, людям, если в ней отражен оптимальный баланс интересов государства и личности, если они равноправные и равноответственные субъекты. Такая Конституция, отражая общепризнанные принципы международного права, содействует свободе личности, учитывающей свободу других людей. Конституция закрепляет политический плюрализм, разделение и взаимодействие властей как гарантию против диктата и хаоса.

Для повседневной практики важно, насколько научно обоснованы рекомендации относительно степени воздействия права на экономическую и социальную сферу. Как отмечено в научной литературе, «изменения в государстве реформаторского и эволюционного характера побудили искать общие индикаторы перемен» [15, с. 21–25].

Ключевая идея нового конституционного курса, начатого в 1994 г., – построение правового демократического социального государства (ст. 1 Конституции). В связи с изложенным можно заключить, что в качестве модели на конституционном уровне предусмотрено такое государство, которому присущи: 1) политический плюрализм; 2) многообразие форм собственности; 3) установление равенства государства и гражданина, наличие у них взаимных обязательств; 4) закрепление в качестве вектора для развития текущего законодательства приоритета общепризнанных принципов международного права; 5) разделение и взаимодействие властей; 6) прямой характер действия норм Конституции; 7) эффективная система восстановления нарушенных прав и свобод; 8) обеспечение права граждан на хорошее управление со стороны государства; 9) достижение одного из основных интегральных показателей успешности развития государства и общества – право на человеческое достоинство.

В Конституции нашли отражение политические и социально-экономические перемены, предусмотрена программа совершенствования демократии, гарантии прав и свобод. Это выразилось в закреплении основ конституционного строя, восприятии концепции партнерских отношений между государством и человеком. Но, исходя из наших традиций, сохранены конституционные идеи охраны социальных прав и свобод, наряду с введением поста Президента Республики Беларусь предусмотрено необходимое обновление системы власти (Парламента, Правительства, министерств и госкомитетов, системы судов, прокуратуры, местных Советов депутатов, а также исполнительных и распорядительных органов), их полномочий. Реализована идея разделения и взаимодействия властей.

На протяжении более чем двадцати пяти лет действия новой Конституции происходит все больше «укоренение» содержащихся в ней принципов и норм как в действующем текущем законодательстве, так и в правоприменительной практике. Конституционные нормы и принципы формируют всю национальную правовую систему, поскольку они отражают и одновременно формируют концепцию законодательного развития государства и общества, правоприменительную практику.

Действия любой власти должны соответствовать ценностной парадигме Конституции, начиная от тех норм, которые содержатся в преамбуле Конституции, и заканчивая нормами конкретного характера. Конституция является правовой основой для проведения экономических, социальных

и иных преобразований. Именно по этой причине она, при необходимости, подвергается изменениям и дополнениям, что и произошло на республиканских референдумах 1995, 1996 и 2004 гг.

Развитие конституционного права отдельного европейского государства испытывает влияние европейского правового пространства. Европейская интеграция выступает в качестве важнейшего фактора процесса дальнейшего развития и совершенствования национальных правовых систем. Сейчас в мире явно наметился новый этап дальнейшей гармонии права и политики в связи с процессом глобализации, интенсивным развитием информационного общества, новыми достижениями в области биомедицины, биотехнологий. Качественный скачок будет сделан в ближайшие десятилетия.

Конституция содержит нормы, которые могут придать новые импульсы работе представительных органов, т. е. тех институтов власти, которые наиболее близки к народу. Парламентская демократия способна исключить консервацию системы отношений, дать гражданам больше возможностей для самовыражения.

Особую угрозу стабильности государству создают раскол общества, отсутствие единства народа в решении базовых вопросов (собственность, политический плюрализм, реальное обеспечение прав и свобод независимо от политических взглядов). Единство граждан формируется и помимо Конституции, но Основной Закон его укрепляет.

Совпадение конституционной реальности и конституционных норм – важнейшее условие и проявление единства государства, граждан. Когда в обществе вызревают новые идеи, направленные на корректировку конституционных устоев, стандартов, можно делать вывод об отсутствии консенсуса, об утрате у определенной части населения уважения к конституционным нормам. Когда сторонников перемен становится много, отсутствует базовый консенсус, тогда и происходит замена старой Конституции на новую.

Важнейшей проблемой правоприменения является обеспечение непосредственного действия конституционных норм. Для этого в Конституции содержатся необходимые предпосылки. Прежде всего, обратим внимание на ст. 137 Основного Закона, в которой закреплено, что Конституция обладает высшей юридической силой. Законы, декреты, указы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией Республики Беларусь. В случае расхождения закона, декрета или указа с Конституцией действует Конституция. В случае расхождения декрета или указа с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом. Целям обеспечения прямого действия конституционных норм служит часть вторая ст. 112 Конституции. Согласно данной статье, если суд при рассмотрении конкретного дела придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции или иному закону, он должен поставить перед Конституционным Судом вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным. Невыполнение этого требования Конституции и закона приводит к разнобою в судебной практике, поскольку не соответствующие Конституции акты сохраняют свою силу и могут применяться другими судами, не усмотревшими такого несоответствия.

Указанные нормы Конституции означают, что на ее основе формируется вся система текущего законодательства, в ней определяется компетенция государственных органов. По этой причине Конституцию нередко называют ядром правовой системы. Часто в самой Конституции указывается, в каких случаях для дальнейшего развития содержащихся в ней положений должны быть приняты законы. Конституция воздействует на развитие правовой системы, определяет правотворческую компетенцию государственных органов, в ней определяются объекты правового регулирования. В Конституции закрепляются виды нормативных актов и их соподчиненность.

Благодаря закреплению в Конституции правовому статусу органов государственной власти можно определить иерархию принимаемых ими нормативных актов. При этом следует иметь в виду, что сама Конституция обладает верховенством по отношению ко всем иным правовым актам. Это ее важнейшее юридическое свойство. Соответствующие правила (о верховенстве конституции) закрепляются в самом Основном Законе. Приоритет Конституции по отношению к иным актам также подкрепляется спецификой ее принятия, изменения или отмены. Правда, в истории белорусского государства был случай, когда иному нормативному акту был придан более высокий

юридический вес, нежели Конституции. 25 августа 1991 г. Декларации Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете был придан статус конституционного закона, обладающего более высокой юридической силой, нежели Конституция: при расхождении норм, содержащихся в Декларации и Конституции, приоритет имели нормы первого документа.

Конституционность предполагает конституционализацию отраслевого законодательства и правоприменительной практики, т. е. «перевод» конституционных принципов и норм в практическую плоскость отраслевого регулирования с адекватным отражением духа и буквы Конституции. Помогать этому может толкование конституционного текста как официального, аутентичного, даваемого Парламентом, так и казуального, имеющего место при разрешении спора в Конституционном Суде.

Особая ценность Конституции проявляется в стремлении обеспечить ее стабильность. Так, согласно ст. 139 Конституции закон об изменении и дополнении Конституции может быть принят после двух обсуждений и одобрений Парламентом с промежутком не менее трех месяцев.

Положение о том, что изменение или дополнение Конституции может осуществляться только после двух обсуждений и одобрений (голосований) с обязательным промежутком времени между ними, известно мировой конституционной практике. Такой порядок внесения изменений в Конституцию получил название «двойной вотум». Смысл этой процедуры в том, что депутаты должны еще раз подумать, необходимы ли те изменения, за которые они первый раз проголосовали, не являются ли они конъюнктурными и, возможно, недостаточно продуманными.

Согласно ст. 140 Конституция, законы о внесении в нее изменений и дополнений, о введении в действие указанных законов, акты о толковании Конституции считаются принятыми, если за них проголосовало не менее 2/3 от полного состава каждой из палат Парламента. Изменения и дополнения Конституции могут быть проведены через референдум. Решение об изменении и дополнении Конституции путем проведения референдума считается принятым, если за него проголосовало большинство граждан, внесенных в списки для голосования. Разделы I, II, IV, VIII Конституции могут быть изменены только путем референдума.

Конституция закрепляет нормы не только собственной стабильности, но она нацелена на обеспечение устойчивого развития белорусского государства, что является важнейшей гарантией суверенитета. Можно выделить различные гарантии устойчивого развития – политические, экономические, социальные, культурные, юридические.

Как представляется, конституционное право современных государств с учетом влияния общепризнанных принципов и норм международного права в настоящее время имеет такой уровень развития, когда политическая деятельность (политика) все более оказывается в рамках правовой регламентации.

Необходимо адекватно и оперативно реагировать на волю людей, вести разъяснительную работу относительно проводимой политики, исполнять данные в предвыборный период обещания. Тогда не будет у граждан ощущения, что их достоинство как главных субъектов управления государством умалено.

Устранение расхождений между юридической Конституцией и фактической реализацией ее норм – важнейшая задача государств молодой демократии.

По своей сути Конституция Республики Беларусь является народной Конституцией, направленной на обеспечение баланса интересов государства, общества и отдельного человека. Конституция является отражением политической и социальной борьбы, расстановки сил на момент ее принятия. Оптимальным вариантом является ситуация, когда Конституция отражает социальный компромисс и содержит механизмы разрешения конфликтов.

И. А. Ильин отмечал, что обычный и здоровый путь борьбы за новое, лучшее право есть «правосоздание»: устаревшие законы отменяются, а на их место посредством мирной организованной работы устанавливается новое право. Такой путь он считал наилучшим, поскольку он укреплял в людях доверие к праву. Однако начинать движение к обновлению права следует с осознания содержания естественного права, которое должно лежать в основе новых норм. Это необходимо делать по той причине, что каждая позитивная норма решает важнейшую задачу – показать людям лучшее поведение. «Лучшее», по его мнению, отнюдь не означает самое удобное,

выгодное, полезное и т. п., так как разным людям полезно, выгодно и удобно – разное. «Лучшее» имеет единое, предметное содержание и может расходиться даже с общественным мнением [16, с. 295].

Государство служит человеку. Поэтому одним из основных критериев успеха, а значит, и эффективности установленного конституционного порядка, экономических и социальных отношений, испытывающих воздействие права, являются условия и продолжительность жизни людей, удовлетворенность их теми возможностями, которые предоставляет им государство, оптимальность правового регулирования и обеспечение баланса интересов отдельного человека, общества и государства, защищенность от незаконных посягательств, перспективы развития молодого поколения и ряд других факторов, которые влияют на настроение человека, на ощущение им удовлетворенности. Неслучайно в настоящее время все более обращается внимание при сравнении развития различных стран не только на уровень человеческого развития, но и измеряется индекс счастья. Индекс счастья не зависит напрямую от экономической мощи страны. Счастливый человек в значительно большей степени ощущает свое достоинство.

Развитие конституционного права отдельного европейского государства испытывает влияние европейского правового пространства. Европейская интеграция выступает в качестве важнейшего фактора процесса дальнейшего развития и совершенствования национальных правовых систем. Сейчас в Европе явно наметился новый этап дальнейшей гармонии права и политики в связи с процессом глобализации, интенсивным развитием информационного общества, новыми достижениями в области биомедицины, биотехнологий. Качественный скачок будет сделан в ближайшие десятилетия. Здесь влияние на развитие конституционного права будут оказывать не только лица, занимающиеся политической деятельностью, но и ученые, т. е. люди, занимающиеся научной деятельностью в самых различных областях человеческих знаний.

Проявившийся в Беларуси конфликт летом–осенью 2020 г. актуализировал необходимость корректировки правовых отношений, регулируемых национальным законодательством, в области системы сдержек и противовесов властей. Многие вопросы можно было снять посредством корректировки актов текущего законодательства. Однако подчеркивается также необходимость дальнейшего совершенствования Конституции с учетом наполнения ее демократическим содержанием. Как представляется, предусмотренная в Конституции система сдержек и противовесов могла быть еще более эффективной при условии активной не только законотворческой, но и контрольной деятельности белорусского Парламента и его органов. Нами выделено около десятка существенных контрольных полномочий палат Парламента, используя которые они могут сдерживать исполнительную власть [13, с. 326–329, 337–340].

По форме правления Беларусь – президентская республика. Выбор был сделан в период подготовки проекта новой Конституции, которая была принята в марте 1994 г. Были варианты и парламентарной республики, но они не получили поддержки со стороны депутатов [17]. Чаще всего проводят сравнение между организацией власти в президентских, парламентских и смешанных республиках на примере США, Германии и Франции. За исключением США, конституции Германии и Франции приняты во второй половине XX века.

Необходимо упомянуть одну из старейших конституций Европы – Конституцию Австрии, которая была принята в 1920 г. Хотя она принята сто лет назад, но в ней решены многие вопросы, имеющие фундаментальное значение для функционирования государственного аппарата, обеспечения прав и свобод граждан в современных условиях. Заслуга в этом принадлежит ее разработчикам, среди которых был и Ганс Кельзен – выдающийся австрийский юрист.

Отметим несколько важных моментов, содержащихся в Конституции Австрии. Так, в нем предусмотрено, что общепризнанные нормы международного права действуют в качестве составной части федерального права. В Республике Беларусь этот вопрос решен несколько иначе: у нас признается приоритет общепризнанных принципов и норм международного права (ст. 8, 18 Конституции). Согласно ст. 36 Закона «О международных договорах Республики Беларусь» международные договоры Республики Беларусь подлежат добросовестному исполнению Республикой Беларусь в соответствии с международным правом. Нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется принятие (издание)

нормативного правового акта, и имеют силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора.

Таким образом, в Конституции Австрии более четко определено место общепризнанных норм международного права. Белорусскому Парламенту полезно было бы дать толкование положения Конституции о приоритете общепризнанных принципов международного права. По нашему мнению, такие принципы даже предопределяют смысловое содержание норм самой Конституции. Однако решающее значение имеет позиция уполномоченного субъекта власти – Парламента, а по конкретным спорам – и Конституционного Суда.

В Австрии, как и в Беларуси, можно выделить четыре высших государственных органа – Парламент, Президент, Правительство, суд (Конституционный Суд).

Австрия – федеративное государство. Поэтому, естественно, там функционирует двухпалатный Парламент. В Беларуси после референдума 1996 г. также создан двухпалатный Парламент. Как представляется, он – важное звено в системе сдержек и противовесов. Иногда задают вопрос: «Необходим ли нам двухпалатный Парламент?». На наш взгляд, его востребованность особенно возрастает в период острого конфликта между ветвями власти (представительной и исполнительной). В повседневной работе он еще не задействовал потенциал по усилению роли местного самоуправления, оказанию местным органам власти методической помощи.

Продолжительность сессий белорусского Парламента необходимо увеличить. Принимая во внимание опыт Австрии, можно было бы предусмотреть одну очередную сессию, например, с 15 сентября по 1 июля. Заседания созываются в соответствии с регламентом палат. При этом, учитывая роль Совета Республики в законодательном процессе (одобрить либо отклонить закон, принятый Палатой представителей), количество его заседаний может быть значительно меньше, чем у Палаты представителей. В белорусской Конституции предусмотрено, что принятые палатами регламенты подписываются их председателями. Это усиливает статус палат. В Австрии принимается федеральный закон о регламенте, который подписывает Президент. Не разделяем австрийский подход, согласно которому там принимается закон о регламентах. Наш вариант в большей степени обеспечивает автономию палат: они сами принимают свои регламенты, которые подписываются председателями палат.

Более демократично выглядит норма относительно ограничения на участие в выборах некоторых лиц. У нас, согласно Избирательному кодексу, не обладают пассивным правом лица, имеющие судимость. В Австрии лишение права избирать и быть избранным возможно на основании судебного приговора.

Доверие к избирательному процессу повышает норма Конституции Австрии, согласно которой в избирательные комиссии с правами полноправных членов входят представители политических партий, участвующих в выборах. В ЦИК также входят настоящие или бывшие члены избирательного корпуса. Число членов комиссий, не считая судейского корпуса, распределяется пропорционально числу мест, завоеванных партиями, в парламенте текущего созыва. Полагаем, что этот опыт необходимо использовать при проведении выборов также и по мажоритарной системе: в участковые и окружные комиссии должны включаться с правом решающего голоса представители зарегистрированных кандидатов, а также кандидатов, набравших необходимое число подписей либо выдвинутых уполномоченными субъектами, но не зарегистрированных. Аналогичное требование должно касаться и Центризбиркома при выборах Президента.

Важной гарантией парламентской деятельности является ее открытость. Полагаем, что стимулировать более активную позицию парламентариев и усилить общественный контроль может прямая трансляция заседаний палат либо наиболее их важной части. Сейчас деятельности Парламента недостает публичности.

Федеральный совет представляет территории, что схоже со статусом Совета Республики. Место председательствующего занимают по очереди представители разных земель. Губернаторы имеют право участвовать в заседаниях Федерального совета.

В Австрии предусмотрен более льготный кворум для заседаний и принятия решения. До подписания закона Президентом по решению Национального совета принятый закон может быть вы-

несен на народное голосование. Важное полномочие Парламента состоит в том, что Национальный совет принимает закон о финансах, в основу его обсуждения берется проект Федерального правительства. Основательно решены вопросы по данному закону и взаимодействию с правительством. Это пример, достойный для подражания.

Федеральный президент отнесен к исполнительной власти, но больше находится в тени, если система сдержек и противовесов функционирует без сбоев и лишь в проблемных ситуациях появляется необходимость в реализации им своей роли арбитра. В Австрии предусмотрена обязанность участия в выборах. В законе могут быть определены уважительные причины для неучастия в выборах. Срок полномочий Федерального президента 6 лет. Повторное, непосредственно следующее за предыдущим, допускается один раз.

Если сопоставлять судебную власть в двух странах, то существует общее и особенное. Суды обладают правом непосредственного запроса в Конституционный Суд. В Беларуси подобный порядок предусмотрен в статье 112 Конституции, но интерпретирован несколько иначе в текущем законодательстве. Статус Конституционного Суда Австрии детально прописан в конституционном тексте. Нам можно было бы воспринять подход, согласно которому даже если правовая норма утратила силу, то все равно есть основания для обращения в Конституционный Суд.

Заключение. Таким образом, зарубежный опыт, особенно европейских стран, является важным источником пополнения научных знаний и их последующей реализации в нормотворческой и правоприменительной сфере.

Конституция является отражением политической и социальной борьбы, расстановки сил на момент ее принятия. Она будет неизменна, пока не изменится конфигурация политических сил, способных повлиять на ее содержание.

Оптимальным вариантом является ситуация, когда Конституция отражает социальный компромисс и содержит механизмы разрешения конфликтов. Усиление конституционных гарантий и парламентского контроля за их реализацией способны решить одну из важнейших задач государства – обеспечить достойный уровень жизни человека.

Список использованных источников

1. Вихарев, С. Р. К вопросу о формах национальной государственности в СССР и признаках отличия союзных и автономных республик / С. Р. Вихарев // Вопросы советского государства и права : тез. докл. на науч. конф. юрид. фак. (17 апр. 1968 г.) / Белорус. гос. ун-т ; ред.: А. А. Головки, В. А. Дорогин, А. Т. Лейзеров. – Минск, 1968. – С. 31–39.
2. Головки, А. А. Теоретические основы демократии: конституционно-правовой аспект / А. А. Головки. – Минск : Право и экономика, 2004. – 164 с.
3. Чудаков, М. Ф. Конституционное государственное право зарубежных стран : курс лекций / М. Ф. Чудаков. – Минск : Харвест, 1998. – 783 с.
4. Кондратович, Н. М. Конституционное право зарубежных стран / Н. М. Кондратович. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Тетралит, 2017. – 175 с.
5. Масловская, Т. С. Конституционные ценности в XXI веке: тенденции к универсализму или укреплению национальных интересов? / Т. С. Масловская // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. – 2018. – № 6. – С. 56–62. <https://doi.org/10.12737/art.2018.6.2>
6. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Г. А. Василевич. – 2-е изд. – Минск : Право и экономика, 2001. – 484 с.
7. Василевич, Г. А. Белорусское государство на рубеже веков / Г. А. Василевич. – 3-е изд., доп. – Минск : Право и экономика, 2008. – 454 с.
8. Василевич, Г. А. В поиске правовых решений / Г. А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2010. – 235 с.
9. Vasilevich, G. A. Constitutional law in Belarus / G. A. Vasilevich. – 2nd ed. – Netherlands : Wolters Kluwer, 2016. – 240 p.
10. Демичев, Д. М. Конституционное право : учебник / Д. М. Демичев. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2012. – 415 с.
11. Кивель, В. Н. Конституционное право Республики Беларусь / В. Н. Кивель. – Минск : Соврем. шк., 2008. – 166 с.
12. Петров, А. П. Конституционное право : учеб. пособие / А. П. Петров. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2019. – 434 с.
13. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г. А. Василевич. – Минск : Кн. Дом, 2010. – 767 с.
14. Тихомиров, Ю. А. Управление на основе права / Ю. А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2007. – 484 с.
15. Василевич, Г. А. Государственное управление и перспективы развития / Г. А. Василевич, Ю. А. Тихомиров // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. – 2011. – № 6. – С. 21–25.
16. Ильин, И. А. Родина и мы : сборник / И. А. Ильин ; сост. и отв. ред. Ю. Т. Лисица. – Смоленск : Посох, 1995. – 511 с.
17. Василевич, Г. А. Проекты Конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели (1990–1994 гг.) / Г. А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2014. – 306 с.

References

1. Vikharev S. R. On the question of the forms of national statehood in the USSR and the signs of differences between the union and autonomous republics. *Voprosy sovetskogo gosudarstva i prava: tezisy dokladov na nauchnoi konferentsii yuridicheskogo fakul'teta (17 aprelya 1968 g.)* [Questions of the Soviet state and law: abstracts of reports at a scientific conference of the faculty of law (April 17, 1968)]. Minsk, 1968, pp. 31–39 (in Russian).
2. Golovko A. A. *Theoretical foundations of democracy: constitutional and legal aspect*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2004. 164 p. (in Russian).
3. Chudakov M. F. *Constitutional state law of foreign countries*. Minsk, Kharvest Publ., 1998. 783 p. (in Russian).
4. Kondratovich N. M. *Constitutional law of foreign countries*. 2nd ed. Minsk, Tetralit Publ., 2017. 175 p. (in Russian).
5. Maslovskaya T. S. Constitutional values in the 21st century: tendencies to universalism or strengthening national interests? *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2018, no. 6, pp. 56–62 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/art.2018.6.2>
6. Vasilevich G. A. *The Constitution of the Republic of Belarus: (scientific and practical commentary)*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2001. 484 p. (in Russian).
7. Vasilevich G. A. *The Belarusian state at the turn of the century*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2008. 454 p. (in Russian).
8. Vasilevich G. A. *In search of legal solutions*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2010. 235 p. (in Russian).
9. Vasilevich G. A. *Constitutional law in Belarus*. 2nd ed. Netherlands, Wolters Kluwer, 2016. 240 p.
10. Demichev D. M. *Constitutional law*. Minsk, Adukatsyya i vykhavanne Publ., 2012. 415 p. (in Russian).
11. Kivel' V. N. *Constitutional law of the Republic of Belarus*. Minsk, Sovremennaya shkola Publ., 2008. 166 p. (in Russian).
12. Petrov A. P. *Constitutional law*. Minsk, Republican Institute of Higher Education, 2019. 434 p. (in Russian).
13. Vasilevich G. A. *Constitutional law of the Republic of Belarus*. Minsk, Knizhnyi Dom Publ., 2010. 767 p. (in Russian).
14. Tikhomirov Yu. A. *Law-based management*. Moscow, Formula prava Publ., 2007. 484 p. (in Russian).
15. Vasilevich G. A., Tikhomirov Yu. A. State governance and development perspectives. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2011, no. 6, pp. 21–25 (in Russian).
16. Il'in I. A. *Homeland and we: articles*. Smolensk, Posokh Publ., 1995. 511 p. (in Russian).
17. Vasilevich G. A. *Drafts of the Constitution of the Republic of Belarus: search for the optimal model (1990–1994)*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2014. 306 p. (in Russian).

Информация об авторе

Василевич Григорий Алексеевич – член-корреспондент, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail : Gregory_1@tut.by

Information about the author

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding Member, D. Sc. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department, Faculty of Law. Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: Gregory_1@tut.by

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 339.13.01
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-225-234>

Поступила в редакцию 11.12.2020
Received 11.12.2020

А. М. Тетёркина, А. Н. Ганюков

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА**

Аннотация. Статья посвящена вопросу уточнения концептуального базиса развития потребительского рынка с учетом специфики современного этапа общественных отношений. Авторами утверждается, что взаимосвязи участников данного рынка должны выстраиваться на принципах эффективности и социальной справедливости и ориентироваться на улучшение показателей национальной экономики. Раскрыта суть понимания этих принципов с позиций целевых приоритетов деятельности поставщиков потребительских товаров, субъектов торговли, предприятий и организаций реального сектора экономики, которые напрямую не задействованы в производстве потребительских благ, а также деятельности финансово-кредитных учреждений, государства и интересов конечного покупателя. Обозначены цель и задачи функционирования потребительского рынка, а также инструментарий их реализации. Особый акцент сделан на значимости мер ценового регулирования и необходимости их подчинения принципам эффективности и социальной справедливости. Рассмотрены важнейшие факторы ценообразования на товары личного потребления: соотношение спроса и предложения, затраты на производство и реализацию продукции, ее ценность для потребителя, наличие складских запасов, состояние денежной сферы, рост мировой экономической интеграции, применение экономических санкций и уровень конкуренции. Сформулирован вывод о целесообразности комплексного подхода к исследованию заявленной тематики.

Ключевые слова: потребительский рынок, эффективность, социальная справедливость, национальная экономика, цены, факторы ценообразования

Для цитирования: Тетёркина, А. М. Концептуальные основы функционирования потребительского рынка / А. М. Тетёркина, А. Н. Ганюков // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 225–234. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-225-234>

Ala M. Tsiatsiorkina, Andrei N. Haniukou

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE FUNCTIONING OF THE CONSUMER MARKET

Abstract. The article is devoted to clarifying the conceptual basis for the development of the consumer market, taking into account the specifics of the current stage of social relations. The authors claim that the interconnections of participants in this market should be built on the principles of efficiency and social justice and be intended on improving the performance of the national economy. The essence of understanding these principles from the point of view of target priorities of activity of suppliers of consumer goods, subjects of trade, the enterprises of real sector of economy which are not directly involved in manufacture of consumer goods, and also activity of financial and credit institutions, the state and interests of the end buyer is opened. The purpose and objectives of the consumer market and the tools for their implementation are outlined. Special emphasis is placed on the importance of price regulation measures and the need for them to comply with the principles of efficiency and social justice. The most important factors of personal consumption goods pricing are considered: supply and demand balance, production and sales costs, consumer value, availability of warehouse stocks, state of the monetary sphere, growth of the global economic integration, application of economic sanctions and competition level. The conclusion was drawn that it is advisable to take a comprehensive approach to studying the stated topics.

Keywords: consumer market, efficiency, social justice, national economy, prices, pricing factors

For citation: Tsiatsiorkina A. M., Haniukou A. N. Conceptual foundations for the functioning of the consumer market. *Vesti Natsyonal'noi akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 225–234 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-225-234>

Введение. На текущем этапе развития общественных отношений потребительский рынок наиболее часто трактуется с позиций деловых связей, возникающих в процессе создания и продвижения потребительских благ от поставщиков к субъектам, осуществляющим их реализацию конечным покупателям. Однако его дефиниция гораздо масштабнее. Необходимо принимать во внимание, что указанный рынок напрямую или опосредованно взаимоувязан со всей системой рынков и является частью национального хозяйства. Параметры его функционирования зависят от доходов населения, состояния материально-технической базы реального сектора экономики, принятых моделей движения финансовых потоков и ряда других аспектов. Одновременно через спрос на товары конечного потребления он оказывает влияние на занятость, предопределяет потребность в средствах производства, поддерживает непрерывность движения денег, а также участвует в формировании ВВП и налоговых поступлений в бюджет, обеспечивает людей жизненно необходимыми продуктами и удовлетворяет их запросы, находящиеся на более высокой ступени иерархии потребностей. Все это указывает на актуальность проведения более глубоких исследований относительно трактовки его сути и результатов функционирования.

Основная часть. В реалиях современности каждое государство стремится к непрерывному улучшению состояния потребительского рынка, которое увязывается с понятием повышения его эффективности. Но среди теоретиков и практиков до сих пор отсутствует единое мнение относительно квинтэссенции данного понятия.

Основы толкования эффективности были заложены еще философскими воззрениями античности, которые последовательно дополнялись и углублялись на каждой ступени становления экономической науки. По мере того как расширялся комплекс факторов, влияющих на жизнь человека, изменялись формы организации производства, стереотипы мышления и нормы поведения различных социальных групп, происходила трансформация ее понятийного аппарата. Вместе с тем с уверенностью можно утверждать, что природа эффективности неизменна, так как проявляется в выражении цели функционирования хозяйственной системы в целом и отдельных ее составляющих. Эту мысль отражают и практики, и та часть научного сообщества, представители которой подчеркивают объективность категории. Они трактуют ее как результативность процесса, сделки и т. д. Однако изучение литературных источников свидетельствует, что терминология эффективности весьма разнообразна. Причиной тому выступает ее субъективное начало, проявляющееся в противоречивости личностных, групповых и общественных интересов [1, с. 5–13; 2–4].

Сказанное позволяет констатировать, что эффективность в силу своей объективности ориентирует участников потребительского рынка на сопоставление приложенных усилий и намеченных целей с достигнутым результатом, а в силу субъективизма обуславливает отсутствие единого критерия оценки. К тому же в связи с тем, что потребительский рынок является частью экономики страны, закономерным становится вопрос и об эффективности его функционирования с позиций вклада в национальное развитие.

Для взаимоувязки названных компонентов в первую очередь уместно рассмотреть порядок деловых взаимоотношений субъектов хозяйствования, напрямую являющихся участниками потребительского рынка, и тех, что имеют опосредованное отношение к нему.

Так, в *пределах границ функционирования потребительского рынка* для поставщиков товаров одной из важнейших задач является приобретение в запланированном объеме качественных сырья, материалов и услуг при затрате на это как можно меньше денежных средств. Когда же речь идет о сбыте готовой продукции субъектам, доводящим ее до конечного потребителя, они ориентируются на максимизацию чистой прибыли. В снижении расходов заинтересованы и ритейлеры, но и они стремятся реализовать товар на наиболее выгодных для себя условиях. Некоторые нюансы можно наблюдать при организации фирменной торговли. В этом случае и поставщик, и сбытовые структуры ориентированы на достижение единой цели, которую преследует каждый, кто работает на коммерческих началах [5–7].

Схожая логика рассуждений имеет место при анализе взаимосвязей в сфере оказания услуг, за исключением некоторых правок с учетом трансформации цепочки создания и продвижения блага.

Однако продукт востребован только тогда, когда его стоимость и качество приемлемы для потребителя, который в силу рациональности своего поведения тоже стремится к экономии. Следо-

вательно, он воспринимает эффективность потребительского рынка с точки зрения максимизации степени удовлетворения своей потребности в благах при минимизации платы за них.

За рамками приведенных выше взаимосвязей можно выделить *реальный сектор экономики, не задействованный в производстве и реализации потребительских товаров и услуг*. Его границы в определенной степени условны и во многом зависят от принимаемых интерпретации и сегментации потребительского рынка. С учетом наиболее распространенных определений последнего к этому сектору можно причислить информационное обеспечение, строительство, а также бытовое обслуживание и жилищно-коммунальное хозяйство в целом или в той части, в которой они оказывают свои услуги юридическим лицам, и т. д. Деятельность данных субъектов может быть направлена абсолютно на всех участников создания, продвижения и потребления продукции, предназначенной для личного пользования [6–7]. В их понимании потребительский рынок эффективен в том случае, когда за предоставленные его участникам товары, работы и услуги будет получена максимальная отдача, прежде всего, в денежном эквиваленте.

Финансово-кредитные учреждения придают несколько иной смысл эффективности потребительского рынка. Они заинтересованы в наличии платежеспособных клиентов, которым могут оказывать финансовое содействие и в кратчайшие сроки получать высокую плату за это. В свою очередь платежеспособность клиентов предопределяется уровнем их прибыльности или доходности, а желание прибегнуть к использованию заемных средств – переносом поставленных перед собой задач. Постановка же задач и готовность их выполнения будет зависеть от складывающейся конъюнктуры рынка. Тогда очевидно, что для финансового сектора важно, чтобы потребительский рынок динамично развивался, стремясь максимально обеспечить реализацию экономических приоритетов и поставщиков, и ритейлеров, и конечных покупателей. Но параллельно участники потребительского рынка рассматривают плату за финансовые услуги в качестве затратной составляющей. Именно поэтому они нацелены на пролонгирование периода использования таких средств и сокращение отчислений в счет погашения долга по ним [5–7].

Отдельным субъектом, имеющим свое понятие эффективного функционирования потребительского рынка, правомерно назвать *государство*. В его интерпретации данная категория характеризуется наибольшей многогранностью [8–10].

В частности, с позиций выстраивания взаимоотношений с бюджетом каждое предприятие в ходе своей деятельности учитывает необходимость уплаты налогов и одновременно рассчитывает на поддержку в виде прямых выплат и получения определенных преференций, в рамках чего может прибегнуть к манипуляции с расчетами затрат. В зависимости от принятой им учетной политики некоторые расходы могут быть отнесены на себестоимость созданного продукта либо на конечный финансовый результат, также может иметь место дробление бизнеса и т. д. В таком случае закономерны различия в исчислении налогооблагаемой базы и условий бюджетного финансирования, а значит, совершенно разной будет степень максимизации выгод.

В то же время бюджет по отношению к потребительскому рынку в рамках своего функционального предназначения нацелен на получение наибольшего объема налоговых отчислений и экономию расходов. Данная задача, согласно кривой Лаффера, решается при установлении оптимального размера налоговой ставки и при оказании адекватной и своевременной поддержки тем, кто в этом нуждается. Причем данное утверждение применимо и к субъектам иных сфер экономики, которые выступают налогоплательщиками и формируют базу трансфертов для всех участников цепочки товародвижения потребительских благ. Тогда справедливо утверждать, что для бюджета понятие эффективности потребительского рынка увязано с достижением консенсуса между повышением поступлений и сокращением выплат.

Однако помимо бюджетно-налоговой политики государство занимается вопросами развития конкуренции, устранения безработицы, обеспечения достойной оплаты труда и т. д. Учитывая данный аспект, эффективность потребительского рынка может определяться в контексте целевых приоритетов деятельности госорганов и ведомств, задействованных в решении вмененных им задач. Например, для Министерства труда и социальной защиты важны уровни занятости и заработной платы его участников; для Министерства антимонопольного регулирования и торговли – добросовестность деловых практик, а также физическая и ценовая доступность товаров и услуг и т. д.

Не менее значимым представляется освещение вопроса относительно рассмотрения государства в качестве полноценного участника рыночных отношений. Здесь уместно упомянуть об организациях, которые создаются по инициативе уполномоченных госструктур. Такие организации вправе вести свою деятельность в абсолютно разных сферах экономики, могут осуществлять работу на коммерческих началах и ориентироваться на максимизацию прибыли и минимизацию затрат. Участвуя в производстве товаров и оказании услуг, они выступают на стороне предложения. Но параллельно формируя заказ, например, на поставку продовольствия в школы, дошкольные учреждения, больницы и т. д., государство корректирует потребительский спрос на продукты питания, а значит, оказывает влияние на рыночное предложение.

В дополнение следует отметить, что перечисленные субъекты могут быть связаны между собой инвестиционными потоками. В этом случае перечень их целевых приоритетов расширяется, а взаимоотношения между ними будут выстраиваться по подобию взаимоотношений с финансово-кредитными учреждениями. Причем среди инвесторов могут значиться и конечные потребители, ориентированные не только на максимизацию удовлетворения потребностей в товарах и услугах, но и на увеличение денежных поступлений в свое распоряжение, в частности, доходов от трудовой и предпринимательской деятельности, займов, в том числе на безвозмездной основе, пособий и прочего. Источники их формирования – это различного рода выплаты предприятий, организаций, финансово-кредитных учреждений и бюджета, интересы которых противоположны интересам потребителей. В то же время сами потребители могут быть наемными работниками, работниками-собственниками, управляющими и служащими и, соответственно, быть заинтересованными в росте заработной платы, валового дохода, социальных выплат и т. д. Иными словами, складывается ситуация, когда одно лицо выступает одновременно в разных ролях и преследует достижение противоречивых целей [10–11].

В совокупности взаимосвязь всех перечисленных субъектов формирует более сложную многоуровневую систему организационно-экономических отношений, которая выходит за рамки понимания дву- и даже многостороннего сотрудничества. Она характеризуется своими установками и должна рассматриваться через призму функционирования национального хозяйства в целом. С этой точки зрения в основе оценки потребительского рынка будут находиться показатели, отражающие его вклад в обеспечение устойчивого развития экономики: доля в ВВП, степень зависимости от импортных поставок, влияние на достижение общего равновесия и т. д. [7; 12].

Но надо понимать, что и на данном уровне критерии эффективности неоднозначны. На определенном этапе для страны важным является наращивание валовой продукции. Однако производство может быть убыточным и для конкретных субъектов, и для отраслей. Отказ же от нерентабельной продукции приведет к ее импорту, следовательно, к усилению зависимости от внешних поставщиков, потере рабочих мест, снижению платежеспособного спроса и т. д., что обернется государству еще большим ущербом, чем помощь убыточному предприятию или организации.

Таким образом, наделяя рассматриваемую категорию субъективно-объективными свойствами и увязывая ее со сложностью устройства экономической системы, для достижения наилучших результатов функционирования потребительского рынка обоснованно говорить о согласовании по отношению к нему всего многообразия целевых установок национального хозяйства и одновременно о максимизации уровня их достижения отдельными участниками.

Предлагаемый подход тесно переплетается с учением В. Парето, который трактовал эффективность с точки зрения равновесия и сбалансированности. Однако правильным будет отметить, что на фоне повышения благосостояния одних субъектов хозяйствования без нанесения ущерба другим положение последних может быть стабильно неудовлетворительным. Поэтому логика дальнейших исследований указывает на актуальность постановки вопроса определения порога допустимости улучшений. Ответ на него следует искать в плоскости понятия социальной справедливости [13].

В широком смысле социальная справедливость выступает мерой равенства в жизнедеятельности человека. Ее содержательный характер, как и дефиниция эффективности, менялся на протяжении всего периода становления и развития общественно-экономических отношений. Надо признать, что до сих пор этот термин не имеет безапелляционной трактовки. Однако границы его восприятия расширились. Были приняты во внимание все преимущества и недостатки пре-

дыдущих толкований, и с учетом реалий современности определено, что социальная справедливость предусматривает прежде всего равенство всех членов общества в их возможностях самореализации [14–15].

Учитывая специфику потребительского рынка, следует отметить, что каждый из его участников, как и каждый участник любой другой сферы экономики, имеет право на лоббирование своих интересов, не противоречащих нормам закона. Но все субъекты хозяйствования характеризуются разным социально-экономическим положением, что заключается в разной степени владения капиталом и причастности к процессам распределения, перераспределения, обмена и потребления, в дифференциации доходов и потребностей и т. д. Поэтому достижение намеченного будет зависеть от принятой ими схемы сотрудничества, а разделение преимуществ должно быть таким, чтобы все стороны были заинтересованы в этом сотрудничестве, в том числе и те, чье положение наименее выгодно. Иными словами, неравенство приемлемо как стимул для развития.

Все вышесказанное дает основание утверждать, что концептуально функционирование потребительского рынка должно базироваться одновременно на двух взаимно уравновешивающих принципах: эффективности и социальной справедливости. При этом сам рынок должен быть нацелен на гармонизацию интересов поставщиков, ритейлеров и потребителей в контексте обеспечения устойчивого развития национальной экономики.

Обозначенная цель достижима при выполнении следующих задач: обеспечение объемного и структурного соответствия предложения потребительских товаров и услуг платежеспособному спросу; оптимизация параметров спроса и предложения в соответствии с экономически обоснованными нормами и ориентирами; создание равновыгодных условий для реализации экономических интересов всех участников рынка; поддержание добросовестных практик ведения бизнеса; формирование действенного механизма удовлетворения спроса на социально значимые товары и услуги; стимулирование развития современных технологий производства и продвижения безопасных качественных потребительских товаров и услуг и т. д. [10].

Проработку решений поставленных задач следует начинать с анализа той среды, в которой функционирует рынок, учитывая природные, культурные, демографические, экономические и иные параметры. В дальнейшем целесообразна оценка его состояния, что предполагает рассмотрение тенденций товарооборота и индекса потребительских цен, соотношения спроса и предложения по ключевым товарным позициям, ассортиментного перечня продукции и бесперебойности ее поставок и т. д.

На следующем этапе необходимо выявить деструктивные факторы и возможные угрозы подрыва динамичного развития рынка (высокая импортозависимость, дискриминация отдельных категорий субъектов хозяйствования, ненадлежащее качество товара и прочее). На базе полученной информации закономерно перейти к обоснованию направлений по стабилизации ситуации и достижению намеченных показателей. Здесь речь может идти о либерализации отношений или об ужесточении государственного регулирования; о создании барьеров, например, для импорта, или об их снятии; о поддержке конкуренции или, наоборот, о концентрации рыночной силы у отдельных игроков и т. д.

Соответственно, реализация тех или иных направлений предполагает задействование широкого круга инструментов в сфере налогообложения, субсидирования, кредитования, инвестирования, страхования, антимонопольного регулирования и т. д., хотя сами инструменты, когда они выступают в качестве индикаторов развития рынка, могут быть объектом воздействия. При этом если за основу функционирования потребительского рынка приняты принципы эффективности и социальной справедливости, то меры влияния на него должны быть подчинены этим принципам. Подобного рода рассуждения продемонстрированы на примере ценообразования.

Так, по своей сути цена представляет собой неотъемлемый элемент товарообменных операций, посредством которого предприятия, организации и индивидуальные предприниматели стремятся максимизировать свою прибыльность [16]. В то же время если речь идет о наемных рабочих, занятых в производстве и реализации потребительского блага, то для них цена представляет интерес в контексте того, насколько она позволяет удовлетворить запросы в части получения достойной оплаты труда. Для работников-собственников она важна с точки зрения формирова-

ния доходности, а с позиций потребителя она должна соответствовать качеству товара, обеспечивать возможность его приобретения в количестве, достаточном для удовлетворения своих нужд, и нести минимальную нагрузку на семейный бюджет.

Многоаспектность восприятия цены обуславливает тот факт, что она может выступать и инструментом регулирования потребительского рынка, и объектом воздействия. В частности, государство, ориентируясь на определенные установки, вправе прибегнуть к ее фиксации, определению верхних и нижних границ, а также регламентации состава и пропорций отдельных компонентов. В этом случае цена будет использована в роли рычага, моделирующего поведение субъектов хозяйствования. Одновременно она может рассматриваться и как критерий оценки достижения заданных приоритетов производства и потребления некоторого блага. В такой интерпретации ее уровень представляется итогом решений в области бюджетного субсидирования, процентных ставок по кредитам, налоговой нагрузки и т. д. [17–19]. Но прежде чем принять решение относительно корректировки ситуации на потребительском рынке с задействованием ценового аспекта, важно изучить состав факторов, влияющих на ценообразовательную деятельность субъектов хозяйствования. Особое внимание должно быть уделено следующим из них.

1. *Соотношение спроса и предложения.* Общеизвестно, что процесс ценообразования сопряжен со степенью насыщенности рынка продукцией. При этом большинство исследователей прибегают к классической интерпретации этой связи, согласно которой динамика цен прямо пропорционально увязана с предложением и обратно пропорционально – со спросом. Вместе с тем правомерно отметить, что изменение каждой из рассматриваемых величин имеет взаимообусловленный характер, объясняемый контекстом преобразований в обществе. Развитие его социально-экономического уклада предопределяет периодическую трансформацию структуры потребностей и возможностей их удовлетворения, что на некотором этапе приводит к дефициту одних товаров и избытку других. Указанные процессы непрерывны, в результате чего возникает разноплановость в изменении цен, идущая вразрез с тенденциями спроса и предложения [20–21].

2. *Затраты производства и реализации.* При формировании предложения не может быть проигнорирована сумма затрат на создание блага, которая воспринимается производителями в качестве денежной формы ресурсов, задействованных в производстве. Если вести речь и о стадии доведения товара до потребителя, то рассматриваемый фактор становится масштабнее, включая в свой состав издержки обращения. Причем последние могут быть полностью отнесены на счет того, кто осуществляет конечную реализацию продукции, а могут быть частично переложены на поставщика товара. Для каждого из них, как было отмечено выше, одним из главных критериев деятельности выступает максимизация экономической выгоды. При прочих равных условиях данный тезис находит отражение в том числе и в стремлении свести к минимуму издержки. Однако в современных реалиях первостепенную значимость приобретает соотношение стоимости сырья, материалов, комплектующих изделий и т. д. с их качественными характеристиками. Вполне оправданными могут быть более высокие затраты по сравнению с усредненными, сложившимися на рынке. Такое утверждение абсолютно справедливо, если ресурс, например, не меняя своего функционального назначения, за счет модификации и совершенствования наполняется свойствами повышенной отдачи. Попытка экономии за счет более дешевых составляющих с низкой производительностью может привести к противоположной ситуации. По сути, имеет место неоднозначность влияния динамики затрат на процесс формирования цен, который к тому же существенно усложняется наличием множества вариантов сочетания использования самих ресурсов [20–21].

3. *Ценность товара (услуги) для потребителя.* Мотивированное желание потенциального покупателя приобрести товар является еще одним неотъемлемым ценообразующим фактором. Заинтересованность в наличии того или иного блага формируется с учетом его ценности для индивида. В свою очередь ценность не является заданной величиной. Как было отмечено ранее, непрерывность развития социально-экономических отношений предопределяет эволюционирование потребностей человека. Систематически происходят смещение акцентов в значимости их видового состава и качественные преобразования в рамках одного вида, на фоне чего наблюдается переориентация интересов потребителей в сторону совершения покупок, способных удовлетворить измененные потребности, характерные для нового витка развития общества.

Указанная тенденция в большей степени объяснима с позиции охвата длительного временного лага, позволяющего наблюдать сглаженный повышательный тренд в экономике. При исследовании коротких промежутков времени на первый план выходит платежеспособность населения. Увеличение его доходов позволяет преступить существующие рамки потребления. Ценность ранее приобретаемых товаров снижается, спрос становится разнообразнее. Это заставляет товаропроизводителей обновлять ассортимент, цены на который, как правило, устанавливаются на достаточно высокой отметке, сохраняемой до тех пор, пока вновь не изменятся потребительские предпочтения. А снижение жизненного уровня приведет к повышению ценности товаров первой необходимости и приоритетом станет экономия затрат [20–21].

4. *Уровень запасов.* Немаловажное значение в ценообразовании имеет наличие товаров, находящихся в запасе. С помощью регулирования количества продукции, которая некоторое время не вовлекается в товарооборот, возможна манипуляция спросом и предложением. Применительно к конечному потребителю данное понятие не имеет столь глубокого смыслового подтекста, как в отношении производителя. Первые в силу ограниченности своих физических и финансовых возможностей не в состоянии складировать покупки в таком объеме, чтобы повлиять на цену. А вот наличие запасов у товаропроизводителей – распространенное явление, что объяснимо их стремлением избежать падения цен, а в некоторых случаях целенаправленно вызвать их рост.

Складирование может проводиться и на уровне государства в рамках обеспечения преференциального развития отдельных производств. Такая мера призвана обеспечить приемлемую для эффективной работы доходность стратегически важных отраслей. Сокращение же запасов, наоборот, преследуя цель формирования благоприятной конъюнктуры рынка, ориентировано на устранение дефицита продукта и его удешевление [20–21].

5. *Состояние денежной сферы.* Нельзя недооценивать влияние на процесс ценообразования состояния денежной сферы. Являясь одновременно результатом производства и потребления отдельных товаров и услуг, этот фактор на макроуровне приобретает параметры заданных условий функционирования рынка.

Переполнение каналов денежного обращения внутри страны при отсутствии увеличения товарной массы или улучшения ее качества сопровождается обесцениванием денег и всплеском инфляции, сигнализируя о необходимости проведения сдерживающей монетарной политики. В период же спада деловой активности требуются противоположные действия.

В контексте внешней торговли значима ценность денежных единиц разных стран по отношению друг к другу и к свободно конвертируемым валютам. Девальвация дает определенные выгоды для экспортеров при обмене подорожавшей иностранной валюты на национальную и позволяет им осуществлять сбыт своей продукции дешевле, чем на мировом рынке, повышая таким образом ее конкурентоспособность. Но поскольку импортные аналоги становятся дороже, эта ситуация создает посыл для роста внутренних цен и обуславливает необходимость корректировки механизма денежной трансмиссии [20–22].

6. *Рост мировой экономической интеграции.* Реалиям современности свойственно усиленное развитие интеграционных процессов. Идет не просто наращивание объемов экспортно-импортных поставок, а сближение и взаимное приспособление национальных экономик. Учеными и практиками признано, что чем масштабнее рынок, тем легче сбалансировать спрос и предложение. Исходя из этих позиций осуществляют свою деятельность многие региональные и межрегиональные объединения и организации, например, ВТО. Начиная с 1990-х гг. ее правила и нормы стали обязательными для подавляющей части мирового сообщества. Они ориентированы на сокращение мер, искажающих результаты торговли, в частности, таких, как прямая поддержка доходов производителей. Это непосредственно отражается на политике ценообразования тех стран, которые уже вступили в данную организацию либо ведут переговоры по вступлению [22].

7. *Применение экономических санкций.* В дополнение к вышеперечисленному нами выделен фактор санкционных режимов, представляющий собой негативное следствие глобализации мира и заслуживающий в силу роста значимости отдельного внимания.

Санкционные режимы стали характеризоваться комплексностью и прогрессивностью используемых инструментов, высокой частотой, масштабностью, одновременностью и коллективностью.

Их применение существенно повышает уровень нестабильности мировой финансовой системы и вероятность наступления экономического кризиса.

Так, взаимное приспособление национальных хозяйств не всегда осуществляется на условиях равноправия. Имеет место доминирование более сильных над слабыми. Несомненно, последние получают определенные выгоды от такого сотрудничества. Однако в случае столкновения интересов, преследуя цель получения необходимой ответной реакции, одна сторона позволяет себе применять различные ограничения и меры точечного давления по отношению к другой. Причем сами интересы зачастую являются политическими, а в качестве рычагов задействуются торговые барьеры, усечение инвестиций, блокировка доступа к мировым финансовым рынкам и т. д. В результате возникает разрыв между прогнозируемыми и фактическими объемами поставок товаров подсанкционных стран в страны-санкционеры, т. е. появляются издержки потерянной торговли. Трансформируются величина и структура предложения на внутренних рынках. Кроме того, в межстрановые торговые и финансовые потоки встраиваются посредники, искусственно изменяющие итоги взаимодействия участников товарооборота – увеличиваются сроки реализации сделок и повышаются цены для потребителей [22–24].

8. *Наличие конкуренции.* Далеко не последнюю роль в процессе ценообразования играет уровень развития конкуренции. Указанный фактор может трактоваться и с позиций производства и торговли, и с позиций покупателя. В первом случае на формирование цен оказывают влияние число и размер поставщиков и ритейлеров, а также степень агрессивности их действий. На рынках свободной конкуренции практически каждый из этих участников ориентирован на восприятие уже сложившихся усредненных цен. Имеет место их адаптивное поведение. В стремлении извлечь выгоду предприятия будут искать пути сокращения издержек, возможности ведения неценового соперничества путем внедрения новых технологий, диверсификации товарной номенклатуры, оптимизации каналов сбыта и т. д. По мере продвижения рассматриваемых характеристик рыночных отношений в направлении монополизации происходит смещение акцентов в сторону превалирования интересов субъектов хозяйствования, формирующих предложение. Потребитель вынужден будет принять их условия или, если возможно, пересмотреть свои предпочтения и отказаться от приобретения блага, которое предлагает ему монополист.

Конкуренция покупателей формирует зеркальную ситуацию, что весьма выгодно для поставщика и ритейлера, так как позволяет им избежать потерь по причине возможных ценовых перекосов. В то же время монополия моделирует параметры конкурентного рынка. Для товаропроизводителей и субъектов торговли цена приобретает заданную величину, отражающую интересы общества, под которые те обязаны подстраиваться [20–21; 25, с. 9–56].

Безусловно, перечень представленных факторов не является исчерпывающим. Одновременно их влияние распространяется не только на ценовую сферу, что следует принять во внимание при задействовании иных регуляторов рынка. К тому же каждый из факторов в конкретный промежуток времени обладает разной силой воздействия, обуславливая асинхронность изменений конъюнктурных составляющих хозяйственной системы. Поэтому в исследовании обозначенной проблематики важен комплексный подход.

Выводы. Таким образом, на современном этапе общественного развития насущным является вопрос обеспечения функционирования потребительского рынка на принципах эффективности и социальной справедливости, что предполагает гармонизацию экономических интересов его участников в контексте устойчивого социально-экономического развития национального хозяйства. Концептуально это предполагает постановку конкретных задач относительно моделирования ситуации в сферах производства, торговли и потребления конечных благ. Их решение будет зависеть от результатов анализа той среды, в которую погружены участники рынка, от оценки итогов их работы и наличия деструктивных факторов, препятствующих достижению намеченных целей. Полученные характеристики должны послужить основой для выявления оптимальных направлений по улучшению показателей потребительского рынка, а их практическое воплощение следует осуществлять на основе взвешенного задействования различных инструментов экономического и административного плана. Среди таковых отдельно можно выделить корректирующие меры в области ценообразования, которые в дополнение к комплексу иных мер призваны создать

условия для формирования динамичной пропорциональности производства и обмена потребительскими товарами и услугами, стимулирования сокращения затрат по созданию и продвижению продукции, а также сбалансирования спроса и предложения в условиях постоянного колебания их объемов и структуры. Использование этих мер должно быть направлено на развитие отраслей социально-потребительского комплекса, обеспечение занятости населения и достойного уровня оплаты труда, повышение конкуренции и укрепление национальных позиций на мировой арене.

Список использованных источников

1. Актуальные направления повышения эффективности сельского хозяйства региона (на примере Могилевской области) / А. А. Муравьев, В. И. Бельский, А. М. Тетёркина. – Минск : Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси, 2017. – 157 с.
2. Галиуллин, Х. Я. Эффект как категория теории эффективности / Х. Я. Галиуллин, Г. П. Ермаков // Проблемы соврем. экономики. – 2013. – № 4 (68). – С. 120–124.
3. Гонtareва, И. Соотношение экономических эффектов и эффективности / И. Гонtareва, А. Дорохов // Economics & Economy. – 2013. – Vol. 1, № 1. – P. 197–205.
4. Тетёркина, А. М. Сущность эффективности сельскохозяйственного производства / А. М. Тетёркина // Проблемы экономики : сб. науч. тр. / Белорус. гос. с.-х. акад. – Минск, 2007. – Вып. 5. – С. 187–205.
5. Пигунова, О. Ассортиментная концепция предприятия торговли / О. Пигунова // Маркетинг. – 2003. – № 1. – С. 68–74.
6. Примаченок, Г. А. Экономическая теория и оценка эффективности деятельности хозяйственных субъектов / Г. А. Примаченок // Вест. Беларус. дзярж. экан. ун-та. – 2007. – № 4 (64). – С. 7–13.
7. Гусаков, В. Экономика счастья: мифы и реальность / В. Гусаков // Наука и инновации. – 2019. – № 9 (199). – С. 4–10.
8. Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике / Г. Клейнер, Д. Петросян, А. Беченов // Вопр. экономики. – 2004. – № 4. – С. 25–41. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-4-25-41>
9. Панчук, Н. А. Инструментарий и моделирование процессов государственного регулирования социально-экономической сферы / Н. А. Панчук // Экон. науки. – 2009. – № 6 (55). – С. 11–16.
10. Петрович, М. В. Система государственного регулирования потребительского рынка / М. В. Петрович // Вест. Беларус. дзярж. экан. ун-та. – 2003. – № 1. – С. 8–14.
11. Беккер, Г. С. Экономический анализ и человеческое поведение [Электронный ресурс] / Г. С. Беккер. – Режим доступа: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=../in/becker/works/becker_w1.txt&img=works.jpg&name=becker. – Дата доступа: 12.09.2020.
12. Гусаков, В. Приоритеты современного развития экономики / В. Гусаков // Наука и инновации. – 2020. – № 6 (208). – С. 4–9.
13. Оптимум Парето [Электронный ресурс] // Всероссийская академия внешней торговли. – Режим доступа: <http://www.vavt.ru/wred/glossek.nsf/glossecon/LSP058662>. – Дата доступа: 07.10.2020.
14. Обозный, Д. А. Эффективность и справедливость: описание экономической дифференциации / Д. А. Обозный // Проблемы соврем. экономики. – 2013. – № 4 (68). – С. 106–109.
15. Дыльнова, Т. В. Социальная справедливость – важнейший принцип социальной политики государства / Т. В. Дыльнова, И. А. Панкратов // Информ. безопасность регионов. – 2012. – № 1 (10). – С. 75–79.
16. Лепешинская, М. И. Понятие цены и ценообразования / М. И. Лепешинская // Экономика и учет труда. – 2008. – № 9. – С. 19–28.
17. Расулев, А. Государство и цены: механизм воздействия в условиях рыночной экономики / А. Расулев, С. Воронин, О. Исмаилов // О-во и экономика. – 2008. – № 3–4. – С. 5–18.
18. Паршин, В. И. Особенности ценообразования в условиях рыночной экономики / В. И. Паршин // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2011. – № 7. – С. 38–41.
19. Салимжанов, И. К. Рынок и регулирование цен / И. К. Салимжанов // Финансы. – 2007. – № 7. – С. 68–70.
20. Солнцева, Д. Факторы ценообразования: сколько стоит ваш продукт [Электронный ресурс] / Д. Солнцева // Планово-экон. отд. – 2020. – № 5. – Режим доступа: https://www.profiz.ru/peo/5_2020/factory_cenoobrazovaniya/. – Дата доступа: 08.09.2020.
21. Агафонова, М. С. Основные факторы и методы ценообразования в современных условиях / М. С. Агафонова, Ю. С. Грищенко // Соврем. наукоём. технологии. – 2013. – № 10, ч. 1. – С. 133.
22. Преображенский, Д. Всемирная торговая организация (ВТО) [Электронный ресурс] / Д. Преображенский, Ю. Латов // Энциклопедия Кругосвет. – Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/VSEMIRNAYA_TORGOVAYA_ORGANIZATSIYA_VTO.html. – Дата доступа: 25.10.2020.
23. Архипова, В. В. Современный санкционный режим в отношении России: характеристика и глобальный аспект / В. В. Архипова // Мир новой экономики. – 2017. – № 2. – С. 13–19.
24. Международные санкции (ограничительные меры) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Эстония. – Режим доступа: <https://vm.ee/ru/rahvusvahelised-sanktsioonid-piiravad-meetmed>. – Дата доступа: 25.11.2020.
25. Ивановская, И. В. Механизм ценообразования на рынке с ограниченной конкуренцией / И. В. Ивановская, Е. М. Карпенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 160 с.

References

1. Murav'ev A. A., Bel'skii V. I., Teterkina A. M. *Actual direction of increasing the efficiency of agriculture in the region (on the example of the Mogilev region)*. Minsk, The Institute of System Researches in Agroindustrial Complex of NAS of Belarus, 2017. 157 p. (in Russian).
2. Galiullin Kh. Ya., Ermakov G. P. Effect as a category in the theory of efficacy. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*, 2013, no. 4 (68), pp. 120–124 (in Russian).
3. Gontareva I., Dorokhov A. Relations between economic effects and efficiency. *Economics & Economy*, 2013, vol. 1, no. 1, pp. 197–205 (in Russian).
4. Teterkina A. M. The essence of the efficiency of agricultural production. *Problemy ekonomiki: sbornik nauchnykh trudov* [Problems of economics: collection of scientific papers]. Minsk, 2007, iss. 5, pp. 187–205 (in Russian).
5. Pigunova O. Assortment concept of a trade enterprise. *Marketing*, 2003, no. 1, pp. 68–74 (in Russian).
6. Primachenok G. A. Economics and appraisal of economic entities' performance. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhavnaga ekanamichnaga universiteta* [Belarusian State Economic University Bulletin], 2007, no. 4 (64), pp. 7–13 (in Russian).
7. Gusakov V. The economics of happiness: myths and reality. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, 2019, no. 9 (199), pp. 4–10 (in Russian).
8. Kleiner G., Petrosyan D., Bechenov A. One more time on the role of the state and the state sector in the economy. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2004, no. 4, pp. 25–41 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-4-25-41>
9. Panchuk N. A. Toolkit and modeling of the processes of state regulation of the socio-economic sphere. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2009, no. 6 (55), pp. 11–16 (in Russian).
10. Petrovich M. V. The system of state regulation of the consumer market. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhavnaga ekanamichnaga universiteta* [Belarusian State Economic University Bulletin], 2003, no. 1, pp. 8–14 (in Russian).
11. Becker G. S. *Economic analysis and human behavior*. Available at: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=/in/becker/works/becker_w1.txt&img=works.jpg&name=becker (accessed 12.09.20) (in Russian).
12. Gusakov V. Priorities of the modern economic development. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, 2020, no. 6 (208), pp. 4–9 (in Russian).
13. Pareto efficiency. *Russian Foreign Trade Academy*. Available at: <http://www.vavt.ru/wred/glossek.nsf/glossecon/LSP058662> (accessed 07.10.2020) (in Russian).
14. Oboznyi D. A. Efficacy and justice: description of economic differentiation. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*, 2013, no. 4 (68), pp. 106–109 (in Russian).
15. Dyl'nova T. V., Pankratov I. A. Social justice – the most important principle of the state social policy. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov* [Information security of the regions], 2012, no. 1 (10), pp. 75–79 (in Russian).
16. Lepeshinskaya M. I. Concept of price and pricing. *Ekonomika i uchet truda* [Economics and Labor Accounting], 2008, no. 9, pp. 19–28 (in Russian).
17. Rasulev A., Voronin S., Ismailov O. A state and prices: mechanism of influence under the conditions of a market economy. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy*, 2008, no. 3–4, pp. 5–18 (in Russian).
18. Parshin V. I. Market economics pricing particulars. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 2011, no. 7, pp. 38–41 (in Russian).
19. Salimzhanov I. K. Market and price regulation. *Finansy* [Finance], 2007, no. 7, pp. 68–70 (in Russian).
20. Solntseva D. Pricing factors: how much is your product. *Planovo-ekonomicheskii otdel* [Planning and Economic Department], 2020, no. 5. Available at: https://www.profiz.ru/peo/5_2020/factory_cenoobrazovaniya/ (accessed 09.08.2020) (in Russian).
21. Agafonova M. S., Grishchenko Yu. S. The main factors and methods of pricing in modern conditions. *Sovremennyye naukoemkie tekhnologii* [Modern Science-Intensive Technologies], 2013, no. 10, pt. 1, p. 133 (in Russian).
22. Preobrazhenskii D., Latov Yu. World Trade Organization. *Encyclopedia of the Krugosvet*. Available at: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/VSEMIRNAYA_TORGOVAYA_ORGANIZATSIYA_VTO.html (accessed 10.25.2020) (in Russian).
23. Arkhipova V. V. Current sanctions regime against Russia: characteristics and global aspect. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*, 2017, no. 2, pp. 13–19 (in Russian).
24. International sanctions (restrictive measures). *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia*. Available at: <https://vm.ee/ru/rahvusvahelised-sanktsioonid-piiravad-meetmed> (accessed 25.11.2020) (in Russian).
25. Ivanovskaya I. V., Karpenko E. M. *Pricing mechanism in a market with limited competition*. Gomel, Gomel State Technical University named after P. O. Sukhoi, 2009. 160 p. (in Russian).

Информация об авторах

Тетёркина Алла Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ceny@economics.basnet.by

Ганюков Андрей Николаевич – старший научный сотрудник. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ceny@economics.basnet.by

Information about the authors

Ala M. Tsiatsiorkina – Ph. D. (Econ.), Associate Professor, Head of Sector. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: ceny@economics.basnet.by

Andrei N. Haniukou – Senior Scientific Researcher. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: ceny@economics.basnet.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 338.46
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-235-246>

Поступила в редакцию 12.01.2021
Received 12.01.2021

Е. М. Еловая

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

БРЕНДИНГ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Брендинг территорий стремительно развивается как подход, используемый в сфере туризма для продвижения туристического направления. Концепция брендинга была заимствована из масс-маркета и активно применяется в ряде национальных туристических направлений, однако на данном этапе его развития академический анализ ценности и эффективности использования брендинга территорий пока еще проводится не в полной мере. Прежде всего не исследуется роль брендинга на региональных туристических территориях, где персонализация бренда крайне важна с учетом географической близости их местонахождения.

Ключевые слова: брендинг, территориальный брендинг, персональный брендинг, туризм, туристическая территория, потребитель

Для цитирования: Еловая, Е. М. Брендинг как эффективный инструмент развития туристических территорий Республики Беларусь / Е. М. Еловая // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 235–246. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-235-246>

Elena M. Yelovaya

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

BRANDING AS AN EFFECTIVE TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF TOURIST TERRITORIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. Branding of territories is growing rapidly as an approach used in the tourism sector to promote a tourist destination. The concept of branding was borrowed from the world of the mass market and is actively used in a number of national tourist destinations, however, at this stage of its development, an academic analysis of the value and effectiveness of the use of branding of territories is still not fully carried out. First of all, the role of branding in regional tourist territories is not investigated, where brand personalization is extremely important given the geographical proximity of their location.

Keywords: branding, territorial branding, personal branding, tourism, tourist area, consumer

For citation: Yelovaya E. M. Branding as an effective tool for the development of tourist territories of the Republic of Belarus. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 2, pp. 235–246 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-235-246>

Введение. Брендинг традиционно ассоциируется с товарами широкого потребления, но современные маркетологи туристических направлений все чаще применяют этот инструмент для продвижения туристических территорий. Наиболее значимые работы по использованию брендинга в дестинациях появились в начале XXI века. Так, в 2002–2003 гг. ученые Н. Морган, А. Притчард и П. Пиггот в своих публикациях описали конкретные брендинговые процессы и одновременно обосновали ряд утверждений о значении концепции брендинга для улучшения маркетинга туристических направлений. Их аргументы основаны на предположении, что отличительный бренд может иметь положительный дифференцированный маркетинговый эффект, поскольку он оставляет более благоприятное восприятие атрибутов и выгод, создавая в результате общее предпочтение [1]. Фактически одновременно (2003 г.) с создателями описаний брендинговых процессов ученые П. Хоэффлер и К. Л. Келлер разработали теорию, согласно которой применение брендинга в туризме может способствовать привлечению больших денежных средств собственников турбизнеса. Это обусловлено тем, что потребители будут уделять больше внимания коммуникациям, получать больше информации и реагировать более позитивно [2].

Предложенные идеи вышеназванных ученых о брендинге территорий, как оказалось, не так просто применить на практике. В частности, ученый П. Хэнкинсон (его работы появились в 2001 г.) утверждал, что создание брендов, как они определены и представлены в традиционной литературе по маркетингу, является более сложным процессом при рассмотрении туристических направлений и местоположения выделенных на них объектов или локаций [3]. Точку зрения П. Хэнкинсона разделяли многие, в том числе и ученые Н. Морган, А. Притчард, Р. Прайд. Перечисляя проблемы, с которыми сталкиваются маркетологи (ограниченный бюджет, отсутствие общего контроля над товаром и политическое давление), они вместе с тем утверждали, что создание значимости бренда, а именно развитие эмоциональных отношений с потребителем с помощью высокой гибкости и целенаправленных коммуникационных кампаний является ключом к дифференциации туристических территорий [4–5].

Анализ последних исследований и публикаций. Разработка идеи бренда территории нашла свое воплощение в публикациях ученого К. Цая (2002 г.). К. Цай, занимаясь проблемами бренда применительно к территории, определил его как «восприятие места, отраженное в ассоциациях, которые хранятся в памяти туристов». Сущность его понимания бренда территорий, согласно созданной им концепции, состоит в следующем: для улучшения маркетинга туристической территории потенциальным туристам необходимо предоставить предварительную информацию. Эта информация позволяет определить локацию, отличить данный объект от подобных у конкурентов и создать собственные ожидания относительно отдыха, предлагаемого туристической направленностью. Однако в действительности этого недостаточно для функционирования бренда территории [6].

Ученые Дж. Р. Риччи и Дж. Б. Риччи фактически в то же время (1998 г.), когда появились и стали набирать популярность концепции бренда территории, заявили, что бренд также может помочь туристам в консолидации и укреплении их восприятия места пребывания после путешествия [7]. Это утверждение соответствует теории К. Л. Келлера, который чуть ранее, в 1993 г., отмечал, что создание имиджа бренда направления, по сути, означает выявление наиболее важных ассоциаций с территорией и укрепление их связей с брендом [8]. Если вспомнить вышеназванное определение бренда территории, данное К. Цаем, то несложно отметить, что он развивает идеи К. Л. Келлера. Так, К. Цай (2002 г.) утверждает, что формирование прочных и последовательных ассоциаций с брендом конкретной территории и ассоциаций у туристов достигается путем разработки его слогана или логотипа – дифференциального элемента, который выступает в качестве психологического и эмоционального атрибута воздействия [6].

Обобщив существующие теоретические наработки по созданию концепции бренда территорий, ученые Н. Морган, А. Притчард, Р. Прайду пошли далее в своих теоретических изысканиях. В конце 2002 г. они пришли к выводу, что очень важным моментом в понятии «бренд территории» является определение ценностей бренда и установление связи между этими ценностями с конкретной туристической территорией, точнее, со степенью ее индивидуальной привлекательности. Ученые предполагают, что идентичность бренда имеет ключевое значение для направления, цели и значения бренда, и утверждают, что эффективный бренд обеспечивает связь с функциональными, эмоциональными или самовыражающими выгодами, важными для потребителя [4].

Как итог приведенных выше поисков и разработок в области развития бренда направлений в 2003 г. ученый Ю. Екинши представил модель, или структуру, для брендинга территорий [9]. Данная модель включает в себя многие из вышеназванных особенностей, указанных Н. Морганом, А. Притчардом, Р. Прайду, которые значимы для территориального бренда (рис. 1).

В предложенной Ю. Екинши модели имидж туристической территории состоит из трех наиболее значимых компонентов: общий создаваемый имидж, бренд территории, персонализация бренда. В данной модели имидж направления связывается с самооценкой или же с самоидентификацией туриста. Причем эта связь согласуется с аргументами о том, что образ жизни и система ценностей туристов являются ключевыми элементами в процессах выбора конкретной территории [9].

Принимая данные предложения Ю. Екинши и углубляясь в разработку вопросов бренда территории, ученые Н. Морган, А. Притчард, Р. Прайд выдвинули предположение, что решения потребителей часто основываются на том, подходит ли туристический продукт их образу жизни и/или предлагает ли он желаемый опыт. Такие аргументы также были сделаны в отношении маркетинга

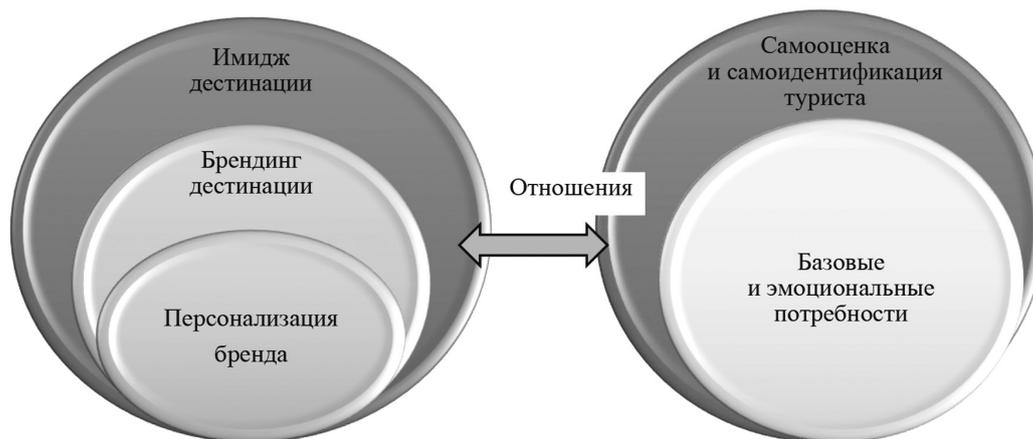

Рис.1. Имидж дэстаінацыі і яе ўзаемадзейства з турыстам (істочнік: складзена аўтарам на аснове [9])

Fig. 1. Destination image and its interaction with a tourist (source: compiled by the author based on [9])

дэстаінацыі [4]. В частнасці, учыны Дж. Кінг прадпалагал, што пуджэштва все большэ связаны с опытам, напалненнем імеючыхся знаній і іх омоложэннем, а не с «месцамі і вэцамі». Ісследаватэль такжэ заявлял, што маркетологам в сфэре пуджэштвій і турізма нэобходімо сасредоточыцца на том, што кліент хотэл вьдэт ілі уллучшыць в себе і в своем образе жызн, а не акцентыврвать вніманіе на ошутымых свойствах рэкламыруемаго пуджэкта ілі услужы. Этэ ознэает, што організаций, занімаючыхся маркетывнгом турізма, должны удэлять большэ вніманія созданію і прудвйжэнію событійных впечатлєній, которыє связывають клучевые ценносты і актывы брэнда с патрэбностями клієнтов в участіи в событійях, т. е. івентах, как ізложено в моделі Ю. Екіншы [10].

Связь между турістами і брэндамі тєрриторій такжэ была ізучена учеными Дж. Ширги і Ч. Шу с точки зренія устанавлєнія отнэсєній между самооцєнкой і поведєніем турістов. Рєзултаты іх работы отражєны в соотвєтствующих публїкаціях (2000 г.). Учыны ввелі в научный оборот понятіе конгруэнтности самооцєнки, ілі самоопрєдєленности (самоідєнтіфікаціи). Понятіе самоопрєдєленности отнэсится к рєзултатам процєсса сопоставлєнія самооцєнки туріста с іміджєм турістической тєрриторіи. Согласно теоріи Дж. Ширги і Ч. Шу, на отнэсєніе потрєбителя к товару (і к покупке товара) влїяет то, насколько хорошо імідж товара соотвєтствует самооцєнке потрєбителя. Что касєтся турізма, то чем большэ совпаденіе іміджа дєстаінаціи і самооцєнки туріста, тем вьшє вероятность того, что туріст будєт іметь благопрїятное отнэсєніе к данной турістической тєрриторіи, в рєзултате этэ і прivedєт к её посєщєнію. Іменно четкий і эффєктивный брэнд тєрриторіи рассматривается аўторами как клучевой элемент в развїтїи связи между турістом і тєрриторіей [11].

Теорія о вэімосвязи іміджа дєстаінаціи і самоідєнтіфікаціи потрєбителя послужила базой для развїтїя теоріи персоналізаций брэнда, которая, впрочєм, четко прослєживается в моделі Ю. Екіншы. Налїчие этэі связи подкрєпляется такжэ высказанным в 1999 г. ученым Т. Л. Хэйгудом прєдположєніем о том, что когда атрїбуты пуджэкта очєнь похожы для конкурїрующїх брэндов, індивідуальность брэнда может создать основу для іх дїфференціаціи. Он утверждал, что позитивная індивідуальность брэнда должна прivedєть к отнэсєтельно болєє высокой оцєнке пуджэкта. Этэ положєніе не соотвєтствует утверждєніям, что потрєбителям достаточнэ только інформаций об особенностях і прєімушєствах пуджэкта [12].

В 1996 г. учыны Дж. Аакєр сдєлал заклучєніе, что індивідуальность брэнда обеспєчивает єго связь между прєімушєствами брэнда і эмоціональным состояніем клієнта, служит основой для вэімоотнэсєній клієнта і брэнда. В этэом аргументє ценность брэнда создается, когда потрєбители соглашаются с тем, что у брэнда єсть індивідуальность, т. е. єго індивідуальные особенности, черты, что он інтерєсен ім і что у нїх єсть четкое прєдставлєніе о тїпе лїчносты (персоны), который будєт іспользовать брэнд. При этэом черты лїчносты ассоціируются с брэндом несколькими способами. Во-первых, лїчность может нєпосредствєнно проявляться

в образах пользователей бренда или в наборе человеческих характеристик, связанных с типичным пользователем бренда. Во-вторых, это также можно рассматривать как отношение к восприятию сотрудников компании и/или сторонников брендированного продукта. Таким образом, личные качества людей, связанных с брендом, как бы передаются непосредственно бренду. Связь между личностью и брендами может поддерживаться косвенным образом через атрибуты, соотносимые с продуктом, через ассоциации с категориями продуктов, названием бренда, символом или логотипом, стилем рекламы, ценой и каналом распространения [13]. Кроме утверждения о существовании связи между индивидуальностью бренда и эмоциональным состоянием клиента, Дж. Аакер в 1997 г. разработал один из наиболее распространенных подходов, который используется для понимания характера персонификации бренда, т. е. оценки его индивидуальности. Согласно Аакеру, индивидуальность, так называемый «капитал» бренда («brand equity») складывается из следующих составляющих: искренность, страсть, компетентность, изысканность, сила, которые в свою очередь состоят из 42 отдельных «черт личности» [14].

Теорию Дж. Аакера об индивидуализации бренда активно применяли ученые К. Бэк и К. Ли. Впоследствии, в 2003 г., они указывали, что данная научная разработка обеспечивает некоторую поддержку по крайней мере по четырем аспектам – искренность, страсть, компетентность, изысканность [15]. С. Хосаны и Ю. Екинши также в 2003 г. проверили обоснованность шкалы индивидуальности бренда Аакера, чтобы оценить ее применимость к туристическим направлениям. Их результаты показали, что все пять измерений индивидуальности бренда не были воспроизведены. Они нашли лишь три достоверных измерения личности: компетентность, экстраверсия и волнение. Однако ученые не сообщают, какие или сколько туристических направлений были оценены и поэтому не могут предоставить доказательства того, могут ли респонденты различать направления в зависимости от их личностей. Исследователи заключают, что позиционирование дестинации может быть преобразовано в ее рациональные выгоды (когнитивный имидж) и, на более глубоком уровне, эмоциональные выгоды (аффективный имидж). Наконец, эти атрибуты бренда должны достигнуть кульминации в индивидуальности бренда, о чем свидетельствуют такие характеризующие их черты, как практичные, обаятельные, энергичные, захватывающие и полезные [16].

В дальнейшем в процессе становления территориальный брендинг претерпевал значительное теоретическое осмысление. Научная литература, посвященная данной проблеме, свидетельствует, что в поле зрения исследователей оказался достаточно широкий круг вопросов, касающихся наиболее актуальных аспектов территориального брендинга. Среди них соотнесение категорий «бренд», «имидж» и «репутация» применительно к территориям (И. С. Важенина, Ю. А. Смирнова, Ю. В. Таранова, Д. П. Гавра, А. Н. Чумиков); методы вовлечения целевых аудиторий и стейкхолдеров в процесс разработки территориального бренда (Е. В. Степанычева, Л. Э. Старостова); использование маркетинговых технологий в брендинге мест (А. П. Панкрухин, Ф. Котлер, Д. В. Визгалов, Л. В. Визгалова, А. В. Попов, Б. Якобсен, Р. Конечник, Л. Чернатони, Н. И. Кабушкин, А. И. Тарасёнок); выявление и определение идентичности территориального субъекта (М. Каваратзис, Д. В. Визгалов, Н. С. Дягилева); алгоритмы осуществления процесса территориального брендинга (Г. Ханкинсон, Д. В. Визгалов, И. С. Важенина); анализ существующих кейсов брендирования территориальных субъектов (К. Динни, С. К. Волко, В. А. Дубейковский, А. В. Акантинов); развитие концепций айдентики (визуального представления) бренда (А. Уилер, Т. В. Мещеряков) и др.

Несмотря на возрастающий объем теоретической литературы по тематике брендинга, практических доказательств того, что посетители действительно связывают характеристики персонализированного бренда с туристическими направлениями и что различие направления осуществляется на основе оценок воспринимаемой личности и идентичности бренда, пока существует мало. Также не исследовались практические связи между индивидуальностью бренда и самоидентификацией туристов. Учитывая, что «брендинг» в его истинном смысле подразумевает нечто большее, чем логотипы и лозунги, и должен, как указывалось выше, затрагивать понятия ценностей, личности и эмоциональных связей, разрешение всех вопросов по брендингу территорий может продвигаться только в том случае, если будет проведен углубленный анализ по выявлению взаимосвязей имиджа территорий и личностей туристов, а также дана его оценка.

Основываясь на вышесказанном относительно научных разработок о брендинге территорий, можно сделать вывод, что существует обоснованная теория, согласно которой идентичность бренда может использоваться для дифференциации туристических направлений. Вместе с тем, как эмпирически доказано, предложенная Дж. Аакером традиционная модель индивидуальности бренда не воплощается напрямую в туристические направления. Необходимы дальнейшие исследования для уточнения и разработки модели персонализации бренда, которая станет действующей и надежной для применения в туристических направлениях. Кроме того, значимость персонализации бренда в процессе выбора туристических локаций должна быть всесторонне и тщательно оценена. Учитывая постоянные инвестиции и усиление акцента на брендинг территорий, крайне важно, чтобы исследования в этой области продолжались. В частности, углубленного изучения требует брендинг региональных территорий. Это особенно необходимо, когда аналогичные и географически близкие направления маркируются организациями по менеджменту дестинации (DMOs). Также востребованы и исследования, направленные на то, чтобы выяснить, воспринимаются ли туристами тонкие различия в индивидуальности бренда и влияют ли на самом деле эти ощущения на выбор места для туризма и отдыха.

Основные результаты исследования. В настоящее время вопрос создания бренда территорий актуален для многих стран.

Бренд зарождается на фоне позитивного имиджа региона и является наивысшим проявлением потребительских предпочтений. При этом бренд региона выполняет как экономическую функцию рычага создания добавленной стоимости, так и важнейшую социальную роль инструмента повышения жизненной мотивации жителей региона [17, с. 118].

Бренд территории включает, как принято считать, следующие составляющие: статус региона – это место данного региона в структуре и иерархии других регионов страны по различным основаниям: степени развития, роли в экономической, политической, культурной жизни страны. Статус региона определяется потенциалом и ресурсами города (информационными, финансовыми, кадровыми и т. д.), в том числе и внешними связями с другими регионами и странами; облик региона, т. е. его внешний вид (архитектура, достопримечательности, природные особенности, местоположение, чистота улиц, освещенность дорог и т. п.); душа региона, региональный фольклор; стереотипы о регионе; мифология; эмоциональные связи с регионом (эмоции, чувства, ожидания, надежды, связанные с городом и отношением к нему); региональная символика (название, флаг, герб, эмблема, девиз, гимн и т. п.) [18, с. 278].

Образы различных регионов в разной степени насыщены каждой из этих составляющих, от чего зависит, насколько ярким будет бренд региона. Например, бренд города – это нечто, находящееся «посередине» между видением города изнутри и восприятием города извне. Эти два образа города активно влияют друг на друга, меняют друг друга и определяют бренд. Видение города изнутри – это не что иное, как городская идентичность. А восприятие города извне – имидж города.

Можно выделить несколько параметров, которыми в той или иной степени измеряется сила или слабость идентичности каждого города или, иными словами, уровень местного самосознания: уникальность города – способность горожан к видению и развитию уникальных черт и особенностей города, наличие уникальных культурных моделей поведения (культурных кодов) в городском сообществе; тождественность восприятия города – понимание горожанами принадлежности их города к каким-либо внешним категориям (стране, региону, типам городов) на основе общих с ними ценностей; позитивность восприятия города, внутренняя лояльность – степень любви и привязанности горожан к своему городу; сплоченность городского сообщества – общность интересов горожан, степень осознания общих проблем развития города, готовность и способность к реализации совместных инициатив, уровень симпатии к землякам; практический потенциал идентичности – способность городского сообщества к самоорганизации, уровень его социальной активности, реальное стремление сообщества к усилению городской идентичности.

При этом, чтобы получился яркий и запоминающийся образ региона (города), необходимо досконально изучить данные составляющие, а это задача краеведения [18, с. 278].

Очевидно, что бренд территории даёт ряд преимуществ: формирование позитивного и привлекательного образа страны на мировой арене, а также приток финансовых ресурсов от туристов

и инвесторов способствуют росту репутационного капитала региона, позволяют формировать лояльность к региону как для внутренних, так и для внешних целевых аудиторий.

Важнейшим фактором успеха брендинга места как туристического направления является наличие различных достопримечательностей, к числу которых можно отнести исторические, культурные, деловые, спортивные, бытовые и этнографические [18, с. 280].

Практически любое место обладает достопримечательностями всех типов, однако преобладание того или иного типа определяет общее позиционирование бренда направления.

Туризм укрепляет зарубежный авторитет Беларуси, дает экономические ресурсы для содержания культурного наследия страны. Историко-культурный потенциал Беларуси представлен объектами архитектуры, истории, археологии, искусства, садово-парковыми комплексами, музейными коллекциями и книжными собраниями. Так, в Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь находится 4811 историко-культурных ценностей, в том числе 4694 материальные недвижимые историко-культурные ценности, которые включают 1655 объектов архитектуры, 1125 – истории, 1857 – археологии, 57 – искусства. Перспективными центрами туризма международного значения в Беларуси являются Полоцк, Мир, Несвиж, Новогрудок, Слоним; национального значения – Заславль, Волковыск, Кобрин, Логойск, Мстиславль, Поставы, Ружаны, Шклов. С запада на восток (от Бреста до Орши) Беларусь пересекают автомобильная и железная дороги – «белорусский экватор». В зоне ее действия находятся города с многочисленными историческими памятниками (Брест, Коссово, Ружаны, Мир, Несвиж, Заславль, Борисов, Орша) [19].

Однако, имея превосходные возможности для развития въездного туризма (как развлекательного, так и делового), Беларусь пока их не реализовала. Согласно данным Национального статистического комитета, численность туристов, организованно выезжавших из республики, по-прежнему преобладает над количеством посетивших Беларусь. В 2019 г. на каждого прибывшего иностранного туриста приходилось пятеро белорусских граждан, выезжавших за рубеж (в 2018 г. – шестеро). Численность организованных туристов, прибывших в республику в 2019 г., составила 276 260 человек, что на 138 тыс. больше, чем в 2018 г. [20].

Несмотря на то что наша страна обладает своими специфическими чертами, которые и должны составить туристический бренд Республики Беларусь, на мировой арене о ней знают немного.

Например, исследовательская компания «GfK» измерила репутацию национальных брендов стран мира и представила обновлённый «Индекс национальных брендов – 2019». Республика Беларусь, как и в предыдущие годы, в этот рейтинг, состоящий из 50 стран, не вошла.

При этом все понимают, что сегодня создание образа страны в мировом пространстве – одна из главных задач любого государства, поскольку чем выше в мировом рейтинге она находится, тем больше инвестиций она привлекает. Другими словами, бренд страны – это также возможность зарабатывать деньги: развивать туризм, производство, технологии и, как следствие, повышать уровень жизни граждан внутри страны [21, с. 64].

Брендинг территории в Беларуси началось с создания туристического бренда страны в целом. Данным вопросом занималось Национальное агентство по туризму.

Социологические исследования, проводимые Национальным агентством по туризму при Министерстве спорта и туризма Республики Беларусь, показали, что о Беларуси и ее туристических возможностях за рубежом знают мало, поэтому надо работать на узнаваемость белорусского бренда, в частности, организовать публикацию рекламных буклетов и брошюр с описанием Республики Беларусь и ее особенностей. Отдел маркетинга Министерства спорта и туризма уже с 2006 г. занимается изданием листовок и брошюр о туристическом потенциале Республики Беларусь, которые распространяются на международных туристических выставках, где организовываются единые национальные стенды. Кроме того, разрабатываются мультимедийные презентации Республики Беларусь.

В результате работы Национального агентства по туризму был предложен логотип: стилизованное под ручную надпись название страны оглавляет цветок василька (рис. 2). В качестве основного фирменного цвета выбран голубой, поскольку именно с ним по природным данным и основным типам туризма больше ассоциируется Республика Беларусь, нежели официальные государственные цвета. Логика странового брендинга как бы «взрывает» официальную цвето-

вую палітру, предлагая новы выгляд на імідж Беларусі, равно как и на эканомічную, палітычную, культурную и иные составляющие жизни страны. В качестве слогана выбрана фраза: «Беларусь – гостеприимство без границ».

Следующим шагом в создании национального бренда Беларуси стала разработка мероприятий по продвижению бренда страны. Так, в Государственной программе развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 гг. приводилось задание по формированию брендов на уровне страны и регионов для создания и поддержания привлекательного туристического имиджа [22]. Затем был объявлен конкурс в рамках II Международного форума «Имидж Республики Беларусь: стратегия развития» по разработке творческой концепции продвижения городов и регионов страны. В результате данного конкурса, а также ряда других мероприятий по созданию положительного имиджа страны было предложено несколько территориальных брендов [23].

В рамках комплексного государственного проекта брендинга туристической Беларуси был разработан портал по въездному туризму (www.belarustourism.by). С целью привлечения внимания к национальному достоянию был создан мультимедийный справочник-презентация «Туризм в Беларуси» на восьми мировых языках.

В концепции Государственной программы развития туризма в Республике Беларусь на 2016–2020 гг. указано, что для достижения основной цели концепции, а именно «создания благоприятных условий для формирования эффективного конкурентоспособного туристического рынка, обеспечивающего широкие возможности удовлетворения потребности белорусских и иностранных граждан в туристических услугах; повышение занятости и уровня доходов населения», необходимо «внедрение многоуровневого брендинга Беларуси как туристического направления, а также его позиционирование на основе проведенной сегментации целевых рынков потребителей туристических услуг». В связи с этим предусмотрен комплекс мероприятий по формированию, продвижению и развитию образа Республики Беларусь как привлекательного туристического региона, что позволит сделать въездной и внутренней туризм доходной составляющей экономики страны [24].

В Беларуси много символов, которые могут составить основу узнаваемого во всем мире бренда Республики Беларусь. Для развития и продвижения образа страны необходимо создать грамотные и привлекательные туристические бренды ее отдельных регионов, городов и местностей, которые могут быть построены только на основании серьезной краеведческой работы.

Примеры успешной реализации регионального брендинга в Республике Беларусь. Ярким примером успешной реализации регионального брендинга стали результаты проекта «Поддержка устойчивого развития туризма в Беларуси» («Support to Sustainable Tourism Development»). Это проект Европейского союза, направленный на продвижение устойчивого туризма в стране как источника регионального развития, в рамках которого оказывается финансовая, техническая и операционная поддержка областным и местным инициативам, направленным на создание и развитие экономической, социальной и экологической структур в Республике Беларусь.

В рамках проекта тщательным образом подбирались ключевые эксперты, специалисты в своем деле, душой болеющие за развитие туризма в Беларуси (всего привлечено около 50 экспертов и 500 участников). Проведена масса воркшопов, мастер-классов, других обучающих мероприятий на местах. Результатами реализации проекта стали пять пилотных территорий: Мстиславль, Августовский канал, Полоцк, Каменец–Пружаны и Мядель. В контексте проекта каждая из них обозначается как туристская дестинация – центр, предоставляющий комплексные услуги для туристов. Каждая дестинация получила свой узнаваемый бренд, слоган, рекламную и презентационную печатную продукцию, промо-ролик и стратегию развития (рис. 3) [25].

Например, Мстиславль специалисты проекта предлагают ассоциировать с «живой историей», Августовский канал – с «белорусским пограничьем», а Нарочанский край представлен как «источник здоровья». С точки зрения культурно-исторического развития представленных регионов

Рис. 2. Логотип Республики Беларусь, разработанный Национальным агентством по туризму (источник: составлено автором на основе [18, с. 280])

Fig. 2. The logo of the Republic of Belarus, developed by the National Agency for Tourism (source: compiled by the author based on [18, p. 280])

Рис. 3. Логотипы пилотных территорий, разработанные в рамках реализации проекта «Поддержка устойчивого развития туризма в Беларуси» (источник: [25])

Fig. 3. Logos of the pilot territories developed as part of the project «Supporting the sustainable development of tourism in Belarus» (source: [25])

и их ландшафтного расположения предложенные бренды, на наш взгляд, достаточно персонализированы и привлекательны [25].

Не менее интересен еще один успешный проект формирования бренда территорий. Это деревня Залесье Сморгонского района Гродненской области. Данная территория являлась участником проекта Евросоюза «Устойчивое развитие на местном уровне». Европейский грант в рамках проекта помог восстановить усадьбу М. К. Огинского. На сегодняшний день к данному территориальному объекту уже разработано несколько туристических маршрутов, в каждом из которых главным пунктом стала экскурсия по усадьбе М. К. Огинского.

Имение-дворец семейства Огинских является памятником архитектуры эпохи классицизма. Это так называемый «маленький кусочек Европы» в Беларуси и одновременно это символ принадлежности части белорусов к европейской элите, её высшим аристократическим слоям. Европейскому укладу жизни местной шляхты соответствует и сам дворец. Он вместе с его пристройками, парком, созданным по классическим европейским стандартам, служит специфическим символом персонализации Европы в местных условиях.

В качестве туристически значимых атрибутов акцент сделан и на усадьбе как родовом гнезде Михаила Клеофаса Огинского – знаменитого композитора и общественного деятеля, который прожил в Залесье два десятилетия. Усадьба предстает как центр, место встречи творческой разноязычной элиты, где на музыкально-литературных вечерах собирались композиторы, музыканты, поэты, литераторы, видные общественные деятели из разных мест, где всегда исполнялась музыка – известные и новые произведения автора, его друзей и коллег. И самое важное, что действительно делает эту туристическую территорию особенно запоминающейся, здесь обязательно звучит полонез М. К. Огинского «Прощание с родиной», который впервые был исполнен именно в усадьбе автора.

Творческий дух здешних мест как особенного туристического региона в настоящее время поддерживается ежегодным проведением здесь дня рождения знаменитого композитора. В этот день, как и несколько столетий назад, начинающие поэты выносят на суд общественности свои стихи. Собственные произведения также читают и известные мэтры поэтического слова. Звучит музыка. Таким образом, преемственность традиций, существовавших в усадьбе М. К. Огинского и поддерживаемых сегодня, способствует формированию имиджа усадьбы как культурно-исторического центра. Но это прежде всего центр знаменитого М. К. Огинского.

Культурно-эстетический компонент здесь поддерживается также за счет функционирования театра батлейки «Альтанка», который представляет местные этнографические традиции. Но отличительной чертой данного места, несмотря на комплексный подход в презентации его как особой туристической территории, является былое присутствие М. К. Огинского как великого музыканта, владельца усадьбы в деревне Залесье.

Образ М. К. Огинского для данной территории – это своеобразный «ключ в историческую Европу» для белорусов. При этом здесь гармонично сочетаются как ценности аристократической, «шляхетской» Европы, так и ценности традиционные этнографические. Место позиционируется в глазах туристов в качестве поликультурной, многоязычной территории, представляющей для туристов общедоступность к шедеврам Европы. Подобное позиционирование туристической территории персонализировано, обычно оно вызывает богатые эмоции и оставляет разнообразные ассоциации, благодаря чему данное место может быть особенно привлекательным.

Учитывая вышесказанное, отметим, что в данном случае формируется идентичность бренда в качестве маленькой Европы, с ее аристократическими традициями и принадлежностью к ним туристов как неотъемлемой части этой шляхетской Европы. Идентичность базируется на следующих положениях: данная региональная территория имеет преимущество за счет репутации М. К. Огинского; удобное местоположение территории «соединяет» белорусов с иной частью Европы, является специфическим «мостом» в европейскую аристократию; вся усадьба-дворец М. К. Огинского олицетворяет собой европейский дух и стиль ушедшей эпохи; присутствие в первой половине XIX в. в усадьбе шляхты, европейской элиты, аристократии характеризует данную территорию как поликультурную, где царствует типичная для элиты свобода творчества, независимости действий и т. п.; элитарность духа территории не противопоставляется народной культуре сельчан, а сочетается с ней, отражая уровень элитных связей аристократизма белорусов.

Благодаря проекту Европейского союза усадьба М. К. Огинского в Залесье приобрела вторую жизнь. В 2010 г. Сморгонским краеведческим музеем, Молодечненским музыкальным училищем имени М. К. Огинского и Союзом предпринимателей Беларуси был учрежден благотворительный фонд «Северные Афины», амбициозной задачей которого стало возрождение былого величия усадьбы-дворца, а также привлечение в Залесье туристов.

Основные ошибки в брендинге и маркетинге белорусских территорий. Формируя бренд территории, специалисты часто допускают ошибку – не учитывают особенности краеведения региона, в результате чего предложенные бренды вызывают критику и недовольство местных жителей.

Например, Минск является одним из первых белорусских городов, который занялся вопросом создания брендов. В 2012 г. информационно-туристский центр «Минск» подписал договор о создании бренда города Минска с британской компанией «INSTID». За основу логотипа была взята концепция «умного города» (Минск – город науки, образования, современной промышленности), поэтому на логотипе присутствуют слова «Think Minsk». Проект компании «INSTID» был критично оценен общественностью города и до настоящего времени не используется. В качестве альтернативы белорусские специалисты в области маркетинга, рекламы, учитывая специфику истории и развития города Минска, предложили свои варианты логотипов для города (например, «Минск – город-герой»). Однако ни один из данных логотипов не стал всеобщим узнаваем и всенародно принят [18, с. 281].

Необходимо также отметить типичные недостатки в разработке и реализации концепций маркетинга и брендинга территорий Беларуси. К ним относятся следующие: отсутствие вовлечения в продвижение территории населения, бизнеса, общественных объединений, зарубежных партнеров. Без понимания, инициативы и эффективных действий властей города или страны брендинг и маркетинг невозможны. Такими инициаторами могут являться Администрация Президента Республики Беларусь, Министерство иностранных дел, Министерство спорта и туризма, Министерство экономики, отраслевые министерства, Мингорисполком и городские мэрии; неполное использование всех выгод и преимуществ территории от проведения массовых событийных мероприятий (спортивные, фестивальные и т. п.), значимых международных событий; проведение в стране большого количества различных местечковых событий, но, к сожалению, кроме «Славянского базара», значимых международных событий практически не проводится – ни развлекательных, ни деловых, только спортивные, например, чемпионат мира по хоккею 2014 г., II Европейские игры; необходимость репозиционирования города. Часто города наследуют не совсем удачный и удобный имидж. Для Минска, например, также важно понять сегодняшнее восприятие города и найти то правильное позиционирование, которое придаст второе дыхание и развитие; скептицизм лиц, принимающих решение, недостаток доверия потребителей, недостаток профессионализма маркетологов, неуправляемая инициатива мешают брендированию городов; отсутствие скооперированности в организации по управлению маркетингом и брендингом территории. Хотя государство и участвует в брендировании территории, в нем активно участвуют и другие операторы на условиях общей и своей коммерческой выгоды.

Вместе с тем существует ряд ограничений, оказывающих негативное влияние на внедрение брендинга и маркетинга дестинаций. Среди них недостаточно развитое самоуправление территорий, недостаточная активность местных властей в вопросах территориального маркетинга, отсутствие бюджетов, выделенных на территориальный маркетинг, недостаток инициатив обществен-

ных организаций и физических лиц, отсутствие специалистов в области территориального маркетинга (брендинга) в регионах.

Кроме названных выше, имеют место и другие проблемы. Главная из них – поиск ресурсов для брендинга дестинаций. Он осложнен психологической составляющей, которая является проблемой как для Беларуси, так и стран постсоветского пространства, и именно она служит основным препятствием в развитии брендинга территории. Но это преодолимая проблема. Решить её можно, используя следующие источники ресурсов внедрения брендинга территории: реструктуризация и изменение функций органов государственного управления, перераспределение статей бюджета территории, общественные инициативы, фонды, гранты, бизнес-альянсы, проекты, события, инвесторы. Для использования максимального количества источников ресурсов необходима координация, согласование и взаимодействие всех заинтересованных лиц (стейкхолдеров) территории. Приоритетным в этом процессе является ясность понимания целей, группировка по направлениям или проектам, прозрачность процессов и доверие между участниками.

Таким образом, исходя из сказанного, можно констатировать, что в Республике Беларусь необходимы системные, комплексные действия как со стороны республиканских, так и региональных властей для разработки нормативно-правовой и маркетинговой основы развития совместных механизмов развития регионов.

Практические шаги в этом направлении могут быть следующие: а) предоставление большей экономической самостоятельности регионам; б) профилирование близлежащих территорий с выявлением основных направлений сотрудничества; в) разработка маркетинговой стратегии развития туристских отраслей регионов; г) разработка коммуникационной модели между стейкхолдерами территории; д) разработка механизма реализации совместных проектов в сфере туризма.

Заключение. Сегодняшние лидеры четко осознают взаимосвязь между имиджем и репутацией города, его привлекательностью с точки зрения туризма, жизни и инвестирования. Поэтому ежегодно новые города пытаются проникнуть в мир, перенасыщенный возможностями выбора, рекламой, информацией СМИ и маркетинговыми сообщениями. Чтобы преуспеть, лидеры городов, выходя за рамки традиционных подходов, применяют технологии брендинга, считавшиеся раньше прерогативой коммерческих продуктов.

Бренды вызывают доверие, только если они сохраняют постоянство и повторяют свои предложенные ценности. Через определенное время они превращаются в некоторый аналог контракта, не записанный на бумаге, но весьма эффективный. Этот контракт связывает обе части. Бренд должен сохранять свои отличительные особенности, но вместе с тем постоянно повышать их актуальность, должен быть самодостаточным, соответствовать собственной миссии и своим клиентам. Основным фактор, определяющий удовлетворенность клиентов, – разница между опытом и ожиданиями потребителей. Для формирования уникального имиджа региона – территориального бренда – используются особенности территории, необычные исторические факты, специально созданные яркие культурные события.

Очевидно, что деятельность по созданию бренда региона должна быть основана на комплексном подходе, который позволяет использовать брендинг как стратегический инструмент развития региона. Правильно выстроенный бренд, четкое позиционирование территории позволят администрации и представителям бизнеса наиболее эффективно взаимодействовать с различными целевыми группами – инвесторами, туристами, собственным населением. Бренд региона будет позволять предприятиям выходить на новые рынки, расширять уже имеющиеся рынки сбыта продукции, налаживать связи на более высоком уровне, поскольку брендинг в современных условиях становится мощным инструментом для развития территорий и важнейшей частью региональной стратегии.

Список использованных источников

1. Morgan, N. J. Destination branding and the role of the stakeholders: The case of New Zealand / N. J. Morgan, A. Pritchard, R. Piggott // *J. of Vacation Marketing*. – 2003. – Vol. 9, № 3. – P. 285–299. <https://doi.org/10.1177/135676670300900307>
2. Hoeffler, S. The marketing advantage of strong brands / S. Hoeffler, K. Keller // *J. of Brand Management*. – 2003. – Vol. 1, № 6. – P. 421–445. <https://doi.org/10.1057/palgrave.bm.2540139>
3. Hankinson, G. Location branding: A study of the branding practices of 12 English cities / G. Hankinson // *J. of Brand Management*. – 2001. – Vol. 9, № 2. – P. 127–142. <https://doi.org/10.1057/palgrave.bm.2540060>

4. Morgan, N. Contextualizing destination branding / N. Morgan, A. Pritchard // Destination branding: creating the unique destination proposition / ed.: N. Morgan, A. Pritchard, R. Pride. – Oxford, 2002. – P. 11–41.
5. Morgan, N. Introduction / N. Morgan, A. Pritchard, R. Pride // Destination branding: creating the unique destination proposition / ed.: N. Morgan, A. Pritchard, R. Pride. – Oxford, 2002. – P. 3–10.
6. Cai, L. Cooperative branding for rural destinations / L. Cai // Annals of Tourism Research. – 2002. – Vol. 29, № 3. – P. 720–742. [https://doi.org/10.1016/s0160-7383\(01\)00080-9](https://doi.org/10.1016/s0160-7383(01)00080-9)
7. Ritchie, J. R. B. Destination marketing [Electronic resource] / J. R. B. Ritchie, R. J. B. Ritchie // International Association of Scientific Experts in Tourism Report. – Cambridge : Marketing Science Institute, 1998. – Mode of access: <https://www.aiest.org/resources/publications/conference-proceedings/>. – Date of access: 20.04.2020.
8. Keller, K. L. Conceptualizing, measuring and managing customer-based brand equity / K. L. Keller // J. of Marketing. – 1993. – Vol. 57, № 1. – P. 1–22. <https://doi.org/10.1177/002224299305700101>
9. Ekinici, Y. From destination image to destination branding: an emerging area of research [Electronic resource] / Y. Ekinici // e-Rev. of Tourism Research (eRTR). – 2003. – Vol. 1, № 2. – Mode of access: http://agrilife.org/ertr/files/2012/09/138_c-1-2-1.pdf. – Date of access: 03.05.2020.
10. King, J. Destination marketing organisations: Connecting the Experience Rather than Promoting the Place / J. King // J. of Vacation Marketing. – 2002. – Vol. 8, № 2. – P. 105–108. <https://doi.org/10.1177/135676670200800201>
11. Sirgy, M. J. Destination image, self-congruity, and travel behaviour: toward an integrative model / M. J. Sirgy, C. Su // J. of Travel Research. – 2000. – Vol. 38, № 4. – P. 340–352. <https://doi.org/10.1177/004728750003800402>
12. Haigood, T. The brand personality effect: an empirical investigation / T. Haigood // AMA winter educators' conference : proceedings / Amer. Marketing Assoc. – Chicago, 1999. – P. 149–150.
13. Aaker, D. A. Measuring brand equity across products and markets / D. A. Aaker // California Management Rev. – 1996. – Vol. 38, № 3. – P. 102–120. <https://doi.org/10.2307/41165845>
14. Aaker, J. L. Dimensions of brand personality / J. L. Aaker // J. of Marketing Research. – 1997. – Vol. 34, № 3. – P. 347–356. <https://doi.org/10.2139/ssrn.945432>
15. Back, K. Brand personality and its impact on brand loyalty in the upper-upscales hotel industry / K. Back, K. Lee // 1st Asia-Pacific CHRIE conference : proc. conf., 21–23 May 2003, Seoul, Korea / The Hong Kong Polytechnic Univ., Yonsei Univ. – Seoul, 2003. – P. 205–215.
16. Ekinici, Y. Destination personality: an application of brand personality to tourism destinations / Y. Ekinici, S. Hosany // J. of Travel Research. – 2006. – Vol. 45, № 2. – P. 127–139. <https://doi.org/10.1177/0047287506291603>
17. Брендинг и его роль в повышении конкурентоспособности региона [Электронный ресурс] / Н. П. Шалыгина [и др.] // Науч. журн. НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экол. менеджмент. – 2013. – № 4. – Режим доступа: <http://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/11417.pdf>. – Дата доступа: 05.05.2020.
18. Штеер, О. В. Краеведение региона как фундамент территориального брендинга / О. В. Штеер // Беларуская Падзвінна: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. III міжнар. навук. канф. (Полацк, 14–15 крас. 2016 г.) : у 2 ч. / Полац. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Д. У. Дук [і інш.]. – Наваполацк, 2016. – Ч. 2. – С. 275–283.
19. Историко-культурные ценности Беларуси [Электронный ресурс] // Ekskursii.by : белорус. экскурс. портал. – Режим доступа: https://pda.ekskursii.by/?Istoriko-kulturnye_cennosti_Belarusi. – Дата доступа: 05.05.2020.
20. Число организованных белорусских туристов в 2019 году выросло на 15,5% до 983 тыс. человек [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Интерфакс-Запад». – Режим доступа: <https://interfax.by/news/turizm/turbiznes/1272245/>. – Дата доступа: 05.05.2020.
21. Бренд-менеджмент в XXI веке : междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистров, аспирантов и молодых ученых : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Свалова. – М. : МАКС Пресс, 2013. – 165 с.
22. Об утверждении Государственной программы развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 марта 2011 г., № 373 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 37. – 5/33538.
23. Конкурс по разработке творческой концепции продвижения городов и регионов Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Имидж Республики Беларусь: стратегия развития. – Режим доступа: <http://imagebelarus.by/konkurs>. – Дата доступа: 05.05.2020.
24. Государственная программа развития туризма в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство спорта и туризма Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mst.by/ru/programma-razvitiya-turizma-ru/>. – Дата доступа: 06.03.2021.
25. Туристические бренды появились у пяти городов [Электронный ресурс] // Marketing.by. – Режим доступа: <https://marketing.by/novosti-rynka/turisticheskie-brendy-poyavilis-u-5-belaruskikh-gorodov/>. – Дата доступа: 05.05.2020.

References

1. Morgan N., Pritchard A., Piggott R. Destination branding and the role of Stakeholders: The case of New Zealand. *Journal of Vacation Marketing*, 2003, vol. 9, no. 3, pp. 285–299. <https://doi.org/10.1177/135676670300900307>
2. Hoeffler S., Keller K. The marketing advantage of strong brands. *Journal of Brand Management*, 2003, vol. 1, no. 6, pp. 421–445. <https://doi.org/10.1057/palgrave.bm.2540139>
3. Hankinson G. Location branding: A study of the branding practices of 12 English cities. *Journal of Brand Management*, 2001, vol. 9, no. 2, pp. 127–142. <https://doi.org/10.1057/palgrave.bm.2540060>

4. Morgan N., Pritchard A. Contextualizing destination branding. *Destination branding: creating the unique destination proposition*. Oxford, 2002, pp. 11–41.
5. Morgan N., Pritchard A., Pride R. (eds.). *Destination branding: creating the unique destination proposition*. Oxford, Butterworth-Heinemann, 2002. 204 p.
6. Cay L. Cooperative branding for rural destinations. *Annals of Tourism Research*, 2002, vol. 29, no. 3, pp. 720–742. [https://doi.org/10.1016/s0160-7383\(01\)00080-9](https://doi.org/10.1016/s0160-7383(01)00080-9)
7. Ritchie J. R. B., Ritchie R. J. B. Destination marketing. *International Association of Scientific Experts in Tourism Report*. Cambridge, Marketing Science Institute, 1998. Available at: <https://www.aiest.org/resources/publications/conference-proceedings/> (accessed 20.04.2020).
8. Keller K. L. Conceptualizing, measuring and managing customer-based brand equity. *Journal of Marketing*, 1993, vol. 57, no. 1, pp. 1–22. <https://doi.org/10.1177/002224299305700101>
9. Ekinici Y. From destination image to destination branding: an emerging area of research. *e-Review of Tourism Research (eRTR)*, 2003, vol. 1, no. 2. Available at: http://agrilife.org/ertr/files/2012/09/138_c-1-2-1.pdf (accessed 03.05.2020).
10. King J. Destination marketing organisations: connecting the experience rather than promoting the place. *Journal of Vacation Marketing*, 2002, vol. 8, no. 2, pp. 105–108. <https://doi.org/10.1177/135676670200800201>
11. Sirgy M. J. Destination image, self-congruity, and travel behaviour: toward an integrative model. *Journal of Travel Research*, 2000, vol. 38, no. 4, pp. 340–352. <https://doi.org/10.1177/004728750003800402>
12. Haigood T. The brand personality effect: an empirical investigation. *AMA winter educators' conference: proceedings*. Chicago, 1999, pp. 149–150.
13. Aaker D. A. Measuring brand equity across products and markets. *California Management Review*, 1996, vol. 38, no. 3, pp. 102–120. <https://doi.org/10.1177/004728750003800402>
14. Aaker J. L. Dimensions of brand personality. *Journal of Marketing Research*, 1997, vol. 34, no. 3, pp. 347–356. <https://doi.org/10.2139/ssrn.945432>
15. Back K., Lee K. Brand personality and its impact on brand loyalty in the upper-upscale hotel industry. *1st Asia-Pacific CHRIE conference: proceedings conference, 21–23 May 2003 Seoul, Korea*. Seoul, 2003, pp. 205–215.
16. Ekinici Y., Hosany S. Destination personality: an application of brand personality to tourism destinations. *Journal of Travel Research*, 2006, vol. 45, no. 2, pp. 127–139. <https://doi.org/10.1177/0047287506291603>
17. Shalygina N. P., Selyukov M. V., Zenin G. V., Shalygina T. O. Branding and its role in improving the competitiveness of region. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment = Scientific Journal NRU ITMO. Series «Economics and Environmental Management»*, 2013, no. 4. Available at: <http://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/11417.pdf> (accessed 05.05.2020) (in Russian).
18. Shteer O. V. Local history of a region as the foundation for destination branding. *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki palyavykh i mizhdystsyplynarnykh dasledavannyau: zbornik navukovykh artykulau III mizhnarodnai navukovai kanferentsyi (Polatsk, 14–15 krasavika 2016 g.)* [Belarusian Subversion: experience, methods and results of field and interdisciplinary research: a collection of scientific articles of the III International scientific conference (Polotsk, April 14–15, 2016)]. Navapolatsk, 2016, pt. 2, pp. 275–283 (in Russian).
19. Historical and cultural values of Belarus. *Ekskursii.by: Belarusian excursion portal*. Available at: https://pda.ekskursii.by/en/?Istoriko-kulturnye_cennosti_Belarusi (accessed 05.05.2020).
20. The number of organized Belarusian tourists in 2019 increased by 15.5% to 983 thousand people. *Information agency "Interfax-West"*. Available at: <https://interfax.by/news/turizm/turbiznes/1272245/> (accessed 05.05.2020) (in Russian).
21. *Brand management in the XXI century: international scientific and practical conference of students, masters, graduate students and young scientists: collection of articles*. Moscow, MAKS Press Publ., 2013. 165 p. (in Russian).
22. On approval of the State Program for the Development of Tourism in the Republic of Belarus for 2011–2015: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, March 24, 2011, no. 373. *Natsional'nyi reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2011, no. 37, 5/33538 (in Russian).
23. Competition to develop a creative concept for promoting cities and regions of the Republic of Belarus. *Image of the Republic of Belarus: development strategy*. Available at: <http://imagebelarus.by/konkurs> (accessed 05.05.2020) (in Russian).
24. State program for the development of tourism in the Republic of Belarus. *Ministry of Sports and Tourism of the Republic of Belarus*. Available at: <https://www.mst.by/ru/programma-razvitiya-turizma-ru/> (accessed 06.03.2021) (in Russian).
25. Traveling brands appeared in five cities. *Marketing.by*. Available at: <https://marketing.by/novosti-rynka/turisticheskie-brendy-poyavilis-u-5-belaruskikh-gorodov/> (accessed 05.05.2020) (in Russian).

Информация об авторе

Еловая Елена Михайловна – магистр экономических наук, аспирант, старший преподаватель (пр. Независимости, 65, 220013, Минск, Республика Беларусь). E-mail: zheneva@list.ru.

Information about the author

Elena M. Yelovaya – MA (Econ.), Postgraduate Student, Senior lecturer (65 Nezavisimosti Ave., Minsk 220013, Belarus). E-mail: zheneva@list.ru.

РЭЦЭНЗІІ
REVIEWS

Паступіў у рэдакцыю 25.02.2021

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-2-247-248>

Received 25.02.2021

А. І. Ляшкевіч*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь***«МИССИЯ ВЫПОЛНИМА» ВЯРТАЕЦЦА**

Выдавецкі дом «Беларуская навука» ў 2020 г. надрукаваў зборнік «Місія выконніма-2», у якім перспектывы вывучэння фальклору разглядаюцца навукоўцамі з Беларусі і Эстоніі. Назву «Місія выконніма» меў першы беларуска-эстонскі зборнік навуковых артыкулаў, выдадзены ў 2018 г. Яна перафразуе назву фільма «Місія невыканальная», сцвярджаючы, што фалькларыстыка – навука актуальная і перспектыўная, прыдатная і для аналізу з’яў традыцыйнай культуры, і для стракатых інфармацыйных плыняў у сучасным свеце.

Зборнік «Місія выконніма-2» – адзін з вынікаў супрацоўніцтва Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі і Эстонскага літаратурнага музея. З 2016 г. ладзіліся супольныя палявыя даследаванні, канферэнцыі, публікацыі, праходзілі стажыроўкі беларусаў у Эстоніі. Вынікам стала ўзаемаўзбагачэнне і абмен вопытам.

Большасць артыкулаў у зборніку раскрываюць нейкую адну эмпірычную тэму ў сферы традыцыйнай культуры беларусаў ці эстонцаў. Некалькі тэкстаў асвятляюць паралелі паміж беларускім (ці, шырэй, – славянскім) фальклорам і з’явамі культуры фіна-ўгорскіх (эстонцаў, сэту) і цюркскіх (тувінцы) народаў. Артыкул Юрыя Пацюпы «Праблема суадносін тэксту і напева: да размежавання вершазнаўчай і музыказнаўчай кампетэнцыі» – тэарэтычнае даследаванне, якое пераканаўча паказвае, што тэксты народных песень можна і трэба вывучаць асобна ад мелодыі. Асвятляецца гісторыя пытання, спробы міждысцыплінарных даследаванняў. Тэзіс, што тэксты народных песень непарыўна звязаны з напевам і не могуць вывучацца асобна, рашуча абвяргаецца. Гэта ўжо другая частка даследавання (першая апублікавана ў зборніку «Місія выконніма» ў 2018 г.).

Артыкул Алены Паўлавай «Асноўныя аспекты этнакультурнай дзейнасці беларусаў, якія жывуць у Эстоніі» прысвечаны пераважна сямейнай і каляндарнай абраднасці беларускай дыяспары. Закранаюцца таксама пытанні гісторыі яе фарміравання і дзейнасці, практыкі падтрымання сувязей з радзімай, культуры харчавання. Даследчыца здолела запісаць ад беларусаў у Эстоніі калыханкі, дзіцячыя пацешкі, замовы. Адносна апошніх Алена Паўлава заўважае, што ў эстонскіх запісах не захоўваецца іх традыцыйная структура («уступ»-малітва – наратыўная частка – «замацаванне»). Па прыведзеных запісах відавочна, што застаецца толькі наратыўная частка. Гэта магло б стаць гіпотэзай для даследаванняў асаблівасцей памяці ў фальклору на шырэйшым масіве матэрыялаў.

Два артыкулы прысвечаны заможам і дазваляюць чытачу самастойна параўнаць беларускі і эстонскі матэрыял. Гэта тэксты Таццяны Валодзінай «Historiola ў беларускіх замовах: прыярытэты і рэгіянальная спецыфіка» і Марэ Кыйва «Малітва і замова. Біблейныя матывы і вобразы ў эстонскіх замовах». Як тлумачыць Таццяна Валодзіна, «Historiola – гэта тактыка магічнага тэксту, сутнасць якой заключаецца ў апеляцыі да прэцэдэнтных сітуацый, калі стратэгія лекавання абумоўлена следаваннем сакральным узорам». За ўзор бяруцца дзеянні Хрыста і старазапаветных персанажаў. Тэму «народнай Бібліі» працягвае артыкул Алены Боганевай і Марэ Кыйва «Нарысы міфалогіі: фараоны ў кантэксце славянскіх і балта-фінскіх вераванняў». «Фараоны» – гэта міфічныя істоты (паўлюды-паўрыбы), паходжанне якіх звычайна звязваецца з біблейнымі падзеямі Сыходу.

У артыкуле Адрэса Купер’янава «Наратывы, звязаныя з дрэвамі» вывучаюцца этыялагічныя легенды. Яны ўяўляюць сабой сімбіёз народнага хрысціянства і хрысціянскага святога падання. На працягу XX ст. легенды, звязаныя з дрэвамі, былі на перыферыі эстонскай фалькларыстыкі. Такім чынам, артыкул Адрэса Купер’янава ў пэўнай ступені запаўняе гэту лакуну.

Пошук тыпалагічных паралеляў дазваляе не толькі вызначыць агульнае і адметнае, але таксама глыбей зразумець элементы асобных традыцый. Артыкулы «Сельскія могілкі ў беларускай народнай культуры

і па-за ёй» Сяргея Грунтова і «Тыпалагічныя паралелі ў абрадах пераносу Свячы ў беларусаў і шанавання бога Пека ў сэту» Ірыны Смірновай прыцягваюць увагу да пытанняў, пра якія ўжо шмат напісана рознымі даследчыкамі, але новыя палявыя матэрыялы і пашырэнне кантэксту параўнання дапаўняюць ці нават абвяргаюць старыя тэорыі. Сяргей Грунтоў праблематызуе паняцце «сельскія могількі» і паказвае, як пашырэнне яго разумення адкрывае новыя магчымасці інтэрпрэтацыі. У якасці аднаго з прыкладаў навуковец разглядае нарубы (пабудовы ў выглядзе хатак) на могільках: мы прывыклі ўспрымаць іх як вельмі старажытныя па паходжанні помнікі, частку беларускай сялянскай культуры, нават этнавызначальную прыкмету культуры беларусаў. Старажытнасць такіх пабудов не выклікае сумненняў, але калі паглядзець на аб'ект шырэй, то помнікі ў выглядзе хатак мы знойдзем і ў яўрэяў, і ў шляхты. Сяргей Грунтоў заклікае выкарыстоўваць межы азначэнняў для пашырэння даследаванняў. Даследчык не закранаў паралелей з фіна-ўгорскімі народамі, напэўна, таму, што апісваў надмагільныя «хаткі» на тэрыторыі Беларусі, даводзячы, што гэта могуць быць не толькі сялянскія помнікі. Між тым помнікі ў выглядзе хатак былі ў фіна-уграў, увогуле пабудовы такога тыпу распаўсюджаны на тэрыторыі Еўразіі. Прыцягненне гэтага матэрыялу дазволіла б яшчэ больш пашырыць даследчае поле, тым больш у зборніку, часткова прысвечаным эстонскаму фальклору.

«Свяча» – гэта комплекс рытуальных прадметаў, што можа складацца са свечкі, абраза і ручніка, якім пакрыты абраз. Можа быць толькі свечка ці толькі абраз, «ікона», якую ўсё роўна могуць зваць «свечой». Свяча захоўваецца ў адной хаце год, налета яе пераносяць да наступнага гаспадара. Ірына Смірнова адзначае, што параўнальная характарыстыка беларускай Свячы і падобных да яе абрадаў у фіна-ўгорскіх народаў можа быць ключом да разумення сутнасці гэтага дзеяння. Даследчыца прыходзіць да высновы, што «галоўны абрадавы прадмет (свяча і драўляная фігурка са свячамі) увасабляе агульнага продка, які здольны паўплываць на дабрабыт... сям'і, ураджаі збожжа і прыплод свойскай жывёлы. Беларуская і эстонская традыцыі захавалі асноўны змест і сэнс дахрысціянскіх культў».

Супастаўленні ў артыкулах «Вобраз зязюлі ў тувінскай і беларускай традыцыйнай няказкавай прозе ў святле тыпалагічных паралеляў» Іны Швед і «Параўнаўчае даследаванне эстонскіх і беларускіх жартаў пра святароў» Ліііс Лаінэстэ, Настасі Фядотавай і Тына Ёнукса дазваляюць больш дакладна акрэсліць спецыфіку з'яў, якія вывучаюцца, выдзеліўшы агульнае і адметнае. Іна Швед прыходзіць да высновы, што «міфалагізацыя зязюлі ў беларускай і тувінскай традыцыях абумоўлена ўяўленнямі аб незвычайнай біялогіі гэтай птушкі». Жарты ж пра святароў, на думку аўтараў артыкула, адлюстроўваюць праблему сацыяльна-класавых адносін, пры гэтым «ні атэізм, ні сур'ёзныя стэрэатыпы пра святароў не былі асноўнымі прычынамі для расказвання жартаў». Адметнасцю беларускага матэрыялу аўтары называюць асаблівую цікавасць да гендэрнага аспекту рэлігіі, а эстонскага – абыгрыванне моўнага бар'ера паміж замежнікамі-святарамі і сялянамі-эстонцамі.

У артыкуле «Пагрозы інстытуцыяналізацыі народнай творчасці ў Дзяржаўным спісе гісторыка-культурных каштоўнасцей Беларусі» Таццяна Мармыш адзначае, што ўнясенне элементаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Беларусі спрыяе не толькі іх ахове, але і ўзнікненню шэрага пагроз, сярод якіх наступныя: канструяванне мадэлі нацыянальнай культуры шляхам пашырэння спісу, камадыфікацыя і камерцыялізацыя народнага мастацтва, дэкантэкстуалізацыя, вынаходніцтва традыцый, канкурэнцыя рэгіёнаў, перакручанае разуменне аўтэнтычнасці праяў народнай культуры.

Асобным жанрам эстонскага фальклору прысвечаны артыкулы «Эстонскія паданні аб уяўнай смерці. Некаторыя гістарычныя моманты фарміравання традыцыі» Эды Калмрэ, «Легенды і паданні аб кладзе у эстонскім фальклору і іх характэрныя рысы» Марэ Калда і «Найменні і сімволіка колеру ў эстонскіх загадках» Пірэт Воолайд. Эда Калмрэ падкрэслівае, што з'яўленне і развіццё тэматыкі ўяўнай смерці ў эстонскім фальклору абумоўлена развіццём медыцыны і друку. Марэ Калда адзначае, што матыў грошай знайшоў адлюстраванне ва ўсіх жанрах эстонскага фальклору, аднак асноўную ўвагу надае легендам і паданням, якія захоўваюцца ў Архіве народнай творчасці Эстоніі. Пірэт Воолайд правяла статыстычны аналіз найменняў колеру ў корпусе загадак. Першыя трымаюць чорны, белы і чырвоны колеры, знакавыя і для беларускага фальклору. Акрамя таго, даследчыца прааналізавала шляхі, якімі найменні колеру ўдзельнічаюць у стварэнні вобразнай мовы загадак.

Зборнік «Місія выконніма-2» дазваляе чытачу пазнаёміцца з узорами сучасных фальклорных і сумежных (этналагічных, вершазнаўчых) даследаванняў, выкананых на самым высокім узроўні.

Информация об авторе

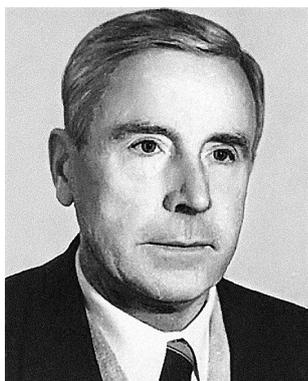
Лешкевич Елена Игоревна – кандидат филологических наук. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alena.leshkevich@ethno.by

Information about the author

Alena I. Leshkevich – Ph. D. (Philol.). Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Sarganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: alena.leshkevich@ethno.by

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ
SCIENTISTS OF BELARUS

МІХАІЛ ФЁДАРАВІЧ ПІЛІПЕНКА
(Да 85-годдзя з дня нараджэння)

Выдатны айчынны этнолаг і гісторык, член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар Міхаіл Фёдаравіч Піліпенка нарадзіўся 19 мая 1936 г. у маляўнічым куточку беларускай зямлі – вёсцы Нежыхаў Брагінскага раёна Гомельскай вобласці. Напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны ў вёсцы ў 60 сядзібах пражывала 240 жыхароў – дарослых і дзяцей. У час вайны адбылася жудасная трагедыя. У маі 1943 г. нямецка-фашысцкія захопнікі спалілі вёску і забілі 30 яе насельнікаў. Сярод людзей, якія цудам уцалелі, быў і сямігадовы сірата Міхаіл Піліпенка.

Пасля вайны ён выхоўваўся ў дзіцячым доме за пяць кіламетраў ад Брагіна, вучыўся ў школе, дзе з задавальненнем асвойваў новыя веды, асаблівую схільнасць праявіў да прадметаў гуманітарнага цыкла, да ініцыятыўнай камсамольскай работы. Па заканчэнні сямігодкі здольны вучань атрымаў пахвальную граматы і паступіў у Мазырскае педагагічнае вучылішча. Цікавыя і грунтоўныя лекцыі, практычныя заняткі, самастойная праца з падручнікамі і іншымі крыніцамі паглыбілі веды навучэнца. Важным быў і вопыт грамадскай дзейнасці па кіраўніцтву камсамольскай арганізацыі вучылішча.

Па заканчэнні Мазырскага педагагічнага вучылішча Міхаіл Фёдаравіч паступіў на гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, які скончыў з адзнакай у 1961 г. Працаваў настаўнікам гісторыі Мамайскай васьмігадовай школы Глыбоцкага раёна Віцебскай вобласці, а затым Каплічскай сярэдняй школы на Гомельшчыне. У 1964 г. Міхаіл Фёдаравіч паспяхова здаў экзамены і быў залічаны ў вочную аспірантуру Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава. Яго навуковым кіраўніком быў прызначаны доктар гістарычных навук, прафесар кафедры этналогіі МДУ Леў Паўлавіч Лашук, навуковыя інтарэсы якога былі шырокімі і рознабаковымі, а прафесійная кваліфікацыя і эрудыцыя, па сведчанні калег, – надзвычай высокімі. За час вучобы ў аспірантуры М. Ф. Піліпенка атрымаў глыбокую і рознабаковую падрыхтоўку па тэарэтычных пытаннях, метадалогіі і методыцы этналагічных даследаванняў, падрыхтаваў кандыдацкую дысертцыю аб сям’і і шлюбе беларускіх сялян. Пасля заканчэння аспірантуры з кастрычніка 1967 г. працаваў на гістарычным факультэце БДУ, спачатку выкладчыкам кафедры гісторыі старажытнага часу і сярэдніх вякоў, а затым дацэнтам кафедры археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін.

Працуючы ва ўніверсітэце, Міхаіл Фёдаравіч паспяхова распрацаваў і чытаў для студэнтаў гістарычнага факультэта агульны лекцыйны курс – «Асновы этнаграфіі», а таксама спецыяльныя курсы «Этнаграфія Беларусі», «Метады этнаграфічных даследаванняў», «Этнічная гісторыя Беларусі». Шмат увагі М. Ф. Піліпенка надаваў падрыхтоўцы будучых этнографіаў. Пад яго кіраўніцтвам паспяхова былі напісаны і абаронены дыпломныя работы студэнтамі, якія ў далейшым звязалі свой лёс з этналагічнай навукай. Выкладчыцкую дзейнасць у БДУ Міхаіл Фёдаравіч спалучаў з актыўнай і сістэматычнай навуковай працай. Ён распрацоўвае праблему этнагенезу і этнічнай гісторыі беларускага народа, пытанні эвалюцыі форм сям’і, сямейных і грамадскіх адносін, традыцыйных народных вераванняў беларусаў і інш. Шмат увагі вучоны надае таксама

даследаванню тэарэтыка-метадалагічных пытанняў, гісторыі, сучаснаму становішчу і перспектывам развіцця беларускай этналагічнай навукі.

Высокі навуковы аўтарытэт і ўклад у развіццё этналагічнай навукі паспрыялі пераходу М. Ф. Піліпенкі на працу ў Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН Беларусі на пасаду загадчыка аддзела этналогіі. У 1993 г. ён абараняе доктарскую дысертацыю. Праз год яго выбіраюць членам-карэспандэнтам АН Беларусі, з мая 1994 г. па чэрвень 2004 г. ён працуе дырэктарам інстытута, з 2004 г. – на пасадзе галоўнага навуковага супрацоўніка.

Асабліва патрэбна адзначыць этап навуковай і арганізацыйнай дзейнасці М. Ф. Піліпенкі на пасадзе дырэктара інстытута. У складаных перабудовачных рэаліях 1990-х гг., ва ўмовах скарачэння бюджэтнага фінансавання па фонду зарплаты і фактычнаму прыпыненню фінансавання на экспедыцыі, Міхаіл Фёдаравіч захаваў навуковы патэнцыял інстытута, у тым ліку кадравы склад этнолагаў, пад яго кіраўніцтвам пашырыліся і паглыбіліся навуковыя даследаванні, атрымала далейшае развіццё беларуская этналагічная школа.

На працягу дваццаці пяці год Міхаіл Фёдаравіч канцэптуальна абгрунтоўваў перспектыўныя планы аддзела народназнаўства, якія выконваліся ў рамках дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў, адказна кіраваў іх рэалізацыяй, што, безумоўна, дазволіла пашырыць праблематыку этналагічных вышукаў, акрэсліць новыя навуковыя кірункі ў айчыннай навучы. Пад непасрэдным кіраўніцтвам М. Ф. Піліпенкі паспяхова выкананы навуковыя тэмы «Традыцыйныя формы быта і матэрыяльнай культуры беларускага этнасу» (1996–2000), «Славянскія этнакультурныя традыцыі Беларусі» (2001–2005), «Традыцыі народнай культуры этнічных супольнасцей Беларусі» (2006–2010), «Этнакультурнае развіццё Рэспублікі Беларусь» (2011–2015), «Сучасныя этнічныя традыцыі Рэспублікі Беларусь» (2016–2020). Толькі па выніках даследавання апошняй тэмы вызначаны ўплыў этнічных традыцый на этнакультурнае развіццё Рэспублікі Беларусь, разгледжаны захаванне і трансфармацыя традыцый, развіццё працэсаў мадэрнізацыі ў гаспадарчай дзейнасці, матэрыяльнай, духоўнай і сацыяльнай культуры беларускага народа, што дало магчымасць выявіць тэндэнцыі дынамікі культуры этнасу. За адзначаны перыяд супрацоўнікамі аддзела апублікавана 21 манаграфія, 2 вучэбна-метадычныя дапаможнікі, энцыклапедыя, звыш 400 навуковых артыкулаў агульным аб'ёмам 839 друкаваных аркушаў.

У якасці кіраўніка дзяржаўных планавых тэм Міхаіл Фёдаравіч адказна працаваў з этнолагамі аддзела, уважліва ўлічваў навуковыя інтарэсы, вопыт даследчай працы, даваў слушныя парады, выступаў навуковым рэдактарам і рэцэнзентам прац. Пры яго непасрэдным удзеле на нарадах аддзела народназнаўства ўсебакова абмяркоўваліся манаграфіі, падручнікі, артыкулы, дысертацыі як сталых вучоных, так і малодшых навуковых супрацоўнікаў, аспірантаў, ішлі плённыя і цікавыя дыскусіі, своеасабліва вучоба кадраў.

Кола навуковых інтарэсаў М. Ф. Піліпенкі сапраўды не абмежаванае. Ён з'яўляецца аўтарам звыш 200 публікацый. Вынікам шматгадовай працы вучонага па праблеме паходжання беларускага народа з'явілася новая канцэпцыя, выкладзеная ім у манаграфіі «Узнікненне Беларусі: Новая канцэпцыя» (1991), асноўныя палажэнні якой былі працягнуты і ўдакладнены аўтарам у раздзелах калектыўнай манаграфіі «Беларусь на мяжы тысячагоддзяў» (2000). Аўтар адмовіўся ад уяўлення аб этнагенетычным працэсе паходжання беларусаў як спрошчанай эвалюцыі папярэдніх этнічных супольнасцей, а таксама тлумачэння этнагенезу вынікамі вялікіх міграцый старажытных славянскіх плямёнаў. У сваім даследаванні ён улічвае ролю многіх фактараў (сацыяльна-эканамічнага, палітычнага, гістарычнага), асаблівую ўвагу звяртае на ролю дыфузіі ў этнічных працэсах, прасторавую і эпохальную перагрупоўку кампанентаў культуры, пераемнасць і зменлівасць мовы і самасвядомасці.

Міхаіл Фёдаравіч выступіў адным з арганізатараў падрыхтоўкі і выдання шматтомнага даследавання «Беларусы», прыняў удзел у напісанні чацвёртага, пятага і шостага калектыўных тамоў («Т. 4: Вытокі і этнічнае развіццё» (2001), «Т. 5: Сям'я» (2001), «Т. 6: Грамадскія традыцыі» (2002)). Неабходна адзначыць, што гэтае выданне не мае аналагаў на постсавецкай прасторы, засноўваецца на шырокіх крыніцах (архіўных, палявых, статыстычных, картаграфічных і іншых матэрыялах), вылучаецца сваёй маштабнасцю, грунтоўным аналізам самых розных бакоў жыццядзейнасці беларускага народа (промыслаў і рамёстваў, дойлідства, гісторыі этналагічнага вывучэння,

вытокаў і этнічнага развіцця, сям'і, грамадскіх традыцый і інш.). Шматтомнае выданне «Беларусы» атрымала шырокае прызнанне ў нашай краіне і за яе межамі.

Важным кірункам дзейнасці М. Ф. Піліпенкі з'яўляецца аднаўленне і пашырэнне навуковых сувязей, у першую чаргу з навуковымі ўстановамі суседніх краін. Міхаіл Фёдаравіч прыняў актыўны ўдзел у падрыхтоўцы і выданні тома «Беларусы» (М., 1998) міжнароднай серыі «Народы і культуры», з'яўляўся адным з адказных рэдактараў тома, які атрымаў высокую ацэнку навукоўцаў і шырокай грамадскасці.

М. Ф. Піліпенка актыўна ўдзельнічае ў папулярызацыі навуковых ведаў. Ён з'яўляецца членам рэдкалегіі «Беларускай энцыклапедыі» ў 18 тамах, энцыклапедыі «Гарады і вёскі Беларусі» ў 6 тамах, «Беларускі фальклор» у 2 тамах, членам навукова-рэдакцыйнага савета энцыклапедыі «Гісторыя Беларусі» ў 6 тамах, «Этнаграфія Беларусі», падрыхтаваў серыю артыкулаў да гэтых выданняў, выступаў на беларускім радыё і тэлебачанні.

Навуковую працу Міхаіл Фёдаравіч творча сумяшчае з педагагічнай: чытае лекцыі, спецыяльныя курсы на кафедрах этналогіі, музейялогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кіруе дыпломнымі і магістарскімі работамі, рэгулярна ўваходзіць у склад дзяржаўных экзаменацыйных камісій на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Значны ўклад унёс Міхаіл Фёдаравіч у падрыхтоўку навуковых кадраў вышэйшай кваліфікацыі. Шмат гадоў ён узначальвае савет па абароне дысертацый, на высокім узроўні праводзіць экспертызы кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый. Асабіста падрыхтаваў 12 кандыдатаў і 3 доктары навук, якія працуюць у навуковых і вышэйшых навучальных установах Рэспублікі Беларусь.

М. Ф. Піліпенка актыўна займаецца грамадскай дзейнасцю: удзельнічае ў рабоце сесій Агульнага сходу АДДзялення гуманітарных навук і мастацтваў, сесій Агульнага сходу Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, з'яўляецца членам Вучонага савета Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, членам экспертнага савета па рэлігіі пры Упаўнаважаным Савета Міністраў па справах рэлігіі і нацыянальнасцей.

Як вядомаму спецыялісту па беларускай этналогіі, аўтару шматлікіх грунтоўных прац, ініцыятыўнаму арганізатару навукова-даследчай працы, клапатліваму выкладчыку Міхаілу Фёдаравічу ў 1995 г. было прысвоена званне прафесара, у 1994 г. ён быў абраны членам-карэспандэнтам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. У 1999 г. яму было прысуджана ганаровае званне заслужаны дзеяч культуры Рэспублікі Беларусь. У 2016 г. за шматгадовую добрасумленную працу і вялікі асабісты ўклад у развіццё Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта М. Ф. Піліпенку прысвоена ганаровае званне заслужаны работнік БДУ.

Міхаіл Фёдаравіч з'яўляецца ўзорам служэння этналагічнай навуцы. Ён працягвае працу ў галіне беларускай этналогіі, актыўна ўдзельнічае ў навуковых дыскусіях, выступае з дакладамі на навуковых канферэнцыях, чытае лекцыі па праблеме этнагенезу беларускага народа. Вялікі знаўца этнічных традыцый і гісторыі беларусаў М. Ф. Піліпенка сваім высокім прафесіяналізмам і эрудыцыяй заслужыў глыбокую павагу калег-этнолагаў і гісторыкаў як у нашай краіне, так і за яе межамі.

Дырэкцыя Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, навуковая грамадскасць, калегі і вучні сардэчна віншуюць шаноўнага Міхаіла Фёдаравіча з юбілеем і жадаюць яму моцнага здароў'я, дабрабыту, творчых поспехаў і плёну ў працы, здзяйснення ўсіх планаў і задум.

*А. І. Лакотка, акадэмік, доктар гістарычных навук,
доктар архітэктуры, прафесар, дырэктар Цэнтра даследаванняў
беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,*

*Г. І. Каспяровіч, доктар гістарычных навук, дацэнт,
вядучы навуковы супрацоўнік Цэнтра даследаванняў
беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,*

*Т. А. Наваградскі, доктар гістарычных навук, прафесар,
загодчык кафедраў этналогіі, музейялогіі і гісторыі мастацтваў
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*

АЛЯКСАНДР АЛЯКСАНДРАВІЧ КАВАЛЕНЯ (Да 75-годдзя з дня нараджэння)

14 сакавіка 2021 г. вядомы беларускі гісторык, няўрымслівы арганізатар навукі, Настаўнік з вялікай літары і сапраўдны чалавек, доктар гістарычных навук, прафесар, член-карэспандэнт НАН Беларусі Аляксандр Аляксандравіч Каваленя адзначыў свой 75-гадовы юбілей. За гэты адносна доўгі зямны і працоўны перыяд, але вельмі кароткі гістарычны час, Аляксандрам Аляксандравічам зроблена і напісана неверагодна шмат, як і яго вучнямі, паслядоўнікамі і нават апанентамі – непасрэдна пра жыццёвы шлях і дзейнасць вучонага¹. Гэта яскрава адлюстравана на выставе, якая прымеркавана да юбілею кіраўніка АДДзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі і адкрыта ў Цэнтральнай навуковай бібліятэцы імя Я. Коласа НАН Беларусі. Працавітасць Аляксандра Аляксандравіча, яго самаадданасць гістарычнай навуцы Беларусі, колькасныя і якасныя паказчыкі даследчыка проста ўражваюць! І ўжо сёння навуковая школа А. А. Кавалені, несумненна, заслугоўвае асобнага грунтоўнага вывучэння, спецыяльных дысертацыйных даследаванняў і манграфічных выданняў.

Менавіта таму ў дадзеным артыкуле чарговы раз нагадаем пра важнейшыя жыццёвыя і навуковыя этапы дзейнасці вучонага і самае галоўнае – адзначым яго дасягненні за апошнія гады.

Аляксандр Аляксандравіч Каваленя нарадзіўся 14 сакавіка 1946 г. у гарадскім пасёлку Капыль Мінскай вобласці ў сям’і настаўніка і хатняй гаспадыні. У вялікай і дружнай сям’і было шасцёра дзяцей: чатыры хлопцы і дзве дзяўчынкі. Спачатку ў сям’і былога партызана і партызанскай сувязной, якая, рызыкуючы жыццём, выконвала баявыя заданні, а затым у школе ў А. А. Кавалені сфарміраваліся цэльнасць характару, яго пастаянная прага да ведаў, настойлівасць і працавітасць. У 1962 г. пасля заканчэння дзевяці класаў ён паступіў у Мінскае ПТВ № 23, якое скончыў на выдатна і атрымаў спецыяльнасць слесара. Навучанне ў прафесійным вучылішчы юнак сумяшчаў з вучобай у школе рабочай моладзі, актыўна ўдзельнічаў у грамадскім жыцці. Заняткі ў аэраклубе і радыёшколе паўплывалі на тое, што пасля прызыву ў рады Савецкай Арміі яго накіравалі ў элітныя дэсантныя войскі. У 1968 г. ён быў дэмабілізаваны ў званні сяржанта і адразу працягнуў працу на будоўлях Мінска.

Толькі ў 24 гады (у 1970 г.) Аляксандр Аляксандравіч паступіў на гісторыка-геаграфічны факультэт Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя М. Горкага. У інстытуце актыўна займаўся грамадскай дзейнасцю, працаваў у студэнцкіх будаўнічых атрадах у Карэліі, Сібіры, на будоўлях Беларусі. Выкладчыкі і сябры паважалі сціплага і працавітага студэнта, неаднаразова выбіралі яго старшынёй прафсаюзнага бюро факультэта, з 1974 па 1979 г. ён узначальваў студэнцкі прафсаюзны камітэт інстытута, праца якога неаднойчы адзначалася сярод лепшых ВНУ Савецкага Саюза.

Прага да навуковых даследаванняў прывяла А. А. Каваленю ў аспірантуру кафедры гісторыі КПСС Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя М. Горкага (1979 г.). З гэтага часу пачала імкліва развівацца яго навуковая дзейнасць. Са снежня 1982 г. Аляксандр Аляксандравіч працаваў на пасадзе асістэнта кафедры гісторыі КПСС Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя М. Горкага. У 1983 г. пад кіраўніцтвам таленавітага вучонага, выдатнага чалавека, доктара гістарычных навук, прафесара Аляксандра Мікалаевіча Мацко ён абараніў кандыдацкую дысертацыю па тэме «Идейно-политическая работа подпольных партийных организаций КП(б)Б в партизанских зонах».

У маі 1987 г. А. А. Каваленя быў абраны на пасаду дацэнта кафедры гісторыі КПСС Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя М. Горкага. З 1983 па 1991 г. ён з’яўляўся членам Рэспубліканскага каардынацыйнага савета па распрацоўцы праблем гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. З 1987 г.

¹ Аляксандр Аляксандравіч Каваленя / уклад.: В. В. Даніловіч [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2016. – 150 с., [9 л.] іл. – (Біябібліяграфія вучоных Беларусі); Даніловіч, В. В. Аляксандр Аляксандравіч Каваленя (Да 70-годдзя з дня нараджэння) / В. В. Даніловіч, М. П. Касцюк // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2016. – № 1. – С. 126–128.

падтрымліваў цесныя сувязі з аддзелам ваеннай гісторыі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, удзельнічаў у распрацоўцы дзяржаўных праграм фундаментальных даследаванняў нацыянальнай гісторыі па заданнях «Акупацыйны рэжым на Беларусі ў ваенныя гады: гісторыка-параўнальны аналіз (1915–1921 гг., 1941–1944 гг.)», «Беларусь у гады Другой сусветнай вайны», а таксама ў падрыхтоўцы калектыўнай працы «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: пытанні гістарыяграфіі і крыніцазнаўства» (Мн., 1999). У 1994 г. А. А. Каваленя быў залічаны ў дактарантуру, у 1996 г. абраны загадчыкам кафедры айчыннай і сусветнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка. Пад яго кіраўніцтвам калектывам кафедры рэгулярна праводзіліся навукова-тэарэтычныя і навукова-практычныя канферэнцыі, прысвечаныя юбілеям Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне, выдаваліся зборнікі тэзісаў і матэрыялаў. Пры актыўным удзеле Аляксандра Аляксандравіча былі распрацаваны канцэптуальныя падыходы арганізацыі гістарычнай адукацыі студэнтаў негістарычных спецыяльнасцей, падрыхтавана праграма курса «Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай цывілізацыі», спецкурсы «Гісторыя маладзёжнага руху», «Маладзёжны рух на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны», «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа».

Станоўчую ацэнку навуковай грамадскасці атрымалі выдадзеныя ім манаграфіі і вучэбныя дапаможнікі, падрыхтаваныя з улікам новых метадалагічных падыходаў у выніку дзясяткаў гадоў працы ў архівах і бібліятэках, шматлікіх сустрэч і гутарак са сведкамі гістарычных падзей. Манаграфія А. А. Кавалені «Беларусь у гады Другой сусветнай вайны (1939–1945)» (Мн., 1996) была адзначана прэміяй і Дыпламам лаўрэата конкурсу Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка за 1997 г. Вынікам руплівага пошуку даследчыка стала манаграфія «Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць» (Мн., 1999). У 2000 г. па гэтай тэме А. А. Каваленя абараніў доктарскую дысертацыю, якая ўнесла важкі ўклад у навуковае вырашэнне адной з самых складаных і вострых праблем айчыннай гісторыі перыяду Другой сусветнай вайны. У 2004 г. яму было прысвоена навуковае званне прафесара. Падрыхтаваны пад кіраўніцтвам Аляксандра Аляксандравіча па даручэнні Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь вучэбна-метадычны комплекс «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)» (Мн., 2006–2009), які ўключае праграму, падручнікі для ВНУ і сярэдніх агульнаадукацыйных устаноў (адзначаны спецыяльнымі дыпламамі Нацыянальнага конкурсу «Мастацтва кнігі» ў 2005 і 2006 гг.), даведнік, рабочы сшытак, хрэстаматыю, дапаможнік для настаўніка, прызнаны лепшым сярод краін СНД. У рэцэнзіі вядомага расійскага гісторыка У. А. Нявежына адзначана, што вучэбна-метадычны комплекс «можна кваліфікаваць як адну з удалых спроб давесці да маладога пакалення, уваходзячага ў жыццё, праўду пра Вялікую Айчынную і Другую сусветную войны, аб гераічнай і самаадданай барацьбе свабодалюбівых народаў супраць спрадвечных ворагаў цывілізацыі». Але самай высокай адзнакай гэтай тытанічнай працы з'яўляюцца шматлікія падзякі ад настаўнікаў і вэтэранаў Вялікай Айчыннай вайны.

Зварот А. А. Кавалені да ваеннай тэмы – з'ява невыпадковая. Усё яго творчае жыццё як даследчыка звязана з вывучэннем пытанняў Другой сусветнай вайны. Нягледзячы на кан'юнктуру часу, Аляксандр Аляксандравіч не здрадзіў прынцыпу гістарызму і прыярытэту нацыянальна-дзяржаўнага падыходу, імкнецца да комплекснага, аб'ектыўна-гістарычнага аналізу падзей, спалучаючы даследчую працу з папулярызатыйнай гістарычных ведаў, засноўваючыся на багатым і разнастайным фактычным матэрыяле.

У навуковых працах А. А. Кавалені на аснове значнага пласта ўведзеных у навуковы ўжытак дакументальных крыніц абгрунтавана даказана, што партызанскі рух на тэрыторыі акупіраванай Беларусі меў самую шырокую падтрымку мясцовага насельніцтва. Толькі дзякуючы пастаяннай, цеснай сувязі і дапамозе з боку жыхароў партызанская барацьба набыла небывала шырокі размах, якога не ведала гісторыя, – гэта быў сапраўдны фронт у тыле акупантаў.

У 2004–2010 гг. Аляксандр Аляксандравіч працаваў дырэктарам Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Гэта быў этап напружанай, але плённай дзейнасці – рэарганізацыя структуры інстытута, вызначэнне новых перспектывных кірункаў навуковых даследаванняў і інш. У гэты час А. А. Каваленя выразна прадэманстравала, што ён не толькі таленавіты вучоны і педагог, але і выдатны арганізатар навукі. Дзякуючы яго энергіі і арганізацыйнаму таленту як кіраўніка Інстытут гісторыі ператварыўся ў дзяржаўны цэнтр арганізацыі сістэмных гістарычных даследаванняў; вучоныя інстытута паспяхова выканалі Дзяржаўную комплексную праграму навуковых даследаванняў на 2006–2010 гг. «Гісторыя беларускай нацыі, дзяржаўнасці і культуры»; упершыню за ўсю гісторыю краіны ў інстытуце 1 лістапада 2007 г. была адкрыта ўнікальная Археалагічная навукова-музейная экспазіцыя, якая яскрава раскрывае бага-

тую гісторыка-культурную спадчыну Беларусі; вучонымі інстытута былі падрыхтаваны і рэалізаваны на практыцы навуковыя канцэпцыі абноўленага Музея гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Музея Нацыянальнага парка «Белавежская пушча», а таксама распрацавана навуковая канцэпцыя Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь. Пад рэдакцыяй Аляксандра Аляксандравіча выданы такія знакавыя працы, як энцыклапедыя «Вялікае Княства Літоўскае» ў 3 тамах (Мн., 2005, 2010); энцыклапедычны даведнік «Современная Беларусь» у 3 тамах (Мн., 2006–2007); «Беларусь: Народ. Государство. Время» (Мн., 2009), якая адзначана дыпламам Нацыянальнага конкурсу «Мастацтва кнігі – 2009» і атрымала гран-пры Міжнароднага конкурсу «Научная книга – 2010» у г. Маскве.

Шмат сіл і энергіі А. А. Каваленя аддае працы з моладдзю, яе патрыятычнаму выхаванню. Не адзін год ён з'яўляўся старшынёй Рэспубліканскай алімпіяды па гісторыі сярод адоранай вучнёўскай моладзі, а таксама намеснікам старшыні Рэспубліканскага конкурсу творчых работ сярод вучняў і студэнтаў. Дзякуючы яго актыўнай пазіцыі Інстытутам гісторыі НАН Беларусі сумесна з Інстытутам усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук пры фінансавай падтрымцы Міждзяржаўнага фонду супрацоўніцтва дзяржаў-удзельніц Садружнасці Незалежных Дзяржаў у Мінску 14–23 чэрвеня 2010 г. была праведзена V Міжнародная летняя школа маладых вучоных-гісторыкаў краін СНД «Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы)». Ужо 9 гадоў Аляксандр Аляксандравіч узначальвае аргкамітэт Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі навучэнцаў «Вялікая Айчынная вайна 1941–1945 гадоў у гістарычнай памяці народа», якая штогод праводзіцца на базе гімназіі № 174 г. Мінска.

У лютым 2009 г. А. А. Кавалене быў аказаны высокі давер з боку кіраўніцтва дзяржавы. Ён быў прызначаны акадэмікам-сакратаром Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі, уведзены ў склад Прэзідыума Нацыянальнай акадэміі навук.

Сёння, як і заўсёды, Аляксандр Аляксандравіч у творчым росквіце. Пад яго кіраўніцтвам вучоным Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў распачалі працу над новай Дзяржаўнай праграмай навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» і яе васьмі падпраграмамі. За апошнія дзесяцігоддзе былі паспяхова выкананы Дзяржаўныя праграмы навуковых даследаванняў «Гуманітарныя навукі як фактар развіцця беларускага грамадства і дзяржаўнай ідэалогіі (гісторыя, культура, грамадства, дзяржава)» (2011–2015 гг.) і «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» (2016–2020 гг.). У даследаваннях на карысць беларускай навукі былі аб'яднаны намаганні ўсіх акадэмічных інстытутаў, а таксама выдатных вучоных-гуманітарных краіны. Вельмі важна і знакава, што пад кіраўніцтвам Аляксандра Аляксандравіча падрыхтаваны і пабачылі свет адмысловыя навуковыя выданні «Акадэмічная гуманітарыстыка: важнейшыя вынікі» (ужо пяць выданняў), якія ў абагульненым выглядзе паказваюць дасягненні акадэмічных вучоных па выніках выканання кожнага года праграмы за 2016–2020 гг.

За ўвесь час навукова-педагагічнай дзейнасці ім апублікавана звыш 700 навуковых і навукова-метадычных прац, з якіх звыш 70 асабістых і калектыўных манаграфій, падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў, даведнікаў і брашур. Пры непасрэдным удзеле А. А. Кавалені сфарміравана моцная навуковая школа даследчыкаў Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Акрамя таго, ён з'яўляецца навуковым рэдактарам і рэцэнзентам звыш 100 розных навуковых, навукова-папулярных і энцыклапедычных выданняў. Ён падрыхтаваў 8 кандыдатаў і 1 доктар гістарычных навук. Сярод яго вучняў – два рэктары Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь. Ужо 11 гадоў А. А. Каваленя ўзначальвае савет па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі. За гэты час абаронена амаль 80 доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый.

Аляксандр Аляксандравіч – навуковы рэдактар, член рэдакцыйных калегій і саветаў часопісаў «Доклады Национальной академии наук Беларуси», «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук», «Архівы і справаводства», «Беларуская думка», «Беларускі гістарычны часопіс», «Гісторыя і грамадазнаўства», «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ». Ён узначальвае Камісію Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі па гісторыі навукі і секцыю «Гуманітарныя і грамадскія навукі» дзяржаўнага экспертнага савета «Сацыяльна-эканамічныя, гуманітарныя і грамадскія навукі» пры Дзяржаўным камітэце па навуцы і тэхналогіях Рэспублікі Беларусь, уваходзіць у склад Бюро Вучонага савета Беларускага фонду фундаментальных даследаванняў.

Сведчаннем высокага навуковага аўтарытэту А. А. Кавалені з'яўляецца яго ўдзел у міжнародных кангрэсах, сімпозіумах і канферэнцыях не толькі ў Беларусі, але і далёка за яе межамі. За час навукова-педагагічнай дзейнасці ён прыняў удзел больш чым у 200 навуковых канферэнцыях, кангрэсах,

сімпозиумах і «круглых сталах», пры гэтым выступіў арганізатарам звыш 150 з іх. Нельга не адзначыць, што Аляксандр Аляксандравіч – адзін з заснавальнікаў і актыўных удзельнікаў Асацыяцыі інстытутаў гісторыі краін Садружнасці Незалежных Дзяржаў, ён шмат увагі надае развіццю супрацоўніцтва з беларускай дыяспарай у Расійскай Федэрацыі.

Нягледзячы на вялікую навукова-арганізацыйную дзейнасць, ён па-ранейшаму працягвае актыўна займацца навукова-даследчай працай. У часопісах, перыядычным друку і навуковых выданнях пастаянна з’яўляюцца яго артыкулы, прысвечаныя асветленню праблем гісторыі Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў, актуальным пытанням развіцця гуманітарных навук.

Пры непасрэдным удзеле А. А. Кавалені як арганізатара творчага калектыву, навуковага рэдактара і аднаго з аўтараў да 70-годдзя Вялікай Перамогі была падрыхтавана ўнікальная калектыўная манаграфія «Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне» (Мн., 2015), якая стала пераможцам Міжнароднага конкурсу «Научная книга – 2015». У гэтай навуковай працы створана цэласная аб’ектыўная карціна ўдзелу беларусаў і ўраджэнцаў Беларусі ў найважнейшых падзеях Вялікай Айчыннай вайны. На вялікім фактычным матэрыяле паказаны ўклад насельніцтва БССР у агульную Перамогу. Комплексна даследаваны масавы гераізм беларускага народа на франтах вайны, раскрыты самаахвярная барацьба партызан і падпольшчыкаў, удзел беларусаў і ўраджэнцаў рэспублікі ў еўрапейскім руху Супраціўлення і ў складзе войскаў антыгітлераўскай кааліцыі, гераічная праца ў савецкім тыле і падчас аднаўлення разбуранай вайной эканомікі, сацыяльнай сферы, навукі і культуры БССР.

У 2018 г. была завершана шматгадовая калектыўная міжнародная навукова-дакументальная праца «Страна в огне. 1941–1945» у 3 тамах і 6 кнігах, за якую А. А. Кавалене ў складзе аўтарскага калектыву прысуджана прэмія РАН і НАН Беларусі.

Аляксандр Аляксандравіч прымаў самы актыўны ўдзел у падрыхтоўцы і апублікаванні этапнага для беларускіх гісторыкаў чатырохтомнага «Вялікага гістарычнага атласа Беларусі» (Мн., 2009, 2013, 2016, 2018). За гэту выключна важную працу ён разам з іншымі калегамі быў адзначаны Прэміяй Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь за духоўнае адраджэнне за 2019 г.

Пад кіраўніцтвам А. А. Кавалені як галоўнага рэдактара быў арганізаваны творчы навуковы калектыў, у выніку напружанай працы якога ўпершыню ў гістарычнай навуцы была падрыхтавана і апублікавана фундаментальная пяцітомная праца «История белорусской государственности» (Мн., 2018–2020). Распрацоўка канцэпцыі, гарачыя навуковыя спрэчкі і дыскусіі, падрыхтоўка і рэдагаванне рукапісаў, а затым выданне, шырокая папулярызацыя і прэзентацыя «Истории белорусской государственности» не засталіся не заўважанымі: выданне стала пераможцам у намінацыі ТОП-10 вынікаў дзейнасці вучоных НАН Беларусі за 2019 г.

Адзначым таксама велізарны ўклад А. А. Кавалені ў падрыхтоўку і выданне ўнікальнай 7-томнай калектыўнай працы «Республика Беларусь. 25 лет созидания и свершений» (Мн., 2020).

Глыбіня ведаў Аляксандра Аляксандравіча па гісторыі Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў уражвае, хоць сам ён з гэтым не пагаджаецца. А. А. Каваленя пастаянна падкрэслівае, што чым больш вучоны пранікае ў глыб гістарычных крыніц, тым больш становіцца відавочным, наколькі мала мы ведаем сваё мінулае. Вучоны адзначае, што гісторыя вельмі неахвотна раскрывае свае скарбонкі, толькі настойлівых і апантаных чакаюць новыя адкрыцці, пры гэтым неабходны цяперашняе і ўдумлівае іх асэнсаванне. Сам ён заўсёды прытрымліваецца прынцыповага стаўлення да кожнага гістарычнага факта і падзеі. Можна нават сказаць, што навуковы такт яго адзін і высноў з’яўляецца прыкладам грамадзянскай адказнасці даследчыка перад гістарычнай наукай. Разам з тым, пры ўсёй сваёй далікатнасці, Аляксандр Аляксандравіч патрабавальны і вельмі настойлівы, нават катэгарычны, калі адстойвае прынцыповыя навуковыя палажэнні. Варта падкрэсліць, што ў навуковых дыскусіях ён ніколі не падлажваецца пад чужыя меркаванні, а калі ўпэўнены ў іх спрэчнасці, прыводзіць пераканаўчыя аргументы, якія падмацоўваюцца факталагічнымі дакументальнымі матэрыяламі, што выяўлены ім у архіўных сховішчах.

Даследаванні А. А. Кавалені адрозніваюцца навуковай глыбінёй, фундаментальнасцю і комплекснасцю падыходаў, жаданнем пранікнуць у глыбіннюю сутнасць ваенна-палітычных працэсаў і падзей, што адбываліся ў гады Другой сусветнай вайны. Выкарыстанне шырокага кола разнастайных архіўных дакументальных крыніц узмацняе навуковую вартасць прац Аляксандра Аляксандравіча. Дзякуючы няўрымслівасці, апантанасці і грамадзянскай навуковай пазіцыі А. А. Кавалені з небыцця вернуты і ўпісаны ў Вялікую кнігу гістарычнай памяці сотні імёнаў нашых суайчыннікаў. Яго даследаванні і публічныя выступленні – прыклад грамадзянскага служэння беларускаму народу.

Толькі за апошнія гады пабачылі свет такія калектыўныя выданні пры ўдзеле Аляксандра Аляксандравіча, як «Твои сыновья, Беларусь: маршалы, генералы (адмиралы) – белорусы и уроженцы Беларуси в годы Великой Отечественной войны: биографический справочник» (Мн., 2019) і «Созвездие героев земли белорусской» (Мн., 2019), падрыхтаваныя сумесна з вядомым гісторыкам Б. Д. Даўгатовічам, а таксама «С верой в Победу: Беларусь в Великой Отечественной войне: 100 вопросов и ответов» (Мн., 2020, падрыхтавана сумесна з Б. Д. Даўгатовічам, Д. М. Хромчанка). Асабліва важнымі з’яўляюцца работы, накіраваныя на выкладанне гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ў школах і вышэйшых навучальных установах. Толькі за 2020 г. пры ўдзеле Аляксандра Аляксандравіча былі выдадзены вучэбныя дапаможнікі «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : пособие для учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения» і «История Великой Отечественной войны: очерки совместной истории: учебное пособие. Вып. 1: Начало Второй мировой войны» ў серыі «Россия и Беларусь: страницы общей истории».

Выступленні Аляксандра Аляксандравіча на радыё, тэлебачанні, шматлікія публікацыі ў перыядычным друку заўсёды кранаюць душу. А. А. Каваленю вызначаюць высокамаральныя чалавечыя якасці, неабыхавасць, грамадзянскае стаўленне да грамадска-палітычных працэсаў, цэльнасць і перакананасць у дзеяннях.

Але не толькі навуковае і грамадскае жыццё маюць сэнс для Аляксандра Аляксандравіча, галоўным для яго з’яўляецца стварэнне станоўчага мікраклімату для працы калег у АДДЗЯленні гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі, у Інстытуце гісторыі, дзе ён застаўся працаваць галоўным навуковым супрацоўнікам, на кафедры гісторыі Беларусі і славянскіх народаў Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка, дзе А. А. Каваленя працягвае працаваць як прафесар, а таксама ў сям’і. Яго шчырыя размовы, канструктыўныя ідэі, глыбокае веданне праблем, аналітычны талент дапамагаюць плённа супрацоўнічаць, успрымаць рэчаіснасць ва ўсёй складанасці, пазбягаць адназначных ацэнак і вывадаў.

За вялікую плённую працу Аляксандр Аляксандравіч неаднаразова быў узнагароджаны Ганаровымі граматамі прафсаюзных камітэтаў розных узроўняў, двойчы (у 2002 і 2003 гг.) – Пасведчаннем Спецыяльнага фонду Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь за асабісты ўклад у развіццё здольнасцей таленавітай моладзі, у 2002 г. з’яўляўся стыпендыятам Спецыяльнага фонду Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, у гэтым жа годзе быў узнагароджаны знакам «Выдатнік адукацыі», у 2005 г. – юбілейным медалём «60 год вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў», у 2006 г. – медалём Францыска Скарыны, у 2009 г. – Падзякай Упраўлення справамі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь і Ганаровай граматай Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, у 2010 г. – юбілейным медалём «У гонар 80-годдзя Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі», у 2014 г. – Ганаровай граматай Нацыянальнага Сходу Рэспублікі Беларусь, у 2016 г. – «Залатым медалём НАН Беларусі «За вялікі ўклад у развіццё навукі». За ўклад ва ўмацаванне адзінства славянскіх народаў у 2004 г. ён абраны сапраўдным членам Міжнароднай славянскай акадэміі адукацыі імя Я. А. Каменскага. За плённую працу па вывучэнні, захаванні і папулярызацыі гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі 30 снежня 2011 г. А. А. Кавалене аб’яўлена Падзяка Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 23 чэрвеня 2014 г. Аляксандру Аляксандравічу прысвоена званне заслужанага дзеяча навукі Рэспублікі Беларусь. У гэтым жа годзе А. А. Каваленя быў выбраны членам-карэспандэнтам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. У 2019 г. А. А. Каваленя быў абраны Вучоным года Нацыянальнай акадэміі навук.

Бясспрэчна, сёння А. А. Каваленя – адзін з выдатных спецыялістаў у галіне гістарычнай навукі, які не спыняецца на дасягнутым і мае шмат новых творчых задум.

Ад усяго сэрца жадаем Аляксандру Аляксандравічу моцнага здароўя, творчага натхнення і новых поспехаў на ніве навуковай і грамадскай дзейнасці.

*В. В. Даніловіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
рэктар Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь,*

*В. Л. Лакіза, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
дырэктар Інстытута гісторыі НАН Беларусі,*

*М. Г. Жылінскі, кандыдат гістарычных навук дацэнт,
рэктар Інстытута падрыхтоўкі навуковых кадраў НАН Беларусі*